

Быков Сергей Николаевич.

История.

NOVA TOTIUS
TERRARUM
ORBIS
TABULA
ex officina G. a Schagen
Amstelredami

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Николаевич Быков.

История

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51676944

SelfPub; 2020

Аннотация

Тот, кто рискнет прочитать это произведение, не найдет здесь ни головокружительных приключений, ни закрученного сюжета, ни умопомрачительных любовных историй. Всё это есть, конечно, но в умеренных пропорциях. Жанр этой книги скорее социально-философский, чем какой-либо другой. Это история про попаданца в очень-очень далекое прошлое. Здесь не будет ослепительного прогрессорства, хотя рояли присутствуют, без них, собственно, никак. Но я старался изо всех сил, чтобы их было поменьше. Я также не основывался на "самых последних научных изысканиях" в области палеонтологии и теории происхождения человека. Все-таки это не научная работа, а фантастический роман. Если кто-то, несмотря на все вышесказанное, все-таки рискнет прочитать то, что я написал, что ж, буду рад и желаю всяческих успехов.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Гл. 1 Попадос	10
Гл. 5 Путь к дому	155
Гл. 6 Дом	191
Глава. 7 Так вот ты какой – рояль попадана	252
Конец ознакомительного фрагмента.	267

Вместо пролога.

Я часто размышляю, что есть История? Говорят, что это наука, в широком смысле этого понятия, о прошлом. Но обычный человек, прежде всего, воспринимает историю как знания о прошлом человечества. И вот я задаю себе вопрос, а насколько История – наука? И вообще, сколько там от науки?

Человечество всю свою историю, азартно и с большим удовольствием жонглирует фактами, материальными свидетельствами, письменными источниками и устными преданиями. Всегда, когда это необходимо, потеряют нужное, «найдут необходимое», пригладят, приукрасят, купируют.... Если нужно, исказят. Если нужно, и полностью переврут, не постесняются. Иногда это делают тонко, а иногда до того грубо, что хочется крикнуть – «Да вы что, опупели там все что ли!» Приглядитесь повнимательнее, послушайте, посмотрите. Иногда Историю курочат прямо у вас на глазах, что уж говорить о прошлом.... Не сомневаюсь, есть, где-то за толстыми дверями, за семью замками, История, которая гораздо ближе к той действительности, которая когда-то была но, она не для всех. Она – для узкого круга посвященных. Нам же, 99,9% населения Земли, достаётся то, что считают нужным сообщить. Микс из правды, полуправды, вымысла и лжи. А так интересно было бы узнать – как там оно, на самом деле....

Когда мне стукнуло тридцать пять, связался я с реконструкторами. Как говорят, «не было печали – купила баба

поросся». Но я ни разу не жалею! Сейчас мне уже пятьдесят два, за семнадцать лет, болтаясь среди рыцарей и викингов, я такого насмотрелся и попробовал на собственной шкуре, столько узнал о ранних и средних веках, что в некоторых аспектах «исторической реалии» любого кабинетного профессора за пояс засуну. Это по началу, только, адреналинчиком взбодриться - назвездить оппонентам от души в бугурте как бы основное. Как поэтично выражались наши предки: «Выйти во чисто поле, поподчивать злого врага стрелкой калёной, преломить копья острые о щиты червлёные, позвенеть мечами о шелома прочные». Я пока помоложе был, ни одной «драки» не пропускал, потом то тяжковато стало но, нет-нет да выйду, отвешу пяток другой увесистых плюх мечом или топориком, а то другой раз и копьем поработаю. Ну, и в ответ, конечно, получишь, без этого ни как. Но если зацепила тебя реконструкция в серьёз и надолго, то потянутся, как ниточка за иглочкой, в след за боёвкой и другие интересы. А какие доспехи были, а почему такие, а у других, почему не такие, а как сделать, а из чего? Это что, меч? А чё такой лёгкий, я читал, что он целый пуд весить должен. Что, нет таких!? А какие были, а из чего, а самому сделать можно? А одежда из чего, а горшки как делали? И вот уже расширяются твои знания и интересы во все стороны, словно волны от камня, брошенного в воду. Это только со стороны кажется что, реконструкторы без башенные отморозки или странные личности оторванные от реальности. Не верьте первому впе-

чатлению – мы в «образе». Я вам авторитетно заявляю, 95% реконструкторов образованные, умные, вменяемые и адекватные люди. И кстати, довольно часто встречаются профессиональные историки и археологи.

Однажды, на фестивале по эпохе викингов, от одного очень умного человека, кстати кандидата исторических наук с не оригинальным погонялом Доцент, я услышал то что, заставило меня переосмыслить отношение к истории как к науке, взглянуть на многие очевидные и неоспоримые факты, как казалось ранее, под другим, более критичным углом. Тем более что, критическая масса «неудобных» вопросов уже давно в голове накопилась.

– Знаешь – сказал Доцент – Пётр Алексеич, я тебе как профессиональный историк скажу. История – это всё что угодно, только не наука. Я бы её даже назвал -лженаукой! Хочешь, я тебе сейчас расскажу из чего, она состоит?

– Давай, глаголь – подбодрил я его.

– Знай же, мой тёмный и не образованный воевода отважных варягов что, на самом деле история состоит из нескольких частей. Одна часть, это то что, мы можем взвесить, измерить, пощупать. Вторая часть, это то что, мы можем прочитать и посмотреть. Совсем маленькая часть, то что, мы можем услышать. Казалось бы, вполне себе не плохое основание для науки, некоторые и на меньшем базируются. Может быть, какой ни будь Геологии или Астрономии и достаточно, но там где пересекаются людские интересы по вопросам

прошлого, настоящего и будущего... – он покачал головой. – Всё выше сказанное; и пощупать, и посмотреть, и почитать, а уж тем более послушать – может быть абсолютной правдой и может быть, совершеннейшей фикцией. В любой пропорции и в любой градации. Если откинуть словоблудие, то Историю мы смело делим на три абстрактных составляющих. Нам кажется что, так было, мы думаем что, так было, нам хотелось бы, что бы так было. В любом из трёх случаев, в зависимости от конъюнктуры, мы и фактики не постесняемся подправить, и документики найдём, либо потеряем, и вообще.... Этим увлекательным делом человечество занимается всю свою историю. Слышал, небось, выражение «Историю пишут победители». Уж поверь, во истину это так, но, ты можешь назвать мне, безоговорочных победителей, одних, на все времена! Всегда на смену одним приходят другие. И они, те, кто приходит на смену, пишут историю ту, которая нужна им! В астрологии, Петр Алексеич, науки кабы не больше чем в Истории.

– Может сгущаешь, а Доцент? – я посмотрел на его серьёзное лицо. – Не уж-то в таких масштабах можно все перековеркать?

– Эх, Петр Алексеич! – он сокрушенно махнул рукой – А ты в курсе что, большинство американцев убеждено что, это они первыми вышли в космос!? Некоторые вообще считают что, Россия и Германия воевали вместе против Америки, во второй мировой войне. А хохлы, какие пули отливают? Ведь

ты посмотри, на наших глазах формируется новая историческая реальность!

Долго мы тогдаещё говорили. Не сказать что, он прямо величайшие истины мне открыл но, стех пор стал я повнимательней относится к «бесспорным утверждениям авторитетных людей», «неопровержимым исторически фактам», не ленился с информацией поработать, сравнить разные источники, и своей головой подумать, и осведомлённых людей послушать, если что непонятно. На умные книжки подсел, философов стал почитать. И вот вам моё, сугубо личное мнение! Мировая история, в том виде, в котором нам её преподносят – полная туфта! Приглядитесь, почитайте, задумайтесь – там же «рояль на рояле». Сто лет – иногда ещё имеются живые свидетели, всё ещё слишком много письменных источников, изобразительных и материальных свидетельств, ещё не успели люди, которые заинтересованы в этом, исказить реальность в нужную им сторону. Тысяча лет – и мы уже начинаем барахтаться в вязком болоте догадок и предположений. У нас начинают повисать в «воздухе» даты и события. Как ярчайший пример – Куликовская битва! Одно из основополагающих событий для Русской государственности. Казалось, мы об этом знаем всё. Когда, кто, вплоть до многочисленных персоналий, почему, чем закончилось! Но мы до сих пор не знаем где? ГДЕ?!?! Где то место, на котором сошлись не много – ни мало, а семьдесят тысяч воинов что бы в течении нескольких часов треть из них там и погибла!

Нет ответа.

Десять тысяч лет – терра инкогнито. Мы, несомненно, что-то знаем. Специалисты, уверен, даже больше чем что-то. Одна беда – меж собой договориться не могут.

Пятьдесят тысяч лет – мы знаем, человек был. Аллилуйя!

К чему я так долго «растекалсямыслию по древу»? Это к тому, что волею непонятного но, вполне не редкого на Земле аномального феномена, загремел я вниз по спирали времени, на далёкие тысячи лет, да так, что до сих пор определить не смог на какие.

Гл. 1 Попадос

Зовут меня Петр Алексеевич Зотов. Я самый настоящий «чёрный» дембель. Да будет вам известно, чёрный дембель, это не тот дембель что, бедных солдатиков пугает, приходя темными ночами по их грешные души, а тот, кто выслужил все положенные цензы. Минимальную выслуг – двадцать лет (в моём случае 27), и максимальный возраст – сорок пять. Как бы пришел на службу молодым, зелёным, там пожелтел, покраснел, потом почернел и сожмурился. Благодарная Родина дала три медальки «за безупречную службу», девять тысяч пенсии, и напутственным пендалем отправила тебя в счастливую и беззаботную жизнь расейского пенсионера. Кстати, забыл добавить что, я пожарный чёрный дембель. Двадцать семь лет «горел» на работе. Был женат, но... не сложилось. Зато есть сын. Красавец, двух метровый, мускулистый, голубоглазый блондин. Весь в меня. Сейчас в армии. У Дяди Вани. Сначала положенное отслужил, теперь ещё на три года остался. Пока нравится, а там, говорит, посмотрим. Горжусь им! Когда срок подошел даже не заикнулся что бы как-то откосить или ещё чего. «Ты – говорит – ба-тя всю жизни на государевой службе, плюёшься, ругаешься, но... служишь, значит это для тебя важно! Оба прадеда на войне жизнь положили, что бы я на свет появился. Дед, мо-

ряк военный, где-то в океане вместе с кораблём на дно ушел. Не престоало мне – вашему потомку, по подвалам да сараям от службы прятаться». Моё воспитание! И то сказать, когда с женой разошлись, ему восемь было, а через два года у неё новый муж появился. Хороший человек. К сыну с воспитательным процессом не лез, вместе с женой против меня не настраивал. Сын, считай, у меня постоянно был. А ещё через год, когда у него появилась сестричка, он практически ко мне переселился. Как он относился к отчиму и матери сказать трудно но, сестрёнку свою просто обожает. Но это так, лирическое отступление.

Всё началось в один из дней ранней весны.... Туманное утро не чем не предвещало беды. Какой затертый, банальный штамп. Было бытак и в самом деле, не было бы так обидно. Но ведь предупреждали дурака... и не раз! Как там, у Владимира Семёновича – «Каждый волхвов покарать норовит, а нет бы послушаться – правда?» В данном, конкретном случаи ни каких волхвов, ни их кар не было. Была милая старушка, Алевтина Петровна, хозяйка маленького домика на краю полу заброшенной деревушки Лутошкино Красненского района. У неё в доме я держал «дачный арсенал». Сколько раз она просила – Не ходи ты, Петя, через Блудов овраг, когда туман стоит. Не хорошее там место, сколько раз там люди блукали, а былоча и вовсе пропадали.

А я раз за разом – Да когда же это было? Сами рассказывали, Алевтина Петровна, чуть ли не при царе Горохе такое

в последний раз случилось.

Подожмёт Алевтина Петровна губы – Умные все ныне стали, бога не боитесь, а народ то не зря овраг Блудовым прозвали. Христом богом прошу – не ходи в туман.

– Да не волнуйтесь вы так, Алевтина Петровна – в ответ машу рукой – Все нормально будет. И такие диалоги у нас каждый раз, когда я к ней приезжаю, словно ритуал какой.

Вообще-то надо слегка прояснить что, за овраг такой туманный и чего это я через него туда-сюда шастаю. Дело в том что, дачка у меня тут не далеко находится.

Когда в стране грянула лихая перестройка, все окрестные колхозы враз миллионерами стали. Кто миллион, кто три, а кто и вовсе пять государству должны оказались. Вот один из них взял, да и роздал свои земли под садовые участки. На секундочку – бесплатно, всё равно зарастали. До города тут не далеко, километров двадцать, не больше. От центральной трассы до дачного посёлка щебёночную дорогу насыпали, свет провели, овраг плотиной перекрыли, пруд образовался. Тому директору что, это сделал, при жизни памятник ставить нужно. Налетел народ, похватал, да аж до драки доходило. И не зря, многим тогда эти сотки голодные годы пережить помогли. Но минуло время, жизнь помаленьку наладилась, что уж там говорить, не голодаем. Молодым и представить дико что, когда-то в девяностые, страна, которую пол мира экономическими санкциями нагнуть не может, жила по талонам. Вот и стал хиреть дачный посёлок. Кому уже здоровье

не позволяет, кто и вовсе помер, те кто в среднем возрасте на вкалывались, в своё время, по самое не могу, а молодежи это и вовсе не надо. Начали бросать дачки, то там, то тут – дальше больше. Дорогу раздолбали, будто в войну бомбардировщиками стратегическую магистраль. Сначала провода украли, а потом и столбы вдогонку. Раньше охрана круглый год стояла, теперь только на летний период. Соответственно, охрана отошла – бомжи подошли. Всё что, можно украсть, сломать, разбить – всё сделали. Люди, кто ещё дачи держит, на зиму всё, до голых стен, вывозят. Ни дай бог замок на дверь повесить, выломают вместе с дверью, а если ни чего не найдут, хорошо если на пол нагадят, могут и сжечь в отместку. За обман, так сказать, радужных надежд.

Вот, значит, лет пять назад я себе и приобрел такую «фазенду». Можно сказать за копейки. Домик три на пять с маленьким окошком, небольшая верандочка обвитая виноградом. Ни света, ни телика, ни радио, зато до пруда три шага. Тишина и покой. Нирвана. На участке тоже не загибаюсь, только все самое необходимое. Я считай всё лето тут живу, так сказать, на подножном корму. Кое-что сам выращиваю, что-то соседи на заказ привозят, аза хлебом, крупами, калбасой-тушенкой я на велике в Лутошкино мотаюсь. Это если по дороге то до деревни километров десять, а если напрямки, через Блудов овраг, чтоб его, и пары километров не будет. Опять же, сердобольная Алевтина Петровна то молочком, то яйками меня «подогреет». У нас с ней заме-

чательные отношения. Это я летом считай всё время на даче. Всю позднюю осень, зиму и раннюю весну живу в городе. Подрабатываю. Но Алевтину Петровну не забываю, наезжаю к ней регулярно, привезти чего, починить, поправить. Да и просто посидеть, поговорить. Мне не трудно, а ей в радость. Одинокая она, жизнь помотала, куда там бразильским сериалам, такого порасказывала, ни в кино, ни в книжке не встретишь, я от половины того что, она пережила – загнулся бы. Уже скоро восемьдесят стукнет, но ничего, ещё шустрая бабусяка. Так что, осенью я свою дачную барахлюндию к ней волоку, а весной обратно. Как раз за три-четыре ходки, навьючив себя и велосипед по полной, укладываюсь.

Блюдов овраг, через который я постоянно курсировал и правда был странноват. Не глубокий, метров семь-восемь. По дну протекал совсем слабый ручеёк, да какой там – ручеёк, так... сырость одна. Весной и осенью помокрее, а летом и вовсе пересыхает. Не сказать, что всегда, но довольно регулярно там действительно присутствует туман. В основном, конечно по утрам и вечерам что, вполне естественно, но, иногда, в пасмурные или дождливые дни туман тоже появлялся достаточно часто. Единственно, его структура была весьма разнообразна, то он предстával лёгкой, белесой дымкой, то монолитным пластом плотной ваты, то бурлящей субстанцией, подойдешь другой раз к краю, посмотришь сверху, ну полное ощущение что, сейчас в кипяток нырнёшь. Короче, был туман многолик и разнообразен, если это и есть

проявление его жутких свойств то...незнаю, меня лично не впечатляло. Преодолевал я его по многу раз и в разных состояниях.

Вот и в этот раз, нагрузив своего «Мула», как я свой велосипед называл, до состояния прогиба ободов и взвалив на плечи станковый рюкзак, килограмм эдак, под двадцать пять, я повернувшись к Алевтине Петровне и махнул рукой мол «Всё, отчалил», она лишь недовольно поджала губы и плавно перекрестила меня во след. Она всегда так делает.

Солнце только-только начинало подниматься где-то там, на Востоке. Я навалился на руль и плавно покатил своего «Мула» в сторону оврага. Покатил потому что, в данной комплектации для езды он не приспособлен. Мощный задний багажник, на нём объёмный сумарь, по бокам колёс два вместительных кофра из толстой кожи, прообразом которым послужили пехотные ранцы 1812 года. Спереди, большая крепкая, мелкоячеистая металлическая корзина, с боков опять же висят полуовальные эмалированные 12 литровые вёдра. И всё это забито до отказа. К рамке плотно примотаны, так сказать, орудия производства. Да я и сам упакован не слабо. Плотная футболка, «зимняя» тельняшка сверху, подарок сына, потеплей иного свитера будет, потом куртка со штанами, мой старый но, ещё ходить и ходить в нём, камок. Портупея. Под штанами добротные трикошки, когда тебе за полтишок они не лишние, знаете ли. На ногах, на плотный носок, крепкие но, разношенные берцы. Нигде не

жмут, не дают. Завершает «ансамбль» просторная куртка из плотного брезента с капюшоном, ну и «Балаклава» на голове. Казалось бы, с таким грузом, так одет, кабы не замариноваться в собственном соку. Но тут все рассчитано. Я всегда в утренний рейс по максимуму грузюсь, по холодку, не спеша, с «перекурами»... Дойду до дачи и даже не вспотею. У нас в конце апреля другой раз и посерёд солнечного дня задубеть можно.

Когда я подкатил к краю Блудова оврага, выяснилось что, сегодня туман прибывает в своей плотной ипостаси. Ну чтож, не в первый раз, потихоньку, помаленьку, начал спускаться вниз. И с этой и с той стороны, в местах подъёма, склоны были достаточно пологими, а кое-где люди слегка помогли природе лопатами. С каждым шагом становилось всё темнее, я будто бы погружался в топлёное молоко, обзор не превышал полутора метров. Уже почти спустился, как вдруг колесо обо что-то стукнулось, руль мотнуло, и велик всей своей массой резво рванул вниз. С криком «Мля-а-а-а, стой падла-а-а» я, держась за руль, проскользил по склону метров пять и... о чудо, сумел не только остановить этот грёбанный тарантас но, и остановиться сам. Меня аж в пот бросило. Как я не навернулся со всеми гунями... уф-ф!!! Осмотрелся... ну это такая фигура речи «осмотрелся», ощущение что, видно меньше метра, то есть, ни шиша не видно. Стой, не стой, а двигать надо. Я снял рюкзак, поставил стоймя, опёр об него велик, пошатал конструкцию – вроде не падает. Сле-

лав несколько шагов, практически на ощупь, я чудь в воду не вошел, вовремя тормознул.

– Это что еще за хрень – пробормотал я – откуда здесь столько воды. Я прошел немного в право, потом столько же влево, ни чего не поменялось – вода.., много воды. Ещё этот гадский туман, и в такой плотный я действительно ещё ни разу не попадал. Ни черта не видно.

– Эй! Алё! У вас тут что, бобры стахановцы завелись! – крикнул я в туман – Или потоп местного разлива, э? Туман ответил мне мертвящей тишиной. Бры-р-р! Меня передернуло, толи от холода, то ли от нервов. Что-то напрягать меня стала эта белая гадость. Вот насмотришься всяких не хороших фильмов, где из тумана всякая гадость лезет....

Так – сказал я сам себе – надо вылезти наверх и слегка подождать. Когда я карабкался по склону, то якобы в шутку бурчал под нос «Вот говорила мне бабушка Алевтина, не ходи Петенька в туман», а на самом деле мне было страшно, не хорошим таким, иррациональным страхом. Когда я вылез из оврага у меня ещё, за одно, и глаза на лоб вылезли.

–Алевтина Петровна, дорогой вы мой человек, надеюсь на вас и уповаю – я прижал руки к груди в молитвенном жесте – очень хочется мне что бы, это вы, сегодня с утра, дабы проучить неслуха окаянного, подмешали мне в квас хрень-траву. И всё что, я вижу сейчас, мне только кажется!!!

Вместо Лутошкино, до которой в прямой видимости метров триста от оврага, буквально из под ног начинался поло-

гий подъём на каменистую возвышенность, покрытую прошлогодней травой, которая тянулась и в право и влево, на сколько хватало обзора. Ничего подобного, тут и сейчас, быть не могло. Не могло но, было! Ах, какие не хорошие предчувствия накатили на меня, аж до слабости в коленках. Я обернулся посмотреть что, находиться на противоположной стороне оврага, однако, вспухший белёсым горбом туман совершенно не давал рассмотреть хоть что-нибудь.

– Чтож, поднимемся в гору и обозрим окрестности – дал я сам себе задание. Когда, метров через пятьдесят, я поднялся на вершину каменистого гребня то картина, открывшаяся предо мной, повергла меня в ужас, трепет, восторг – всё сразу! И, тем не менее, в то что, мне открылось, я поверил сразу и безоговорочно.

Мне не зачем кататься по земле с криками «не верю» и «этого не может быть», рвать волосы, бить себя по щекам и щипать за бока, дабы проснуться. Убеждать себя что, возможно мне стало плохо, и я сейчас лежу под капельницей в палате интенсивной терапии и всё что я сейчас вижу это – глюки! Я всегда был сторонником «реальности данной нам в ощущениях». Если ты видишь, слышишь, обоняешь, если тебя прошиб холодный пот и дергается веко, это и есть – реальность! Все остальное, от лукавого. А ещё я всегда считал себя психически устойчивым!

– Ну что, Петруха? Судя по всему случился с тобою грандиозный попадос! И мне кажется что, загремел ты браток, в

гости к мамонтам и саблезубым тиграм!

Не великий костерок весело потрескивал промеж трёх камней, на которых стоял, побулькивая, котелок с густым варевом. Пару картофелин, бомж-пакет, мелко покрошенная ветчина, хлеб намазанный паштетом, в перспективе чай с сухарями – шикарный будет ужин. В сумерках угасающего дня я задумчиво смотрел на языки пламени, вновь и вновь «пережевывая» события прошедшего дня. Дня, круто изменившего мою жизнь, сколько бы её не осталось.

Тогда, утром, когда я забрался на гребень, мне открылась слегка холмистая лесостепь, уходящая во все стороны, насколько хватало взгляда. Где-то далеко, по моему на северо-востоке, просматривались не высокие горы. Сквозь белёсую муть на небе еле-еле просвечивало встающее солнце. Но самоеглавное, что меня потрясло, это то что, среди рощиц, перелесков и отдельных деревьев на открытых участках степи бродило множество травоядных животных. Я такое только по телевизору про Африку смотрел, а тут явно не Африка. Какое-то время я не мог осознать, что же я вижу но, когда из за группы деревьев плавно и величественно вышли огромные серо-бурые туши... Хотя и было до них не близко, но не узнать в этих волосатых гигантах с мощными бивнями мамонтов, можно только специально. Тогда то я и сообразил, в когда меня, приблизительно, закинуло. А как сообразил то забегал, засуетился. Проверил мобильник – мерт-

вый, в смысле не работает вообще. Кинулся к оврагу, благо туман уже почти рассеялся, слава богу, велик и рюкзак были там, где я их и оставил но, сам овраг тоже сильно изменился. Вместо ручейка – целая речка метров десяти шириной, противоположный склон выше, за ним такая же каменная гряда, как и с моей стороны но, тоже повыше. Я лихорадочно бегал вдоль оврага, поднимался и спускался к велосипеду несколько раз, в напрасной надежде что, этот чертов овраг снова сработает и выкинет меня домой. Слегка истерил... да-а, не лучшие минуты в моей жизни. Потом успокоился, поднял наверх воистину бесценные, в данной ситуации, вещи. Достал из рюкзака свой реконструкторский «свинокол», булатное, слегка изогнутое двадцати сантиметровое лезвие насаженное нахищно изогнутый отросток лосиного рога, небольшой туристический топорик в нейлоновой кобуре и всё это повесил на портупею. Также достал фальшон в ножнах с креплением из широкого кожаного ремня через плечо и... через плечо же повесил. Отвязал от рамы велосипеда «копательные» вилы, короче, вооружился до зубов и опять взобрался на гребень и долго наблюдал за расстилающимся пейзажем но, уже гораздо спокойней и рациональней. И картина, вдруг, наполнилась подробностями и деталями не увиденными ранее. Здесь тоже была весна и как бы ни ещё более ранняя, чем там, откуда я прибыл. То там, то здесь блестяли различного размера озёрки талой воды, и во многих из них суежилась разнообразная пернатая дичь, да и в небе

её присутствовало не мало. Количеств всяких-разных быков, антилоп, газелей впечатляло. Несколько раз, среди зарослей кустов и прошлогодней травы, мелькали стремительные серые силуэты, очень похожие на волчьи но, даже на глаз, эти были куда более рослые и мощные. Ещё видел явных гиен, и тоже более крупных, чем их товарки в 21 веке. Тут вообще всё крупнее. Нутак и понятно, мамонтовая мегафауна, всякие гигантские олени, лоси, волки, бобры там, выхухоли разные. Ни львов, ни каких ни будь махайродов не заметил, но то, что они есть, не сомневаюсь. Но меня и волки с гиенами сильно напрягли. Ещё мелькала всякая мелочь, зайцы, лисы, шакалы. Из нор повылазили всевозможные суслики, из кустов в кусты шмыгали весьма крупные, и похоже, не летающие птички. Короче – жизнь была ключом!

Потом искал подходящее место для ночёвки, а в месте, так сказать, попадания сложил из камней пирамиду высотой по пояс. Вот сижу теперь, в уютной ложбинке, варю пожрать, и размышляю о тактике и стратегии, что делать, куда бечь, чтобы и самого не сожрали и с голода не помереть?

« Да, стратегия – думал я – нужно понять, есть ли шанс вернуться назад. Концепция «где выход там и вход» далеко не всегда верна. Взять ту же мышеловку. А ведь есть ещё «система ниппель» – туда дуй оттуда... ну, сами понимаете. Алевтина Петровна рассказывала что, люди пропадали, да редко и даже очень редко, но было.... А вот слухи что, в тех краях появлялся какой-нибудь огромный бык или тем

паче гиена – не было. Уж если б такое случилось, то местные об этом точно помнили. Лет сто! А значит, вероятнее всего, этот Блудов овраг – дорожка с односторонним движением? И даже если нет – то..., сколько раз за пять лет я пересёк его туда-сюда пока «механизм» не сработал. У меня нет пяти лет, у меня нет, по большому счёту и пяти дней, здесь каменистая, не пригодная ни к каким посадкам земля. А нужна плодородная почва, так как есть различные семена, и если их посадить и вырастить урожай – это шанс выжить. На одной охоте я точно не протяну. Кстати, нужно завтра провести тщательную ревизию всего что, у меня с собой. Сейчас ранняя весна, приблизительно за месяц необходимо найти удобное место с подходящей землёй, рядом с водой и желательно достаточно изолированное – легче выживать. Реально? Нужно постараться, так как «сидение на жопе ровно» – гарантированная смерть! Предаваться унынию и меланхолии – смерть! Воскликать – «всё пропало» и «я здесь умру»? Нет – это не мой путь!

Итак – продолжал размышлять я, снимая котелок с огня и пристраивая кружку с водой на угольки – нужно уходить. Самым разумным направлением это вниз вдоль оврага, не спеша, осторожно, внимательно изучая окрестности. Соваться за гребень в лесостепь – глупость, только как с разведывательной целью, вдруг что, интересное попадётся. И конечно необходимо переходить на «подножный корм», такого пиршества как сегодня я позволить себе смогу не скоро. Но тут

проблема, я ни разу не охотник – это минус, но зато я очень рыбак, а это – плюс. И если я при таком изобилии живности что-нибудь себе не добуду то, грош мне цена. Значит, охота и рыбалка и, слава богу, у меня для этого с собой кое-что есть. И ещё необходимо оружие защиты, вилы хороши только как колющее оружие, а фальшион оружие ближнего боя. А с кем мне тут фехтовать? С гиенами, с волками или, не дай бог, с пещерным львом?

Если кто не знает что, такое фальшион то, это средневековое оружие с формой лезвия, один в один мачете, только лезвие у него более широкое и массивное, предназначенное не кустики рубить, а одоспешенных бойцов. И ещё отличается тем что, лезвие переходит в плоскую ручку, а та, в свою очередь, утончаясь в хвостовик, квадратного сечения который, загибаясь прикрывал пальцы, возвращался к лезвию. Потом ручку обматывали кожаным ремешком или проволокой и... вуаля! У вас в руках хоть и не такой красивый, как воспетые в книгах и фильмах рыцарский полуторник, а тем паче двуручный фламберг, но... именно такими фальшионами, не редко, реальные рыцари в реальных битвах предпочитали проламывать вражеские доспехи. Я себе как раз такой у одного Питерского кузнеца заказал, очень качественное остро наточенное лезвие, прекрасный баланс, добротные ножны из толстой кожи, короче – вещь! Неплохие, кстати, деньги отвалил. Вожу с собой на рыбалку да на дачу, очень удобно камыш порубить, лозинник, кустарник всякий. Да и вообще... мало

ли что, люди всякие встречаются, на той же даче, к примеру, принесёт какую-нибудь развесёлую компашку, и если у них не будет огнестрела, я с фальшионом в руках их быстро в чувства приведу. Вот завтра я изнего и сочиню «вундервафлю». Но это завтра, а сейчас поесть и спать, спать, глаза просто слипаются. Лечь на надувной матрас (в комплект к нему, на дачу, следующим рейсом должна была прибыть раскладушка), накрыться толстым верблюжьим одеялом, вилы поближе, фальшион по руку, в костёр дровишек подкинуть.... Жаль налобный фонарик – тю- тю, вроде с виду целый, а не работает. Видать не дружит переход с электричеством. Есть шанс что, когда проснусь мне какой-нибудь гадский пещерный медведь ноги отъедает? Есть! Но, когда ты активно и интересно дожил до пятидесяти лет, когда вырастил сына, когда поднакопились возрастные болячки и понимание что, хоть в душе тебе всё ещё двадцать лет, но ты уже идешь дорогой, которой суждено пройти всему живому в этом мире, и это естественно и, наверное, правильно.... Тогда многие вещи воспринимаются спокойней, появляется некий фатализм который, как ни странно, помогает жить дальше. И даже наслаждаться ею, и всем тем что, тебе осталось. Все-таки чертовски были правы узкоглазые самураи, выведя формулу – «Жизнь в каждом вздохе».

Утро, прямо говоря, бодрило лёгким морозцем, но и сильно радовало тем, что меня ни кто не сожрал. Десяток энергичных движений слегка разогнал кровь. Оживив почти

угасший огонь новой порцией топлива я, прихватив фальшион, направился к оврагу – сполоснуть лицо. Только подошел к краю как буквально из под ног с криканьем и хлопанием крыльями взмыла стая уток, десятка два. Я чуть богу душу не отдал. Пролетев метров тридцать, они с шумом плюхнулись в воду. Видать, прилетели ути пока я спал.

– Ах, вот я вам – погрозил я им пальцем – тэ-экс, нужно срочно придумать способ добычи такого ценного ресурса.

После водных процедур, кстати, вода хоть и была холоднучейно, достаточно светлой, толи половодка пошла на спад, толи снега было мало, я попил чайку и приступил к созданию глефы или, если хотите другое название – пальмы.

Прежде всего, набросал в костёр побольше дров для углей. Затем из одного ранца, полностью нагруженного инструментом, стал доставать и аккуратно раскладывать, на спущенном матрасе, всё что, там находилось. И получилось следующее: в собственноручно сшитом из толстого брезента чехле, такие были раньше популярны у советских автомобилистов, в отдельных карманах, находились следующие бесценные, в прямом смысле этого слова, девайсы.

Молоток обыкновенный, средний. Большие, мощные клещи, ещё с советских времён раритет. Плоскогубцы. Три напильника – большой «драчёвый», средний, одна сторона плоская другая полукруглая «шаберный» и небольшой «бархатный». Две стамески – побольше пошире и поменьше поуже. Штангель-циркуль – универсальнейшая вещь! Пласти-

ковая ручка-держатель для ножовочных полотен, и сами полотна в футляре, четыре по металлу и два по дереву. Пластиковая бутылочка из-под лимонада, в которой были два десятка свёрл различного диаметра. Большая плоская отвёртка и ручка со сменным жалом на большой и маленький крест. Набор надфилей, большие портняжные ножницы и в последнем кармашке – четыре гвоздя двухсотки, шесть стопятидесятки и десяток соток. Так с чехлом всё. Дальше из ранца я извлёк увесистую бухту вязальной проволоки в 1,5мм, ещё один моток, метра в два, медной трехмиллиметровой проволоки. Потом я достал его! Коловорот! Ни каких электрических, ни каких сложных механических деталей – совершенство минимализма и надёжности. От отца остался, сорок лет этот коловрат сверлит дырки, и ещё сто сорок будет сверлить! Не убиваемый механизм! Вообще в СССР умели делать вещи. У меня ещё с собой небольшой плотницкий топор и пила, выкупленные на блошином рынке у старенького дедка, это я вам скажу – не современная хрень. Это сейчас топор не то, что жало не держит – стукни молотком по обуху, вообще расколоть можно. А пила? На пятом сучке зубья затупились, на десятом – половина отломилось но, это не страшно потому как к этому времени ручка отвалилась тоже. При дедушке Сталине за такой инструмент к стенке ставили и... правильно делали. Целая индустрия, тысячи людей корячатся чтобы на выходе получить говно, которое сломается через неделю – это и есть настоящее вредительство. Так что,

отслюнил я тому дедушке немало рубликов и ни разу не пожалел. Я вообще стараюсь иметь только качественные вещи. Заметьте – не фирменные, не брендовые, не дорогие, а качественные. Как повторял мой отец фразу, услышанную от своего отца – «Я недостаточно богат, чтобы покупать плохие вещи».

Дальше пошел мелочняк. Два бруска точильного камня, со средним и с мелким зерном. Изолента. Две толстых коляски скотча – незаменимая вещь. Большой тубик «Момент». Сапожный нож в чехле. Коробка со скорняжным содержимым, иголки, нитки простые и нейлоновые, ковырки, шило, напёрсток, с десяток разнокалиберных пуговиц, качественные цельнометаллические ножницы. И под конец достал не начатую бобышку нейлонового шнура и две банки из-под кофе, в одной различные саморезы, шурупы, болтики и винтики с гаечками, а в другом всякие, небольшие гвозди. Десять пар нитяных перчаток.

Вот такой «дачный набор» инструментария, ни чего лишнего – только необходимое. Подтверждено практикой. Может кому и утомительно что, я тут так подробно над «златом чахну». Но это там – где магазин под боком, все эти шурупы, скотчи и отвертки – мелочь! А здесь – возможность выжить! Знал бы – ещё на шею баул повесил и в зубы, что-нибудь взял, и сзади тележку прицепил с необходимыми вещами.

Пока занимался выгрузкой, костёр уже почти прогорел, дав груду рдеющих углей. Сняв кожаный ремень с ручки

фальшиона, я аккуратно пристроил изгиб хвостовика в углы и когда он достаточно нагрелся, разогнул его. Постукивая молотком, на плоском камне, окончательно выправил и на самом кончике загнул зубец под 90 градусов, сантиметра три, и заточил его. Теперь древко. У меня с собой были две лопаты – совковая и штыковая, тяпка, грабли и вилы. У всех у них были ручки из вяза, сделанные под заказ, ибо лучшего материала не найти. Уж за двенадцать лет в реконструкции была возможность убедиться. Что только я на свой двуручный топор не ставил, и березу, и дуб, и орех, бук – всё рано или поздно ломалось, а вот поставил однажды вяз и...горя не знал. В общем, самая подходящая рукоять была на совковой лопате, достаточно толстая и самая длинная. Выбрав паз стамеской, вложил в него хвостовик и забил зубец в древко. Потом, вязальной проволокой, с натягом, виток к витку, скрепил одно с другим. На конце рукояти так же тщательно намотал железную бобышку и сантиметров тридцать по древку как противовес и как ограничитель, чтоб из руки не вылетело. Не пожалел скотча и обернул проволоку и вверху и внизу несколькими слоями, от коррозии.

– О-о да детка, да! – Дурашливо простонал я. Ещё бы в руках у меня находилась настоящая «вундервафля» каменного века. Шестидесяти сантиметровое мощное лезвие фальшиона, крепилось к надежному, (сильно на это рассчитываю), вязовому древку железным бандажом сантиметров тридцати. И крепилось намертво! Тупым концом тоже можно бы-

ло приложить весьма не слабо или сунуть, при необходимости, кому-нибудь в пасть. Общая длинна была сантиметров на пять выше моего роста, где-то под метр девяносто.

Я сделал несколько восьмёрок, коротких и длинных выпадов, нанёс с десятков секущих ударов в вертикальной и горизонтальной проекциях, покрутил вокруг себя... великолепно! Восхитительно! Покорное руке оружие жадно устремлялось вперёд, с хищным свистом рассекало воздух... да-а, что рубить, что колоть, ни один доктор не заштопает.

М-моя пр-релесь!!! Мм-а, мм-а, мм-а – нанес несколько поцелуев я, прямо в древко и тут же одёрнул сам себя. – Кажется «моя прелесь» – это из другой оперы, а Пётр Алексич? Настроение было отличное. – Да и пох! Нарекаю тебя – Прелесь!!!

Кстати, пока я занимался своей Прелесью, над головой несколько раз проносились утиные и даже, пару раз, гусиные стаи. И некоторые ныряли в овраг практически рядом со мной. В небе вообще стало намного оживлённее. Пониже к земле тянулись косяки уток, цапель, целые клубки какой-то птичий мелюзги, выше эшелонам летели всякие гуси-лебеди и судя по знакомым, печальным крикам – журавли. Ну, а выше всех парили величавые силуэты хищников. Ещё, пока работал, видел как к оврагу подбегали лисы, а один любопытный заяц вообще сел столбиком, метрах в тридцати от меня, и долго наблюдал за мной, шевеля ушами. Я бы его, конечно, съел – да ручонки коротки. Время явно приближалось к

обеду, солнышко стало припекать всё активней, от утреннего колотуна не осталось и следа. Пришлось слегка разоблачиться. Шум из оврага становился всё более призывным, поэтому я подкрался и заглянул в него.

– Ба-а!!! Мои пернатые братья и сёстры. Да у вас тут – дискотека! – И в самом деле, приблизительно, на сто метровом участке речки, тусовалось несколько сотен водоплавающих – Как же мне вас, мои цыпочки, поймать-то?

И тут я вспомнил!!! Этот способ мне, однажды, показали деревенские бездельники. Работать не хотят, а бухать – хотят. Вот и придумали способ как на пузырь заработать. Берут толстую леску, ставят крупный тройник и нанизывают кусок корки чёрного хлеба, закидывают в прибрежные кусты, отходят подальше и ждут. Дикая утка плывёт, видит вкусная корочка, глотать её и... всё, попалась сердешная. Варварский способ, честно говоря, а для меня сейчас самое то.

Быстро мотнулся к костру и из второго, «рыболовного» ранца, достал старую но, ещё о-го-го какую рабочую, «Невскую» катушку. На ней как раз сто метров лески 0,6 нанотано, самое то. Привязал самый крупный тройник. Вырубил крепкий колышек и примотал к нему изолентой катушку. Не без сожаления отрезал кусок горбушки – хлебушка-то осталось полторы буханки. Но размен – корка на утку, считаю экономически верным решением.

Спустившись к речке и плотно вбив колышек, не вырвешь, я размотал метров семь-восемь лески и со словами

«ловись рыбка большая и маленькая» закинул корку подальше. Неторопливое течение неспешно повлекло её вниз, ни чего страшного, прижмёт к старым камышам и осоке, утки и там найдут. Штук десять плавали совсем не по далёку и совершенно не боялись, может и человека ни когда не видели, а наоборот, весьма заинтересованно наблюдали за моими манипуляциями. Поставил катушку на тещётку, если попадетя, рыкнет так что, и у костра услышу. Вполне довольный собой я вернулся к лагерю и, подкинув веточек на угли, поставил котелок с недоеденным вчера супом.

«Раз, два, три. Раз, два, три – мысленно напевал я песенку из мультика про барона Мюнхаузена помешивая закипающий супчик – ути цып-цып, бедный охотник едва не погиб. Раз, два, три. Раз, два, три – ути кря-кря»... и тут зарычала катушка.

Ага! Ключуло!!! – Я мигом снял с огня котелок и схватив Прелесь помчался на берег. Пока бежал, рыкнуло ещё раз. С криком «уже бегу» ссыпался вниз. Что за дела!? А где моя утка? На поверхности ни корки, ни утки и леска уходит в воду с лёгким провисом. Это что-же , хлеб сожрали и ни кто не попался. – Ну, вы – твари! – погрозил я уткам кулаком – да я вас за корку хлеба в поле загоняю!!! Да я И тут леска натянулась и катушка затрещала.

– Ого! – я схватился за леску и потянул на себя, на противоположном конце явно кто-то был. И не просто кто-то, а кто-то очень увесистый. Минут пять я вываживал, пока не

подтянул добычу к берегу.

– Мать твою – вырвалось у меня – сом! И точно – он! Вот так номер – ловил птицу, поймал рыбу! Килограмм на пять, не меньше. Ещё минуты три я кувыркался с ним по берегу пока, наконец, удалось схватить его за челюсть. – Ах ты мой хороший. Вот кто на мою корочку польстился. Трemor в ногах и руках постепенно ослабевал. Подхватив сома и Прелесть полез на верх.

– Бля, да что-ж такое – вылезая из оврага я со всех ног рванул к лагерю. Проворные, гибкие зверьки, похожие на хорьков, шустро сновали по моим вещам. Отреагировав на крики, они мгновенно растворились среди камней и пожухлой травы. Как и не было. Подбежав, стал лихорадочно осматривать всё ли цело – На минутку отойти нельзя – сокрушался я – посреди белого дна без ножа режут. Ну, вроде всё в порядке, ничего испортить не успели.

«Да-а, Петруха – размышлял я, переваривая суп и контролируя как на углях, медленно истекая соком, подрумяниваются куски сома – а угроза-то не шутейная. Если какие-нибудь мыши или крысы под шумок, пока я жратву добываю или с тиграми да медведями, не дай господь, сражаюсь, поточат одежду, испортят еду и сожрут семенной фонд... о-хо-хох. Вывод – сегодня ни куда не иду. Провожу полную инвентаризацию, перепаковываю вещи, по максимуму постараться защитить самое ценное. Пол часика расслабона и нужно приступать».

Я чуть было не заснул. Возраст, сытость, солнышко пригрело – очен-но это расслабляет. Но заставил себя собраться и приступил к перетряхиванию «сокровищ». Ранец с инструментом я уже разобрал, поэтому взялся за другой, с рыболовными снастями. Я ведь по натуре рыбак и их не просто так тащил. Как говорил ранее, у меня дача в «трёх шагах» от пруда. Да какой там пруд – прудище! Заросший тростникам и весь в корягах. В своё время туда специально рыбу запускали, карпа, толстолобика, щуку, откуда-то там потом ещё карась, линь и окунь появились. Развелось этой рыбы – не меряно. И многие экземпляры, как показывают рыбаки, размахнувшись руками в стороны – во!!! Вот и снасти у меня, в основном, на крупняка, и там, в будущем, не загреми я сюда, уже налаживался бы открывать рыболовный сезон.

Первое что, я достал, была разгрузка с множеством карманов, в которых лежало много нужного. Тёмные очки с антибликовым покрытием, зажигалка, небольшой нож-выкидуха. А также пинцет, извлекать крючки из глотки, плоскогубчики – зажимать грузильца и вообще..., несколько пачек со «светлячками», четыре катушки с поводковой леской и ещё кое-какой рыболовный мелочняк. Досталещё одну «Невскую» катушку, на этой было сто метров лески диаметром 0,8 мм. – быка удавить можно. Так же в наличии были, две фидерные безынерционные катушки и на них стояло по сто метров «плетёнки» в 0,25мм, тут разрывная нагрузка вообще больше тридцати килограмм. И последняя, спиннин-

говая безынерционная, на ней «плетёнка» поскромней – 0,14 мм. Увы мне, сами удилица должны были переехать следующим рейсом. Достал тяжелую пластиковую коробку, в которой находились свинцовые грузила, разного веса и размера, и было их десятка три. Уж очень шустро они расходятся среди коряжника. Большой пластиковый контейнер с множеством отделений порадовал богатым выбором блёсен, воблеров, тройников и других «приблуд» на хищную рыбу. Ещё две нераспечатанных бобины с леской 0,6 мм., десяток звонких колокольчиков и три десятка упаковок с крючками, в основном большого размера, в отдельной железной коробке.

И вот, со дна ранца, я извлёк главное, без всякого преувеличения, сокровище – килограммовый пакет не лущёного гороха, пол кило зёрен кукурузы и с пол kilosемечек подсолнуха. Всё это, если правильно подойти к процессу, может дать всходы. А ещё в ведре у меня был пакет с тремя килограммами третьесортного пшена, варить прикормку, так там минимум половина зёрнышек в «родной рубашке» и они тоже могут дать всходы! Жаль гречка у меня с собой, два пакета по килограмму – ядрица. Как пишут в рекламе, «из лучших зёрен, собранных одно к одному и подвергнутые нежному пропариванию»... ну, итак далее, и главное не соврали в этот раз, в общем, шансы вырастить что-либо – нулевые. Также в ведре находилось три пакета с рисом, один с макаронами и три пачки соли по одному кг. Я, знатели, спе-

циалист по солёной и копчёной рыбе, и сам – ам, и другим дам! С соседями у меня процветает продуктовый бартер. Второе ведро полностью с картошкой, тут вообще – мегавезение! Ведь сажать рано, а на поесть, сыпанул четверть ведра – показалось мало, сыпанул ещё – снова маловато, я ж картофан страсть как люблю... так полное и насыпал. А ведёрочко то 12 литров! Если удастся всё это вовремя посадить да в хорошую землю... есть, есть шанс не загнутся с голодухи!!!

В большой спортивной сумке, находящейся на заднем багажнике, была в основном посуда и консервы. Пять банок тушёнки, три банки с рыбой, литровая бутылка подсолнечного масла, литровая банка с маринованными огурчиками, уже начатая пачка с рафинадом и такая же история с пачкой чая. В целлофановом пакете был целый набор всяческих приправ. Четыре банки сгущенного молока. Десяток божьих пакетов.

Посуда же у меня была интересной. В далекие девяностые, в эпоху дикого капитализма и идиотской веры в дружественный запад, было очень модно, под рукоплескание и улюлюканье забугорных производителей, переводить наш военно-промышленный комплекс на «мирные рельсы». А проще говоря, делать из кораблей иголки, а из танков кастрюли. Вот я и купил, однажды, в магазине «Набор туристической посуды». Из не понятного материала, толстостенная, легкая и прочная она состояла из небольшой сковороды, со съёмной ручкой, в которую вкладывалась кастрюля на 4 литра, и в

неё вкладывалась кастрюля на 3 литра, а в неё вставлялись две тарелки – побольше и поменьше, сделанные так хитро что, являются ещё и крышками для кастрюль. Ансамбль завершал полтора литровый чайник, вставлявшийся в тарелки. Уж и не знаю, на каком заводе, и что такое там конверсировалино, этот набор в своём роде – шедевр! Двадцать с лишним лет служит он мне верой и правдой, и даже ни каких намёков на хоть какой-то дефект! В собранном состоянии у этой «матрёшки» ни чего не торчит, не выступает, единственно чехол сам сделал, из добротного брезента, родной то был – смех один. Ни до, ни после чего-либо подобного я не встречал. Была у меня полулитровая кружка из нержавеющей стали, вилка, ложка обычная и чайная, консервный нож, толкушка для картошки, небольшой но, качественный кухонный нож и половник. Всё!

Корзина над передним колесом была накрыта отрезом плотного полиэтилена полтора на два с половиной метра, вещь в хозяйстве необходимая. Сама корзина меня порадовала упаковкой влажных салфеток, тремя упаковками просто салфеток, двумя катонами туалетной бумаги и старым полотенцем – на ветошь. Была там и ценнейшая вещь – керосиновый фонарь «Летучая мышь», а к ней две полторашки с керосином, и плюс десяток толстых стеариновых свечей. Уличный градусник. Пузырёк с моющим средством, три губки для мытья посуды. Мои мыльно-рыльные принадлежности: щётка, зубная паста, гель для душа, шампунь, два куса

«цивильного» мыла и три солидных бруска пахучего хозяйственного мыла – если что, простирнуться. А ещё в корзине лежало зеркало, где-то 15 на 20см. в прочном, противударном корпусе, расчёска и специальные ножницы для ухода за бородой. Я ведь на фестивале прибываю в образе воеводы варяжской дружины и потому ношу бороду и усы. Не дикий «веник», конечно как любили в десятом веке, а нечто весьма элегантное, а-ля испанский идалго. А также у меня длинные, вполне ещё густые волосы, ниже плеч, которые мне заплетают «добрые самаритянки» в одну, иногда и две косицы. И как утверждают те же «самаритянки», борода и волосы цвета «соль с перцем» весьма облагораживают моё, не совсем интеллектуальное лицо. Ещё у меня в ухе лунница – серебряное кольцо, нескромного размера. По статусу положено. Вот, значит – соответствую! Короче, видок сами понимаете – специфический.

И остался только рюкзак. Сверху лежали два пакета с сухарями и с сушками, тщательно завёрнутый шмат сала, подкопченный, с чесночком – у-у-у, смерть холестеринному балансу. Очень врачи не рекомендуют. Ещё там были, «не полезные» для моего организма но, очень вкусные две коляски полукопчёной колбасы, три с половиной колбаски с паштетом, одна буханка да четвертушечка хлеба. Пара больших луковиц.

Комплект термобелья, камуфляжная кепка, два полотенца, пара шерстяных носков, три пары обычных, труселя се-

мейные – два штука. Была водолазка и пара больших футболок – не люблю когда в облипочку. Ещё был спортивный костюм из мягкой фланели, просторные штаны и куртка с капюшоном, я его вместо спальной пижамы пользовал. Ну и поливиниловые шлёпанцы. В специальном плотном мешочке лежала прикольная штука – цепная пила. Компактная, простая в использовании и пилит отлично. И вот он – пакет с семенами!

Так, это – пакетик с огуречными семечками, «Полковник» – проверенный сорт! Два пакетика с семенами помидоров, это болгарский перец, пакет с редисом, с бураком и редькой, вот морковь, а вот капуста. Ещё была баночка из под детского питания и в ней были семена укропа. Этот пакет с семенами кабачка и две стеклянные семьсот пятидесятиграммовые стеклянные банки, под завинчивающуюся крышку. В одной лук севок – на головки, в другой – зубцы чеснока. Как я и говорил – джентльменский набор. И чтоб зелень на столе была и чтоб спину не перетрутить.

С одного боку к рюкзаку был пристегнут фирмачёвый спальник, до минус десяти. Под ним, в кармане полторашка с минеральной водой. В таком же кармане с другой стороны, ещё одна но, уже ополовиненная. В другом налобный фонарь, запас батареек – увы, похоже всё это можно выкинуть что, я естественно делать не намерен. В ещё одном, небольшом кармашке лежало с десяток простеньких одноразовых зажигалок, я ж на даче, на костре готовлю, вот и таскаю со-

лидный запас. И очень, как выяснилось, правильно. Так же в большом кармане коробка авто аптечки, бинты, йоды, мази всякие, таблетки от головы, и уж извините за анатомизм, от жопы. Возраст то своё берёт. И в последнем кармане лежали очень классные штуки.

Фляжка на пол литра из нержавеющей стали с навинчивающейся пробкой, выдавленным Российским орлом, с креплением, как на пояс, так и ремешком через плечо. И монструозная зажигалка, копия знаменитой «ЗИППО», тоже с орлом и в специальном чехле. Качественные и не дешёвые вещи. Это подарок на дембель от со товарищи. И так как я, как это ни странно, ни когда в своей жизни не курил и практически не пил то, боевые соратники выгравировали на фляжке, красивыми завитушками – ПЕЙ! И соответственно на зажигалке – КУРИ! Это у них шутка юмора такая. Поэтому во фляжке у меня всегда 90 процентный спирт, а зажигалка с бензином – из принципа. И когда мы все пересекаемся на день пожарной охраны, под шуточки и прибауточки даю закурить курящим и капаю по чуть-чуть в стаканы пьющим.

Вроде и не нужны мне ни фляжка, ни зажигалка, а таскаю их за собой как сорока – ей богу! Они такие яркие, блестящие... Короче, мои личные товарищи тараканы считают их талисманом. Аминь!

Вот и всё что, у меня с собой. Правда ещё есть велик и он тоже ценный ресурс, да по карманам всякая мелочь обретается типа ключей или абсолютно бесполезных денег. Един-

ственной ценной вещью были очки, вдаль то я вижу отлично, а вот буквы в книге только на вытянутой руке различаю. Ближе всё расплывается. Возраст – чтоб его.

Гл. 2

Первые шаги

Вот уже шестые сутки как я ползу, иначе и не скажешь, вдоль оврага. Хорошо если я в день прохожу километров двадцать. Время от времени, по пути следования, я складываю каменные пирамидки. Для чего... я и сам не знаю, складываю и всё. Солнце днём греет прилично, приходится практически раздеваться, а на ночь снова одеваться. Постоянно вылезая на гребень осмотреть окрестности. Там ни чего не меняется, та же лесостепь, то же кипение жизни, и совершенное нежелание туда соваться. Прошлой ночью, после сытного ужина я почти уже задремал, как из за бугра раздался такой жуткий рык, который всё тянулся и тянулся и закончился на таких низких регистрах что, меня аж до пяток пробрало. И вслед за этим резко оборвавшийся дикий визг. Ох... я конечно богатырь но, от таких звуков могу и обосраться! Я потом ещё пол ночи вздрагивал. Так что, надежда на Прелесть да на костёр. Огонь – это наше всё! Хотя не стоит преувеличивать его значение, сведущие люди говорят что, дикие звери конечно не лезут к костру но, и в ужасе не разбегаются. Рассказывают что, в Африке львы подходят порой к костру достаточно близко. Уж как не хочется проверить на

себе подобные утверждения – кто бы знал!

Зато, менялся овраг. Его берега постепенно становились ниже и более пологими, его края заметно раздвинулись. А вот каменистый гребень наоборот – стал выше и круче. Речка тоже расширилась, метров до пятидесяти, её берега покрывали не только старые камыши но, и лозинник, а кое-где росли вербы и плакучи ивы. Стали попадаться ключи, бьющие прямо из склона оврага. На противоположной стороне несколько раз встречались распадки, из которых в речку впадали небольшие но, шустрые ручьи.

Рыба – кишела! Я просто кидал с руки обычную колебалку, два, три энергичных рывка и уже сидит щука либо окунь. Да какие! Хочешь побаловать себя сомятинкой, нет проблем, отрезаешь кусок мяса от той же щуки, забрасываешь закидушку и через десять, пятнадцать минут... прошу любить и жаловать. А ещё может попасться крупный налим, а он, на секундочку, родственник трески. Никаких костей кроме рёбер и позвоночника, и печень ни чем не уступит тресковой. Я на другую рыбу даже не целюсь, просто смысла нет. Ради такой рыбалки сюда и попасть не жалко!

С птицей и вовсе – беда. В смысле, её столько что, ощущение будто попал на птичник! Говорят что, когда то в Сибири, когда шла основная волна перелётной птицы, небо темнело. Верю! У меня тут тоже темновато.

Как дома просто было. Ну с пяток видов уток, ну два три вида гусей, столько же видов цапель, иногда промелькнут

журавли, да если сильно повезёт – увидишь лебедя и... всё. ВСЁ!!! Там где когда-то темнело небо от пролетающих стай – ни-че-го!!! А тут такое разнообразие что, голова кругом.

Гвалт стоит – услышу какого-нибудь медведя, когда он мне ноги начнёт отъедать. Над головой постоянно туда-сюда что-то летает. Некоторые стаи, особенно гуси, вообще на таран идут, видать моя фигура у них вообще ни каких ассоциаций не вызывает. Клянусь! Вчера одна стая шла на меня так низко что, я скинув рюкзак схватил Прелесть, размахнулся и... подпрыгнув просто отсёк одному гусю крыло. Это я вам скажу – что-то!!!

Что сказать... на вкус гусятина конечно жестковата но, по сравнению с уткой очень даже и ничего. Особенно если нашинковать по мельче, да потомить подольше, риску добавить и специями присыпать, получается очень хорошо. Этакая аля шурпа.

А утку я всё же поймал. Правда, обошелся без корки, а использовал рыбий пузырь, для плавучести, и кусок кишок, от той же рыбы. Неоднократно слышал что, перелётная утка рыбой отдаёт, ну может в наше время и отдаёт, а тут полное ощущение что, это рыба себе крылья отрастила, чтобы из водоёма в водоём перебираться. Такое только с реальной голодухи есть станешь. Но пока, слава богу, не голодаю. Так и двигаюсь, с утра доедаю что, не съел с вечера и в путь, как солнце встанет в зенит – привал и очень лёгкий перекус, а ближе к вечеру начинаю приглядывать место для ночёвки.

Каверну какуюнибудь в склоне холма, несколько больших камней, лежащих рядом, береговая промоина. Не то что бы это было реальной защитой, а так... скорее для психологического комфорта.

На берегах жизнь кипела. Лисы, мелкие шакалы, хорьки, ласки – это только кого я сумел опознать, постоянно шмыгали вдоль берега, в надежде на зазевавшуюся уточку. Несколько раз, недалеко, видел мелких толи косуль, толи коз. Зайцы и всевозможные суслики так вообще чуть ли не под ногами бегали, можно, при желании, кого-нибудь и добыть но, пока не такой необходимости. В реке тоже движуха. Изо всех виденных сумел опознать бобра, ондатру и нутрию. Последнюю – едал. Очень даже неплохое мясо!

Но главное, пока, не видел ни одного серьёзного хищника. В принципе понятно, воды сейчас везде много но, вот когда лесостепь подвысохнет и травоядные потянутся на водопой к реке... тогда за ними придут и «серьёзные товарищи». В какой-то мере мне очень повезло со временем попадания но, расслабляться не стоило. Я и не расслаблялся и... гиен заметил вовремя!

Их подвёл инстинкт, а меня спасло человеческое зрение!

Гиены сделали всё правильно. Ветер дул мне в спину и поэтому две из них залегли впереди, а ещё две на склоне холма с боку. Был бы я, какой-нибудь газелью, то как только поравнялся с засадой на холме, гиены кинулись бы в атаку, одна на газель, другая отрезая путь назад. И конечно, газель рва-

нула бы прямо и ... нарвалась на сидящих в засаде, а там... у кого больше удача.

Зрение человека работает не так как у травоядных. Как и у всех млекопитающих хищников, оно – бинокулярное. Гиены, со своим окрасом идеально маскировались среди камней и прошлогодней травы. У газели не было бы шансов их разглядеть – увы такова особенность их зрения.

Я мерно толкал велосипед, стараясь не наехать колесом на какой-нибудь острый камень и посматривал по сторонам, скоро нужно останавливаться на ночлег. Вдруг моё внимание привлекла небольшая стайка мелких птиц, летевшая низко вдоль склона, которая резко взмыла вверх. Я остановился и сняв рюкзак внимательно присмотрелся к этому месту. От меня до этого места было метров пятьдесят – наискосок. Вроде ни чего, вроде всё нормально и... словно фотография проявилась, в один миг я разглядел и напряженные силуэты, и внимательные, злые глаза, и торчащие белые клыки. Несколько тягучих секунд мы, казалось, смотрели друг другу в глаза, а потом, видимо поняв что, добыча их заметила, гиены бросились ко мне. А я, схватив Прелесть кинулся к реке. Как не быстры были гиены, у края оврага я был быстрее, и уже прыгая вниз, краем глаза успел засечь что, вдоль кромки ко мне мчатся ещё два хищника. Два десятка прыжков по склону и мощно оттолкнувшись ногами я с шумом рухнул в воду. Вынырнув метрах в десяти, я нащупал ногами дно, вода доходила до груди, повернулся к озадаченным охотникам.

Гиены с мерзким хныканьем и повизгиванием топтались на берегу не решаясь последовать за мной.

–Что падлы!!! Получили от Петьки нежданчик!!! Ну – я махнул глефой – кто хочет тела варяжского воеводы – подплывай по одному!

Гиенам тела хотелось, а в воду нет. Но и уходить они не собирались, с горящими глазами, с тягучей слюной из оскаленных пастей они то отходили, то подходили к кромке воды. Пат!

А меня колотило. Колотило так что, зуб на зуб не попадал. И от стуженой воды и от выброса адреналина и... от страха. Да! Страх – вот что, самое поганое! В воде оставаться нельзя. Если заболēju – это смерть. Можно переплыть на ту сторону и дожидаться пока эти мерзкие твари свалят. Рано или поздно они уйдут, но... вместо них со мной останется страх. Ненадолго. Мой страх и этот суровый мир быстро оборвут жалкие трепыхания испуганной тушки, в которую я превращусь, если сейчас отступлю.

– НЕТ!!! НЕТ!!! – Заорал я, ударяя глефой поводе – Мне страшно но, я ни когда не был тварью дрожащей! Вы не мерзкие гиены. Вы мой страх! И сейчас либо мой СТРАХ убьёт меня, либо я убью его навсегда!

Нащупав сзади, на поясе, кобуру я расстегну её и достал туристический топорик – метать самое то. Может я и не великий специалист но, с шести-семи метров давно не промахиваюсь. Когда я медленно пошел на гиен они не повери-

ли своему счастью. Засуетились и захныкали ещё активней, собрались прямо напротив меня и чуть ли сами не полезли в воду. Я вышел на нужную дистанцию, воды было по колено. Не теряя темпа я стремительно метнул топор. Врядли гиены когда нибудь видели метательное оружие. Та, в которую я метил, даже не дёрнулась, пока топор с силой не ударил её между плечом и шеей, и в тот же миг, широко размахнувшись, с диким воплем я кинулся в атаку. Пронзительный визг боли раненой, мои вопли и стремительное наступление повергло противника в панику. Отпрянув и в первые секунды, мешая друг другу, они развернулись и устремились в верх по склону. Но я был уже рядом, крутнув над головой и выпростав на всю длину и руку и древко я ударил ближайшую тварь. Сверкнув молнией, моя Прелесть без всякого сопротивления, словно просто махнул, отсекала ей заднюю лапу практически под самым телом. От удара гиену крутануло, и она с истошным визгом закувыркалась вниз. Всё произошло столь быстро что, я успел настичь ещё одну под самым гребнем оврага, она практически выскочила, когда я с двух рук саданул её в крестец. От удара гиену опрокинуло прямо на меня. Конечно, такая туша сбила меня с ног и мы вместе покатались под откос....

Когда я успел выхватить нож, когда успел оседлать эту гадину честно – не помню. Осознал я себя когда я, сидя на гиене, наносил ей удары ножом.

– Получи – тварь! Получи – мразь! Получи – сука! – на

очередном ударе я понял что, гиена давно мертва. Схватив за ухо я повернул тяжелую, измазанную в кровавых слюнях морду, и заглянул в остекленевшие глаза. – Что, сдохла воюющая гнида?

Да уж, вонь исходившая от неё была и самом деле фееричная.

Вложив нож в ножны, я на подгибающихся ногах добрёл до своей Прелести и упал рядом с ней. Меня мутило и колотило – начался отходняк. Через некоторый промежуток времени мне наконец-то стало легче. Я встал и на много более уверенной походкой подошел к той первой гиене, с отсеченной задней лапой. Какое-то время она пыталась ползти, но сильнейшая кровопотеря не дала делать ей это слишком долго. Когда я подошел, она лишь слегка приподняла голову и тихонько захныкала. На какую-то секунду, на один удар сердца мне вдруг стало жаль её. А потом моя Прелесть поднялась и опустилась.

Третью, и последнюю гиену, ту в которую я метнул топор, я увидел когда выбрался из оврага. На подгибающихся ногах, сотрясаемая конвульсиями, то падая, то вставая, она пыталась уйти как можно дальше от места, где она получила такую страшную рану. Неспешны, прогулочным шагом, чуть ли не насвистывая, я «настиг» её. Собрав остатки сил, тварь повернулась ко мне на встречу, глухо рыча и тяжело поводя боками.

– Ну, вот и всё – произнес я подходя ближе – Пётр Алек-

сейч Зотов оказался вам не по зубам. Нельзя связываться с самым ужасным существом на планете – человеком. Даже самые страшные хищники убивают – что бы есть. А человек убивает – что бы убить! На! – я сунул лезвие под нос гиене и она послушно схватила его пастью. Зубы противно заскрипели об металл. Я где-то читал что, сила сжатия челюстей у гиены почти такая же, что и у крокодила, во всяком случаи сильней, чем у льва.

Но не сильней стали!

Резким и мощным толчком я вогнал лезвие в пасть несостоявшейся моей смерти, практически отделив верхнюю половину головы от нижней.

Глядя па затихшее у моих ног тело я не испытывал ни чего, ни каких эмоций. Ничего!

Мой Страх умер!

Я переродился!

Не спеша, аккуратно, внимательно, я продвигаюсь куда-то в южном направлении. Прошло три дня с момента эпического сражения. Мало что поменялось вокруг меня но, в нутрии меня бурлили процессы, которые я и сам толком не мог объяснить. Будто, вдруг, я задышал полной грудью, звуки стали чётче, краски ярче, запахи резче. Внутренний подъём и ликование переполняли меня. Да, я могу погибнуть от сотен причин но, я теперь ни когда не буду жертвой!

Смешно, но кроме пары царапин да нескольких синяков

я тогда больше ни как не пострадал. Собрав манатки я отъехал километра на три, пока не нашел подходящее место для ночёвки. Потом были постирушки и купание, что бы смыть вонизм оставшийся от гиен. Навёл ведро горячей воды и наслаждался, обтираясь посудной губкой. Потом устроил себе пир, открыл банку тушенки, взял несколько картофелин, я сегодня считай заново родился, и к чаю... Эх, гулять так гулять, открыл банку сгущёнки. И проспал всю ночь как младенец.

А ещё я вырвал у гиен верхние клыки и сделал себе ожерелье. Пока скромное, но... чёрт возьми – какие наши годы!

Анализируя схватку, пришел к однозначному выводу – мне необходимо метательное оружие. Тот бросок топором очень помог, но кидаться им всё же не лучший вариант. Лук – пока отпадает. Это только в кино да книжке – согнул палку, из ботинка достал шнурок, привязал, всё – лук! Ну-ну. Уж я то точно знаю, сколько нужно времени и сил потратить, что бы получить простенький, но рабочий инструмент. Приходилось сталкиваться. Необходимы дротики и, возможно, сулицы. И с тем и с другим я знаком не понаслышке. До тридцати метров у меня самая рабочая дистанция, хотя могу кинуть по «площадям», так сказать, и на пятьдесят. Да и технология изготовления мне прекрасно известна. Эх, спасибо тебе – Российская реконструкция! Что бы я сейчас без тебя делал?

Но самый главный элемент – наконечники, делать пока

было не из чего. Использовать ножи глупость несусветная. Воткнется такой дротик неудачно – не поразив важных органов, и ускачет какаянибудь коза а пампасы, лови её там. Хорошо если найдешь, а если нет? Тю-тю ценный ножичек! Долго думал, что бы такого оторвать от велосипеда... оторвать и нечего, Вроде весь железный – а тонкий, если только рычаг педалей но, «на коленке» из них наконечник не сделаешь. Можно отпилить кусок рамы, один конец расплющить, заточить, но... не до такой степени я бедствую. Всё ещё ищу варианты.

Ещё тогда, после драки, думая о дротиках перед сном, занозило мне мозг слово пампасы. Вот что-то вертится такое, а ухватить не получается, ... плюнул, уснул. А утром как озаренье! Пампасы это – боло! Или – боллас, мать его, кому как больше нравится. Вот его-то «на коленке» сделал махом. Три самодельных свинцовых грузила по форме напоминающих сливу грамм по двести весом, к ним привязал нейлоновые шнуры, сантиметров по шестьдесят, связал вместе и с ещё одним куском верёвки с метр длиной – боллас готов.

Вот иду теперь, мечу его во всё что движется. Пока результат неоднозначный. Сбил двух уток и гуся. Но в такую толпу что, тут над головой носится проще попасть, чем промахнуться. Поэтому я «работаю» сейчас только по неземной живности. Зайцы, суслики, бурундуки всякие, лисы – если близко подпускают. Тут результат средний – между плохо и очень плохо. И не то, что они как-то отпрыгивают или там,

уклоняются. Нет! Просто я банально мажу. Но – это пока, скоро у меня откроется второе дыхание, за ним третье, а уж на пятом... количество перейдёт в качество. Вроде шутка. Но так и произойдет, потому, что так было, когда я учился кидать и топор, и ножи, и сулицы.

У меня полное ощущение, что сейчаснее зверьё вообще не осознаёт угрозу летящего предмета. Видно не накоплен ещё печальный опыт тысяч и тысяч поколений. Учёные утверждают что, у хищника впервые увидевшего незнакомое существо первая реакция – опаска, осторожность – «кто его знает что, за хрень такая», а если это существо не проявляет агрессии то, как правило, следом идет любопытство – «интересно, эта хрень съедобная или нет». Возможно, они правы, ведь именно такую реакцию я наблюдал у соседского кота на впервые увиденную черепаху. Кот, конечно не тигр, но тут, по моему, важен сам принцип. Звери тут друг в друга ни чего не кидают, а встречали ли они людей на своём пути неизвестно. И таки да – хороший вопрос? А люди тут есть?

Когда ты чего-то сильно хочешь – судьба предоставляет тебе шансы. Правы мудрые люди впервые подметившие это. Сегодня, когда я только начал подумывать об обеденном привале, я набрёл на ЭТО! Это – было скелетом гигантского лося, уж лосиные рога от оленьих я отличу легко. Скелет лежал в небольшой ложбине на склоне холма. Я конечно не индеец Зоркий Глаз и распознать, кто и как завалил такого гиганта не могу но, это произошло не так давно, возможно

зимой или прошлой осенью. Кое-где всё ещё валялись клоки шерсти и кости, хоть и лишённые всякого намёка на плоть были совершенно белые. Но главное – рога! О-о-о, это что-то!!! Размах между лопастями метра два с половиной. В лопасть можно было усестся как в кресло, я попробовал их поворочать... мама дорогая да в них килограмм под восемьдесят, а сколько на них замечательных отростков разной толщины и длинны.

– Вот они – мои наконечнички! – ощупывая острые концы, довольно произнес я – Так! Автобус сёдня дальше не пойдёт – с чумаданами на выход!

Тщательно обустроив лагерь, придётся тут подзадержатся, я целенаправленно часа два охотился на гуся, пока мне не повезло – необходимы жесткие маховые перья. Ну и гуся съем заодно.

Наконечники я делал просто. Вставил в держатель ножовочное полотно, выбрал подходящий по форме отросток и не отделяя его от основы, аккуратно, не дай бог сломать пилку, распилил на пластины толщиной сантиметра по два. Таких сделал три штуки и ещё одну потолще, сантиметра в четыре. Длинной пластины были, где-то сантиметров тридцать, а шириной в пять. Потом, с помощью ножовки и напильников придал пластинам листовидную форму и выточил хвостовики, а затем срезал всё это с основы. И вот у меня три качественных заготовки на дротики и одна на более мощную сулицу. Длительное ширканье напильниками и...пят-

надцати сантиметровой, листовидной формы, овального сечения, с десяти сантиметровым хвостовиком наконечник – три штуки. Двадцати сантиметровой клиновидный, ромбического сечения – одна штука. Распишитесь – получите!

Это языком, хе-хе, быстро, а ручками долгонько! Но сделал – ажно самому понравилось! Кость конечно не камень, и вроде на серьёзную охоту с костяными наконечниками как-то вроде не очень... раньше так думал, пока однажды не прочёл, что где-то в Германии откапали оленью лопатку пробитую костяным гарпуном. А это я вам скажу очень серьёзный аргумент! Теперь древки. Ни каких – «нашел прямую палку, срезал», вон таких по берегу растёт уйма но, всё это – хрень! А я не для дяди – для себя делаю. А посему, завтра я пойду в ближайший лес, за правильной древесиной.

Выбравшись на гребень, я прикину расстояние до ближайшей группы деревьев. Получалось не далеко – метров пятьсот и... это очень хорошо, долгие прогулки по мамонтовым прериям знаете-ли – чреваты. Я ещё долго стоял, вдыхая всеми легкими, тёплый весенний воздух и с восхищением смотрел на величественную картину жизни! Много, ах как много мы потеряли в бездумной погоне за сомнительными благами. На что, разменяли мыйфоны, сникерсы, яркие пластиковые обертки, не гниющие по сто лет, автомашины и бытовую технику в которых изначально заложены технические условия – ломаться через три года. На грязный воздух, на отравленную воду, на умирающую природу, на детей, с

каждым поколением всё более и более слабым!!! Как по мне, так очень плохой размен, очень!

Пока не стемнело, мой внутренний хомяк заставил напилить ещё несколько пластин, про запас. А также я отпилил рог, просто идеально подходящий для клевца. Тяжелый, круглого сечения отросток, имел ровный и плавный загиб к заострённому кончику. Посадить на крепкую ручку, сделать полукруглый обушок, правильно заточить остриё и получится грозное оружие. Не знаю как череп медведя, а волчий или гиены какой пробьёт однозначно. А пятнадцать сантиметров в башке, ни кому ещё здоровья не добавляло.

За древками ходил, прямо скажу – удачно! Без особых приключений добрался до леска. Из школьного курса помню что, мамонты являлись ландшафтообразующими животными в эпоху плейстоцена, являясь центром целой экосистемы. Они поедали огромное количество растительной массы, травы, кустов, и молодых деревьев, тем самым, не давая не только разрастаться лесам но, даже зарастать подлеском. Даже термин вспомнил специальный – парковые леса. Ну, до парка тут, конечно, далеко но, просторненько так, воздушненько. По лесу шел осторожно, хотя здесь и в правду нет ни особых зарослей, ни буреломов но, и рысь и леопард те ещё специалисты с дерева сигануть на любителя клювом пощёлкать. То, что, нужно нашел достаточно быстро. Когда-то, большое дерево, падая то ли от старости, то ли от ветра, завалило и сломало ещё несколько соседних деревьев. Одно из

них, совсем небольшое, при ударе не сломало, а вывернуло с корнем. Корни и кору, я так думаю, быстренько объели козы да зайцы и так оно, и лежало, неспешно подсыхая в теньке и прохладе, дожидаясь меня.

Двадцати сантиметровой ствол отозвался бодрым звоном на удары обушком топорика – отлично! Первые сучья начались где-то метрах в двух с половиной от комля. Достав цепную пилу, я достаточно быстро отпилил кусок ствола, сантиметров шестьдесят, и с помощью топора, молотка и заранние приготовленных деревянных клинышков расколол его пополам. Раскол имел плотную, мелковолоконистую структуру и получился практически ровным. Отколов от одной из половинок планку сантиметра в четыре толщиной я попытался сломать её сначала руками, а потом и через коленку. Планка гнулась но, держалась и лишь после того как я напрягся изо всех сил нехотя переломилась. Ху-х! Я не знаю что, это за дерево но, ему цены нет! Отпилив ещё метра полтора я, засунув инструмент и два расколотых куска, жалко бросать, в рюкзак, быстро-быстро потащил всё это к себе в гнездо... э-э в лагерь. Возвращаясь натолкнулся на стадо небольших буйволов. Самцы сразу начали нехорошо не меня коситься и пофыркивать, пришлось сделать крюк, от греха подальше, как говорится. Ни чего не делается в этом мире просто так. Обходя стадо по дуге, я невольно приблизился к зарослям колючего шиповника, на нём до сих пор ещё висело несколько маленьких, красеньких ягодок, из которого вы-

брались пять больших и явно не летающих птиц. Я, конечно не уверен но, решил что, это дрофы. Сбросив с плеча бревно, глефу и рюкзак я стал столбом, а дрофы ни мало не обращая на меня внимания, постепенно приближались ко мне, всё время, разгребая лапами и что-то клюя в прошлогодней траве. Эдак ещё чуть-чуть и они меня самого лапами загребут. Не делая резких движений, медленно, размотал с пояса своё боло и не спеша начал разгонять грузики. Дрофы, до которых оставалось всегоничего, вместо того чтоб дать дёру, как я думал, остановились и вытянув головы то одним, то другим глазом стали рассматривать, « а кто это, а что это»? Да они бессмертные что ли – пронеслось у меня в голове, и я резко увеличив амплитуду швырнул боло, и... попал. Попал!!! Наконец-то попал, чтоб мне... дай бог каждый раз.

Стремительно пролетев пропеллером двадцать метров боло, ударившись в одну из птиц, опутал её как паук паутиной муху. Остальные товарки с заполошным хлопаньем крыльев стремительно смылись в колючки, а эта даже подняться не могла, бесполезно суча ногами и пронзительно вскрикивая. Тут и я поспел «на помощь» и моя Прелесть мгновенно отделила голову от тела, а то не дай бог умудриться выпутаться как-нибудь, да сбежать. Я счастливо засмеялся.

– Эге-ге-гей... бя! – заорал я от переполнявшего восторга – Я крут!!! Крут – мать твою! Крут!

Ещё два дня сидел я в лагере, пока не сделал всё что, планировал. Теперь я вооружен и очень опасен. И в этой шутке

очень мало шутки! Помимо Прелести у меня теперь полтора метровая сулица с мощным четырёхгранным наконечником. В ножнах из под фальшиона уютно расположились три, восьмидесяти сантиметровых дротика с листовидными наконечниками, веретенообразным телом древка и тремя рулями из пера гуся. Очень серьёзное оружие. На поясе нож, топорик и клевец. Кстатиподобным клевцом, только железным или бронзовым – не суть, можно отправить к предкам любого одоспешенного бойца, хоть рыцаря, хоть богатыря одним удачным ударом!

Делая всё неспешно и тщательно, с удовольствием употреблял дрофу в разных, так сказать, ипостасях, и в супчике, и жареную, и тушеную, мм-м... вот где господская еда! Благо птичка килограмм на восемь чистого мяса потянет. А на вкус – куда там гусю, а тем более утке.

И ещё я понял – странные вещи происходят со мной. Вечером того дня, когда я нашел замечательный материал на древки и добыл дрофу, я сидел у костра потягивая слабо заваренный чаёк (экономия – один пакетик на три раза) с одним кусочком сахара, полностью удовлетворённый прошедшим днём. И вдруг поймал себя на мысли что, как-то я слишком эмоционален в последнее время.

«Что с тобой, Петруха!? Что так тебя «колбасит»? Ты целуешь, по сути ножик-переросток, и называешь его – моя Прелесь. Ты радуешься как ребенок, вытаскивая из воды любую рыбу, как будто это с тобой в первый раз. Ты не заме-

чаешь, что твои пальцы непроизвольно поглаживают смертоносный изгиб клевца, тебе приятно. Петруха ты до сих пор в немом восхищении, когда смотришь на буйство жизни вокруг тебя. Да что там, когда ты сегодня нашел дерево на дровки, чуть не уссался от щенячьего восторга, а дикие крики аля Тарзан, когда дрофу подбил? Не слишком ли много эмоций?

Или не слишком! Может именно столько и нужно! А может ещё больше? Да, мне сейчас хорошо, но разве я оторвался от реальности, разве я выпал в неконтролируемый эмоциональный экстаз? Нет! Так может, стоит наслаждаться жизнью, пока ты жив. Японцы великие мастера, изъясняясь туманно обнажать кристально ясную мысль.

Сакура цветет, роняя свои лепестки.

Их кружит играющий ветер.

И каждый из них,

Совершенство!

Совершенство!!! Оно вокруг нас! Но мы уже не видим очевидного -мы надели чёрные очки. Мы слышим избитую истину и говорим – это банально, не понимая что, истина произнесённая миллиард раз не перестаёт быть истиной. Мы говорим много не нужного, обидного, лишнего. И не говорим простого и важного.

Однажды я смотрел голливудский фильм «300 спартанцев», что сказать – очень по мотивам. Но один момент потряс меня невероятно! Когда на глазах опытного, сурового,

закалённого в боях воина погибает его сын. Его надежда, его гордость, его смысл! И видя как падает обезглавленное, ещё секунду назад прекрасное, полное сил и жизни тело, он кричит диким криком не только потому, что он не успел прийти на помощь, не только потому, что его сын пал – они все воины и все когда-то падут, а потому что не успел...!

Среди многих правильных и нужных наставлений, среди пафосных и патриотичных лозунгов, среди многих и многих необходимых слов он не успел сказать самое главное – что он его любит! Именно поэтому так страшно кричит отец не успевший сказать своему сыну – я тебя люблю!

И уже никогда, никогда.... Это страшно! Это шок!

Я очень люблю своего сына, и он знает об этом. И сын любит меня, и я знаю об этом, но... я не помню, говорил ли я об этом ему вслух хоть раз.

Придя домой я прижал к себе своего сына и поцеловав в макушку сказал – я люблю тебя сынок!

– Что с тобой отец – удивлённо спросил Артёмка?

– Ни чего сынок, ни чего – прижимая его к себе, ответил я – просто знай, я тебя люблю!

Я успел! А вы?

Гл. 3 Встреча

Ещё через два дня я вышел к перекатам. Река к этому времени стала метровпятьдесят шириной. Берега поросли всякой растительностью закрывая доступ к воде на значитель-

ном пространстве. И тут, вдруг ряд последовательных перекатов, один из которых протянулся от берега до берега и был очень мелкий. А ещё холмы и на моём и на противоположном берегу разошлись в стороны, образуя как бы проходы. И понятно что, это природное образование но... всё равно ощущение что, кто-то специально сделал удобный путь и переправу. И действительно тут проходила настоящая звериная дорога. Вытоптанная земля, много, очень много следов, кое где виднеются костяки, разной степени разобранности, черепа и отдельные кости. Да-а уж, опасное местечко но, чертовски удобное чтобы перейти на ту сторону и посмотреть что там? Подвисать в глубоких раздумьях в таком месте – это себе приключения искать на одно место. Решение пришло практически сразу, и в первую очередь, потому что место прошлой ночёвки было не далеко, и оно было шикарно.

Вчера я заночевал под каменным выступом, тут вообще всё чаще из склона начинает выпирать каменные выходы, и камень похож на плитняк, я такие выходы в г. Каменск-Шахтинский видел. Та же слоистая структура, цвет. Так же раскалываются на весьма ровные бруски и «кирпичи» хоть бери и дом строй.

Выступ небольшой, самому спрятаться да велик с вещами положить, а на входе костерок. По сравнению как я раньше кантовался, это крепость. Но была в этом выступе интересная особенность – вертикальная трещина, с метр шириной и глубиной мера три. Вот если в этой трещине на деревян-

ных распорках подвесить всё ценное и лишнее то, я смогу, взяв только необходимое, налегке, проскочить на ту сторону. Посмотреть что там да как, вдруг там уже рай земной, а всё ещё тут.

Как утверждают опытные туристы – «идешь в поход на сутки – бери всего на три» и «лучше взять ненужное чем забыть необходимое», поэтому вдумчиво паковал с собой то, что нужно и необходимо.

Решил взять кожаный ранец, ремни переставил с рюкзака. Одеяло и спальник принайтовил по бокам. Полиэтилен – беру. Идти буду в камуфляже и сверху куртка. Термобельё, футболка и запасные тёплые носки – в ранец. Котелок – который поменьше, тарелка кружка, ложка. Проверенная в деле закидушка. Две полторашки с водой, пару пакетиков чая, чуть сахарку, несколько сухарей и сушек, пару бомж пакетов, кусок салыца. Ну, и вечером сегодня рыбки поймаю – запекую с собой. Ещё кое, что по мелочи возьму и всё. Да, оружие тоже всё возьму. Ну, а остальное «на консервацию», кто знает, как там повернётся.

Чтож, мы предполагаем, а бог располагает. Когда я подошел к перекатам, солнце стояло достаточно высоко. Прежде чем соваться на ту сторону, решил посмотреть, что на этой. Как и обычно забрался на гребень что бы осмотреться и... резко присел. Вот это да! Метрах в трехстах двигалась группа людей! Я быстро переместился за большой камень лежащий чуть ниже по склону. Да, однозначно – это люди. При-

чем то что, они хомо эректус видно хорошо, а вот, насколько они сапиенсы, пока видно плохо – далековато. Зато очень хорошо видно что, у этих людей большие проблемы. За ними по пятам следовала стая гиен.

Двое, на волокуше, сделанной из жердей, тащили безвольное тело накрытое шкурой. Ещё один хромал рядом опираясь на копьё, явно испытывая проблемы с левой ногой. И последний член группы как бы прикрывал остальных в их поспешном отступлении, постоянно что-то громко выкрикивая, делая угрожающие движения копьём и время от времени кидая камни в гиен, на которые они реагировали весьма вяло. И весь это шумный табор пёр прямо на меня. Что-то мне за камушком стало неудобно, а уж мужикам и вовсе не позавидуешь. Гиен было штук пятнадцать. Не настолько они были отважны, что бы атаковать в лоб но, они чувствовали слабинку, чувствовали усталость своей жертвы, и поэтому кружили вокруг охотников постоянно изображая что, сейчас нападут. Своим гнусным хихиканьем и подвыванием давили на психику, они знали – рано или поздно, стая бросит слабых на растерзание, что бы остальные жили. Так повелевает инстинкт. Но люди не звери, они упорно шли вперёд, ни кого не бросая. Если они дойдут до переката – они спасены. Если гиены сообразят что, добыча уходит, они могут решиться на массовую атаку. И тогда...

– Мерзкие твари – холодная злоба кипела во мне – мы ещё посмотрим кто кого!

Я ни секунды не раздумывал вмешаться или нет, к гиенам у меня особая «любовь». Надо только выбрать для нападения самый подходящий момент. И он представился совсем скоро.

Как только охотники приблизились к проходу, ведущему к перекату, до стаи дошло, куда хочет ускользнуть жертва. Словно по команде, гиены начали маневр плотного окружения, видя такое дело, носильщики бросили волокушу и схватились за копья. Хромоногий неловко опёрся на большую ногу и выставил копьё в сторону. Четвёртый тоже подтянулся поближе к волокуше. Все скинули на землю котомки которые несли за плечами. Мужики собирались подороже продать свои жизни в этой схватке.

От меня до охотников было метров тридцать, а до ближайших гиен метров двадцать. Удивительно, но меня, сидевшего за камнем, буквально под носом, не учуяла ни одна тварь. Наверно очень были увлечены предстоящим обедом. Возможно что, общую атаку я опередил на какие-то секунды. Иначе в общей свалке шанс отбиться был бы невелик. Как всегда, драка – это калейдоскоп ярких фрагментов.

Выскакиваю из за камня и сокращая дистанцию мечу сулицу. Сулица бьёт под лопатку ближайшего зверя, та с ваяканьем валиться словно куль. Ещё одной успеваю ударить по боку, рана ужасная, видны разрубленные рёбра. Ещё две твари с визгом уносятся в сторону. Выдернув на бегу сулицу, подбегаю к охотникам. Выпученные глаза, открытые

рты они поражены до глубины своей первобытной души, как только копьём не ткнули. Но рассусоливать некогда, кидаю в расстроенный мною правый фланг сулицу, но – промах. Но всё равно – там замешательство, паника. Согласованная атака сорвана. Левый фланг кидается без поддержки. Охотники моментально поворачиваются и встречают гиен копьями. Молодцы. Скорость их реакции на изменение событий потрясает, своих не бросим, помощи ждать неоткуда – будем умирать, подоспела помощь – неожиданная, непонятная – очень хорошо, погодим умирать. Потом разберёмся – кто помог, откуда взялся, асейчас надо использовать любой шанс!

Мужики ловко бьют копьями не подпуская гиен близко. Мне же с Прелестью для атаки нужен простор. Пока правый фланг всё ещё не организовался. С криком – Р-р-азойдись – проскакиваю вперёд линии обороняющихся, трусливые твари моментально отскакивают в стороны но, не все одинаково ловкие. Быстрый, косой удар на вытянутую руку и одна из них кувыркается без передней лапы. Я тут же заскакиваю за строй. И вовремя. Наконец-то следует, боле-мене, общая атака. Машу глефой как косой не давая приблизиться со своей стороны. Крики, визг, дикий хохот, оскаленные пасти, кровавые слюни. Я тоже ору – из разрешённого к печати – только предлоги! За спиной раздаётся пронзительный вскрик, оборачиваюсь... мама дорогая. Хромоногую сбили с ног и ему на грудь запрыгнула здоровенная тварь, пытающаяся добратьядо его горла. Бедный малый успел загоро-

даться древком копья, гиена делает несколько судорожных сжатий челюстями и древко с хрустом перегрызено. Но я уже рядом. Хищный свист моей Прелести и... голова гиены разбрызгивая кровь кувыркаясь скачет по земле. Хоть мы и отбили натиск но, не смотря на потери, противник не собирался уходить с поля боя. С хныканьем и подвыванием гиены продолжали кружить вокруг, всё ещё надеясь на реванш. Охотники внимательно отслеживали все их перемещения. Хромоногий ворочался, безуспешно пытаюсь выбраться из под туши чудовища, привалившей его.

– Да вы страх потеряли, твари! – закричал я – Вам тут ни чего не обломиться! Пошли на хер!!!

Кроме надоевшего визга и ноя никакой реакции.

– Ну, я щя вам покажу! – я нащупал колчан с дротиками, болтавшийся сзади. Как ни странно всё было на месте. Достав дротик прицелился, до гиен было метров десять – пятнадцать... н-на получи! Ага, как же – даже не рядом! Достал следующий и... тут с боку – Та! Я покосился, рядом стоял один из охотников. Мужик явно был в возрасте. Седой веник бороды, такой же веник на голове, морщинистое лицо и... совершенно ясные, молодые, голубые глаза. Он протягивал лувловатую руку к дротику.

– Та, та!

– Дать тебе?

– Та ме. Та!

– Ну, на. – я протянул ему дротик.

Мгновенно определив баланс, дед прищурился и с силой метнул его. Вот это да! Ай да дед! Дротик поразил гиену прямо в глаз. Причём сила удара была такова что, наконецник явно вонзился в мозг. Вонючка упала без единого звука.

– Давайещё – я протянул деду последний дротик. Следующим броском охотник попал гиене в брюхо, в районе задней лапы. Завизжав, она стала крутиться на месте, хватая дротик зубами пока не вырвала его, а потом с подвыванием кинулась бежать. И словно труба протрубила отступление, остальные товарки кинулись в след. Ух-х! Вот это я понимаю – веселуха!!! Адреналин под горлышком плещется.

Но дед ни кому не дал расслабляться, видать он у них за главного был. С криком «Сиить хатат сиить, сиить» кинулся собирать дротики. Двое охотников стащили труп гиены с хромонокого который, на удивление, не особо и пострадал. Сунув ему в руки копьё, они подхватили волокушу с так и не пришедшим в себя человеком и скоренько поволокли её в сторону брода. Хромоногий заковылял следом. Не глядя сунул принесённые дротики в колчан и подобрав сулицу мы с дедом двинулись следом, прикрывая отступление. Конечно, старый охотник прав, отсюда надо валить как можно быстрее. Вряд ли гиены кинутся снова но, на шум может появиться кто-то и по серьёзней, какой ни будь Лёва Пещерный – местный авторитет.

Лишь у головы гиены дед ненадолго задержался, внимательно рассматривая срез. Как бы не веря собственным гла-

зам он поцокал языком с уважением глядя то на меня, то на мою Прелесть.

– Гугдах, гуг! – старик ударял ребром ладони себе по шее – Гуг!

– Хороший удар говоришь, а дед? Я сам в шоке! – и видя непонимание в глазах, добавил – Гуг, да?

– Гуг, гуг – закивал охотник, скалясь щербатым ртом, и энергично замахал рукой в сторону переправы – Хататсиить, хатат!

Чтож и тут всё понятно – либо «Пойдём скорее, пойдём», либо «Скорее пойдём, скорее». Мы достаточно быстро добрались до переката и охотники, подхватив раненого под плечи и колени, почти без остановки устремились на противоположную сторону. Стало ясно что, эти места им хорошо знакомы.

«Чёрт – я невольно притормозил возле воды – а мне что делать? Тут оставаться? За ними идти? А как же вещи, ведь не скажешь – «Мужики, вы тут побудьтепол дня, за великом сгоняю!»»

Дед остановился посреди переправы, удивлённо обернулся, мол, что ты там застрял придурок, и замахал рукой – Хатат, хатат! «Пошли, пошли». Последним доводом стали звуки, долетевшие с места столкновения – визгливое рычание и мерзкий хохот, там явно разгоралось пиршество. Не-е-ет, с такими соседями тут, пока, делать нечего!

– Мерзкие каннибалы чтоб вам... и ..., ... всѐх – я смачно

проматерился и вошел в воду.

Вместо того что бы идти в проход, как я почему-то думал, дед и компания скорым шагом отправились в низ по течению и где-то через три часа ходьбы подошли к каменному карнизу по типу того в котором я спрятал свои вещи. Но прежде чем мы приблизились к нему в плотную, дед, взмахом руки, отослал одного из охотников в разведку, посмотреть что там и как. Тот, пригибаясь, осторожно подкрался и после недолгого высматривания призывно поманил ладонью, мол – всё спокойно. Да, этот карниз был намного, если так можно выразиться, комфортабельным – и шире, и глубже, и выше чем мой. Под ним вполне могло разместиться десять – пятнадцать человек без особой тесноты. Сразу было видно что, тут останавливались и не раз. В глубине полости лежали кучки сухой травы, листьев и камыша, на входе большое костровище обложено камнями.

Как только мы забрались под карниз, тут же попадали на подстилки совершенно без сил. И бой и последующее отступление, всё это сильно измотало нас. Наконец-то у нас появилась возможность спокойно отдохнуть в относительной безопасности, а также ещё и рассмотреть друг друга как следует. Вот мы лежали и молча пялились. Уж не знаю, каким я предстал в глазах моих новых знакомых но, первобытные люди оказались вполне себе нормальными мужиками. Ни каких, слава богу, надбровных дуг и выступающих нижних челюстей. Ни каких негроидных или монголоидных черт лица,

обычные, среднестатистические русские рожи. И рост вполне нормальный, не метр с кепкой, а около метра семидесяти, плюс минус туда-сюда. Конечно, я со своим метр восемьдесят семь был на голову выше но, что самое интересное, у охотников удивление вызывала моя одежда, оружие, лёгкий интерес – внешний вид, но не мой рост. Значит, такие рослые как я и тут водятся. Пропорции тела гармоничные и... хотя в плечах не богатыри, крепко сбитые, а судя по сухопарым, жилистым торсам, рукам и ногам – силушка имеется. На голове волосы в основном темно русые, разной степени косматости и у всех прилично грязные, были перехвачены либо кожаным ремешком, либо меховой повязкой. Бороды, как я уже говорил, у всех веником, причём помойным, только у хромоногого вместо бороды – козлиная бородка в три волосинки. Видать совсем ещё пацан. Тем двоим, что тащили волокушу, на вскидку, годов под тридцать, и только дед был такой же седой как и я, сколько ему лет определить было трудно.

Одежда у всех была однотипная. Две шкуры, длинной до колена, сшитые на плечах, дырка под голову, по паре завязок на боках, и подпоясаны плохо выделанным кожаным ремнём. На нём болтались различные кожаные и меховые мешочки. Ещё у каждого была меховая котомка с одной лямкой, на вид весьма увесистая. Ноги у них были обёрнуты шкурой, до колена, и обмотаны ремешками и к ступням, охватывая её, такими же ремешками крепились куски тол-

стой кожи. Костюмчики brutальные и... с чистотой у них как бы не очень. Вообще ребятки «озонировали» прилично.

Ну и, конечно, у каждого на шее, как и у меня, болтался «список личных побед». У всех, понятное дело, разный. У деда – самый авторитетный, у молодого, типа моего – очень скромный.

Так, молча и с любопытством глядя друг на друга, мы некоторое время и отдыхали, пока дед, захлопав в ладоши начал раздавать указания. И все задвигались, засуетились. Молодой достал, из мешочка на поясе, сухую чурочку и тонкую, острую каменную пластинку, и с завидной сноровкой начал нарезать тонкую стружку. Охотники подносили сухой, выламывая его возле берега, для костра. Дед же, тоже достал из мешочка небольшой деревянный тубус серо-зелёного цвета, что-то мне сильно напоминающий. «Ба-а, да это как бы не бамбук!» – промелькнуло у меня. Вытащив деревянную пробку, дед достал из тубуса пук сухого мха, плоскую дощечку с обугленным отверстием и веретенообразную палочку. Прижав ногой дощечку и вставив в отверстие веретено, дед принялся энергично вращать его туда-сюда, выказывая большой опыт в этом деле, так как довольно быстро из под веретена появился лёгкий дымок. Но дальше дело что-то застопорилось, сколько старый охотник ни старался, кроме чуть более густого дыма, ни какого результата. Все напряжённо наблюдали за процессом добывания огня, дело-то нешуточное, в эти времена без огня остаться – врагу не поже-

лаешь. В конце концов, мне это надоело, так мы тут и вправду без костра сидеть будем. А у меня вообще-то берцы всё ещё сырые.

– Что, дед? Спички отсырели? А ну-ка, дай я! – я отщипнул сухого мха, чиркнув зажигалкой подпалил его, и подсушил под приготовленные стружки и мелкие щепки.

– Ого! – подпрыгнул дед выпучив глаза – Шаам!

– Шаам! Шаам! – загомонили остальные, с восторгом глядя на разгорающийся огонь.

– Ы шаам, э? – тыча в меня пальцем спрашивал дед

– Ясен пень – шаам! А ты как думал, старый, я во-от такой – раскинул руки – шаам!

– О, магут шаам! Гуг, гуг! – радостно закивал дед. Он схватил меня за рукав – Хатат, хатат. Дед подтащил меня к хромоногому.

– Зирит. – он показывал двумя пальцами сначала на глаза, а потом на ногу молодому охотнику – Зирит нанаг.

– Ты хочешь, чтобы я посмотрел его ногу? – повторяя его жест, переспросил я его.

– Так, так – закивал он головой. – зерит нанаг.

– Мля-а, во я со своей распальцовкой встрял. – Тоже мне великий шаман нашелся. И ведь заднюю не врубишь, не удобно может получиться. – Так боец, ну-ка распакуй копыто. – Я показал рукой что, надо размотать шкуру. Он понятно закивал и быстро размотал свои обмотки.

– Фу-у малый, – я помахал ладонью перед носом – да твои

ноги гиены жрать не станут. Так ладно, что тут у нас.

Судя по опухшей и посиневшей лодыжке это всё-таки скорее вывих, чем перелом. Я такое видел не раз и у самого было, и кстати, приёмы первой доврачебной помощи в пожарной двадцать семь лет в тетрадку записывал. Не скажу что, силён в этом вопросе но, кое что в голове отложилось. Боли сейчас парень испытывает сильнейшие но, молчит и только морщиться – уважаю! Я аккуратно взялся за стопу стараюсь определить, куда пошел вывих, молодой сначала напрягся но, видя что, ни чего неприятного не происходит, расслабился. Ну, чтож – или – или. Или получится, или... я резко с поворотом рванул стопу. Парень пронзительно вскрикнул и откинулся на спину, некоторое время он лежал закусив губу, на лице выступил пот. Постепенно на его лице стала расплываться довольная улыбка. Ага, получилось. Так основной болевой симптом я ему снял, теперь поменьше напрягать ногу всё будет нормально.

– Шаам – улыбаясь и прикладывая руку к сердцу проговорил молодой охотник – Боси шаам, боси. Дед тут же потащил меня к лежащему бессознательному телу. Откинув шкуру, он просительно заглядывал мне в глаза

– Э? Шаам э?

Передомной лежал обнажённый, только обувь на ногах, парень лет двадцати пяти. Через всю грудь шли три глубокие, вывернутые, покрасневшие раны. Ещё две поменьше были на бедре. И там и там раны были присыпаны каким-то

порошком. Растительный антисептик? У парня явно была высокая температура. Раны надо было чистить и штопать. Я ни чем не мог ему сейчас помочь. Если только дать какой ни будь антибиотик, когда он придёт в себя.

– Нет дед – я покачал головой – здесь я бессилен.

– Нан, нан шаам!

– Нет.

Дед опустил голову и тяжело вздохнув, накрыл больно-го шкуркой. Старый, пожил на свете и наверно понимал предел возможностей шаманов. Видать с реальными чудесами у местных специалистов бубна и зажигательных танцев не очень.

Потом между дедом и двумя старшими охотниками разгорелась бурная дискуссия, в которой молодой благоразумно не участвовал. Судя по жестыкуляции и время от времени проскакивающим словам, смысл которых я кажется понимал, охотники собрались сходить за добычей и дед был не против но, он сильно был против что бы они совались в степь, куда те, как я понял, как раз и собрались. Впрочем, пререкались они не долго, деду скоро это надоело и он энергичным жестом руки и не менее энергичным словом – прям родным, русским повеяло, отправил охотников вдоль реки вниз по течению. Вообще-то и мне тоже надо внести свой вклад в, так сказать, «общий котёл». Своей пайкой я пока светить не буду, а пойду проверенным путём. Достав из ранца закидушку, я направился к реке, благо до неё тут рукой

подать. Дед молча последовал за мной, а пацан остался за кострового.

Когда мы подошли к берегу стайки уток и немногочисленные гуси неспешно отгребли подальше от нас, к центру реки. Дед проводил их пристальным взглядом, да уж не с его копьём на такую дичь ходить. Найдя удобное местечко и привязав блесну отработанным движением закинул её подальше. Рывок, рывок, потяжка – пусто. Ещё заброс, рывок, рывок – есть! Небольшая щучка у меня в руках.

– Ого! – воскликнул дед. Ясно, что такой способ ловли он видит впервые.

– А то! – согласился я – Сам до сих пор к такому привыкнуть не могу.

Дальше всё по алгоритму, блесну снять, тройник, грузило поставить, щуку режем на куски, нанизываем и в воду. Дед внимательно следил за всеми моими действиями но, молчал и под руку не лез. Закинув снасть, я удовлетворённо потёр руки и уселся на камень. Подождём.

– Ну что-ж, пока суть да дело, давай-ка дед, мы с тобой общаемся, ибо чувствую я непреодолимую тягу к изучению вашего языка. Начнем с простого – и стукнув себе в грудь произнес – Я Пётр! И ткнул пальцем в деда – Э? Мол, я Петр, а ты?

Ха, да уж, это тебе не киношный абориген, который в умильном идиотизме повторяет произнесённое, Большим Белым Братом, как попугай. Дед прекрасно всё понял.

– Ых Хатак!

– Ых, я так понимаю, это – я, а Хатак имя. Хатак, Хатак – я потыкал в него рукой.

– Так, так – Хатак – и он изобразил пальцами идущие ноги – Хатак. Пётр, э?

– Ба-а, дед да ты – Ходок. Неужто по бабам?

– Э, Пётр?

– Пётр – я поискал глазами и поднял небольшой камень – Пётр!

– Пётр – канам? – указывая на камень, уточнил дед.

– Так, так – закивал я головой.

Тут наша содержательная беседа была прервана поклёвкой. После недолгой но, напряженной борьбы я вытянул на берег сомика килограмма на три.

– Ого! – опять воскликнул дед – Гуг Пётр, гуг!

– Гуг Хатак гуг – я нанизал новый кусок и размахнувшись запустил снасть в воду – И надеюсь, будет ещё лучше.

Так общаясь и вытаскивая время от времени сомиков, мы просидели почти до вечера. Солнце уже сильно опустилось к горизонту, предвещая скорые сумерки и я решил, что семи сомиков, каждый примерно по три кг., для пяти человек достаточно. Даже если ушедшие охотники вернутся не с чем. Подойдя к лозиннику, я достал топорик и срубил несколько штук под внимательным взглядом Хатака, а потом протянул топорик ему и предложил продолжить. Взяв в руки топорик, Хатак долго изучал лезвие, пробовал на остроту, бил заско-

рузлым ногтем и внимательно слушал раздававшийся звук, даже лизнул, короче, дед ушел в созерцание.

– Хатак – эй! – позвал я его и когда он сфокусировал на мне свой взгляд, сделал несколько рубящих махов рукой – Руби, руби!

Дед ловко подсёк лозинку, посмотрел на срез, потом не лезвие – О-о-о-о!!!! – выдал он заключение. И пошло – удар, исследование результата – О-о-о!

Я же стал разделять ножом рыбу на куски, тут же на- низывая их на очищенные лозинки. Потом мы переносили всё к костру поближе. Молодой весьмаудивился, когда увидел столько рыбы, но это ни сколько не помешало ему быстро мотнуться вглубь ниши и притащить большой, тонкий, и очень ровный камень, который он стал пристраивать над углями. Вот вам и первобытная сковородка, и судя по следам, пользовались ей не раз.

Также, с большой сноровкой, он стал прилаживать над углями прутики с рыбой, и уже вскоре в вечернем воздухе поплыл дразнящий аромат жареного. Не успела приготовиться первая партия, как вернулись охотники, с недовольными и уставшими лицами. За всё это время они смогли добыть лишь пару птичек с куропатку размером, да одного большого суслика. Этого было мало на такую ораву голодных мужиков, и они это прекрасно понимали, а тут такой приятный сюрприз. Лица их сразу посветлели, на них появились улыбки. Охотники оживлённо заговорили, видать выясняли у де-

да подробности, откуда такое богатство. Дед тыкал в меня пальцем, часто употреблял слова: Пётр, гуг, шаам, ого, короче – разворачивал перед слушателями красочное полотно эпической рыбалки. Потом Хатак начал представлять имена остальных охотников. Честно говоря набор звуков которые должны были что-то значить сразу запомнить я даже не пытался. Про себя я их оставил как: Молодой, Первый и Второй, и Раненый. Ну, а я был представлен как шаам Канам, т. е. шаман Пётр.

А тут и рыба прожарилась, народ подсел костру и дружно навалился на подрумяненные истекающие соком куски. Мужики расслабились, они перебрасывались фразами, смеялись, глаза их лучились довольством. Ещё сегодня днём они вполне могли стать пищей для гиен. Но они победили, они целы, они сыты, они живы.

Когда ели рыбу произошло одно, очень значимое событие. Дело в том что, в то время как охотники хватали горячи куски рыбы, не сильно заботясь, что бы они прожарились лучше, рвали руками и с большим удовольствием закидывали их себе в рот, я поступал как культурный человек. Дождался пока рыбка пропечётся, разламывал аккуратно, дул, не спеша пережевывал, чем явно веселил остальных. А ещё я посыпал кусочки солью, беря её маленькими щепотками из небольшой солонки, которую я носил с собой. Охотники с любопытством поглядывали на это но, помалкивали, и лишь ближе к концу трапезы, когда эти проглоты почти всё сожра-

ли, Хатак как самый авторитетный насмелился и протянув руку попросил.

– Та ме – «дай мне».

Ну я и сыпанул жменьку, думал он как и я, по чуть-чуть посыпать будет, а он возьми да и закинь всё сразу в рот. Пару секунд он ещё крепился, а потом начал плевать, тереть язык, рожи корчить. Остальные аж напугались. Дальше последовал, как приблизительно я перевёл, следующий диалог.

– Что? Что случилось Хатак? – загомонили охотники.

– Шаман Пётр ест горький камень! Он дал мне тоже попробовать – ужас! – трёт язык Хатак.

– Шаман Пётр ест горький камень! Почему? Зачем? – удивляются охотники.

– Потому что Пётр – это и значит – камень. Может горький камень – это камень его силы? Значит правильно его нужно называть Горький Камень – предполагает Ходок.

– Да, да – соглашаются остальные – точно, шаман Горький Камень, да!

– Не просто шаман Горький Камень, тупицы, где вы видели, как другие шаманы достают огонь из руки и едят горький камень? Он – Большой шаман Горький Камень.

– Да, да – трясут бородами остальные – точно Большой шаман Горький Камень.

Ну, конечно не один в один, но что-то подобное точно говорили. И с тех пор я и стал Магут шаам Хори Каман. Но не этот, по сути, комичный момент был важным, а то, что по-

следовало дальше. Поднявшись, Хатак быстро сходил и принёс одну из котомок. Развязав горловину мешка, он раскрыл его и пододвинул ко мне – Зрит – «смотри».

В котомке находились грязно-серые крупные кристаллы вперемешку с песком. Я взял один из них и осторожно лизнул – да, точно – это соль. Нормальный галит, бес какой либо горечи. Значит, в котомках они несли соль и в каждой такой котомке, судя по объёму, килограмм по двадцать. Куда и откуда они её несут? Добывали или меняли? Очень важные вопросы, на которые необходимо найти ответы. Нужно срочно учить язык.

С утра самочувствие было не ахти. Кости ломало, мышцы тянуло – ещё бы, так вчера нагрузил организм, да в моём возрасте. Но ни чего, пока сходил умыться, туалет, то сё... на удивление достаточно быстро пришел в норму. Вчера, после того как поели, я почувствовал что вырубаясь. Только и успел кинуть одеяло на подстилку из травы и листьев. Думал, посижу, с дедом пообщаюсь, поучу слова... куда там!

Молодой всю шуршал возле костра. Первый и Второй съев, на двоих, суслика уже ушли на охоту. Хатак неторопливо ощипывал куропаток.

– Хао Хатак! – поприветствовал я деда, как делали киношные индейцы, ну, тапа пошутил.

– Хао Хори Каман! – совершенно серьёзно ответил Хатак. Я как стоял, так сразу и сел. Вот это пошутил! Пальцем в небо! Или не в небо. Североамериканские индейцы, по су-

ти, переселенцы с евразийского континента во времена оледенения. И это приветствие, часть протоязыка на котором, как утверждают учёные, когда-то говорили все люди. Не удивительно что, я так быстро стал понимать, что мне говорят. Элементарный язык проще в изучении чем сложно-развитый.

Ме – мне, та – дай, нанэг – нога, каман – камень, хы – ты. А зрит – смотреть, это вообще древнерусское зрить – смотреть, отсюда зрак – глаз. Немецкое гут – хорошо, тут – гуг, ых – немецкое ихь – я, ватла – ватер – вода, нан – найн – нет. Поляки и сейчас говорят – так – да. А ещё магут – большой, тоесть – могучий, шаам – шаман, хатат – ходить. Неужели всё так просто?! А с другой стороны, почему и нет. Новые слова рождаются не быстро, трансформация языка от простого к сложному, как опять же утверждают учёные, очень длительный процесс. Практически во всех индоевропейских языках встречаются единые, древни корни. Тутушнее слово дах – ударить, как я думаю вообще производное от действия. Ого – удивление, и у нас – ого. Только если я скажу – Ты удивил меня, то Хатак скажет – Ого мехы.

С жестами ещё интересней. Многие – практически один в один. Я заметил что, жесты и мимика играют большую роль при общении, чем в моё время. Здесь очень четко видно что, язык жестов появился как бы не раньше звукового.

Но сильно углубиться в эти мысли я не успел, потому что, из под навеса раздался слабый голос раненого и Хатак, а

за ним и я поспешили к нему. Его затуманенный взгляд еле сфокусировался на нас, видно с трудом но, опознав деда, он сделал слабое движение рукой к потрескавшимся губам.

– Воды – крикнул дед Молодому, а сам скинул шкуру, внимательно осмотрел и понюхал раны. Я тоже принялся, но вроде характерного сладковатого запаха не уловил. Хотя зрелище, конечно... .

– Э? – спросил у меня дед.

Я неопределённо пожал плечами, мол – пока вроде нормально, пациент скорее жив, чем мёртв. Тут приковылял Молодой, и попытался сунуть в рот раненому какой-то волосатый, грязноватый бурдюк. За что, тут же получил от меня подзатыльник – не надо пихать в рот парню всякую гадость, ему и так хреново. Пока Молодой непонимающе хлопал глазами я сходил и принёс полторашку и поднёс её к губам раненого. Почувствовав воду, тот жадно стал пить. Подняв брови, дед многозначительно посмотрел на Молодого, мол – ты понял, на сколько большой, шаман Горький Камень, у него даже вода сама в воздухе висит.

После того как больной попил его взгляд слегка прояснился. Я извлёк из пузырька таблетку тетрациклина, надеюсь хуже не будет, и жестами показал что, надо проглотить. Парень перевёл взгляд на деда и тот кивком подтвердил – делай что говорят. Пробовали покормить кусочками вчерашней рыбы, специально прибережённой на такой случай, но... не пошло. Почти сразу парень снова отключился. Так, нужен

бульон. Припахав охотников заканчивать с куропатками, я достал котелок и налив воды пристроил над костром.

– О, о-о! – сказали первобытные люди, увидев очередное чудо. Как бы мужиков не хватил футур шок. Порезав тушки помельче и закинув их в котелок я сел варить бульон и общаться. Помогая себе жестами и мимикой, мешая русские слова со словами которые успел запомнить, я спросил.

– Хатак, сколько мы ещё пробудем в этой пещере?

– Батор, так звали раненого, очнулся, теперь он точно не умрёт. Хорошо что ты, шаман Горький Камень, помогаешь ему. Через два или три рассвета Батор окрепнет, и мы пойдём к племени.

«Так два-три дня. Успею сходить за вещами, но... стоит ли? Даже то, что у меня с собой вызывает у первобытных охотниках, мягко говоря – удивление. Не стоит подвергать их сознание ещё большей нагрузке. Все вещи я упаковал надёжно, как чуял, полежат пока. Почки только-только проклюнулись и слегка зазеленела трава – время ещё есть. Нужно наладить хорошие отношения с людьми из племени, сходить, посмотреть что там и как. Это тут я шаман Горький Камень, который помог, а то и вовсе спас Хатака со товарищи от гиен, добыл огонь из руки и полечил Молодого. А вот для остального племени я никто, и звать меня никак. Дед, я думаю в авторитете но, не думаю что, он в племени самый главный. И скорее всего, есть ещё свой шаман, а те, кто сам себе присвоил право на монополию по посредничеству меж-

ду высшими силами и остальными, очень не любят конкурентов. Всё может быть весьма непросто».

– Сколько идти до твоего племени?

– Два – Хатак неопределенно пожал плечами – три расвета. Как будет удача.

«Понимаю, если у нас по городскому парку можно прогуляться с непредсказуемым результатом, то тут вообще – плейстоценовая лесотундра».

– Как называется твоё племя Хатак?

– За свою жизнь, много раз по столько – старый охотник показал все пальцы на руках – я жил в трёх племенах, и все они, в каком-то смысле мои. Которое из них назвать тебе?

– Назови то в котором ты живёшь сейчас, а о тех, в которых ты жил раньше обязательно расскажешь потом.

– Правильные Люди!

– Правильные Люди!? – Очень интересно и... чертовски знакомо! А другие, что, НЕ правильные люди, или вовсе нелюди. – Чем же они правильной других, Хатак?

– Не знаю – дед криво ухмыльнулся – это не я, это они, про себя так говорят.

«Ай да дед! Красавчик! Вот тебе и темный кроманьонец с каменным топором. Возможно, он не знает высшую математику, он не декламирует Шекспира и не в состоянии постичь глубинный смысл «гениального» квадрата Малевича но, мозгового вещества в его черепной коробке ровно столько, сколько и у меня. А люди во все времена одинаковы.

Изучая историю, я в этом давно убедился. Эпохи разные, континенты разные, условия для проживания разные, а люди... одинаковые. Щедрость – жадность, доброта – злоба, отвага – трусость, благородство – подлость, любовь – ненависть. Жизнь и Смерть. Мы тысячелетия кружимся в этом бесконечном хороводе. И будем, уверен, кружиться до самого конца рода человеческого».

– Но ты так не считаешь Хатак!?

– Кому интересно что, думает старик, слишком много видевший за свою жизнь.

– Может быть, такому же старику как я.

– Я рад этому Горький Камень, но знаешь, меня не просто так прозвали – Ходок. Любопытство заставляет меня идти и идти туда, где я ещё не был, что бы увидеть то, что я ещё не видел. И когда я вижу тебя Горький Камень, огонь любопытства сжигает меня, скажи, откуда ты, из какого племени.

– Я Рус, это такой очень большой народ в который входит много разных племён. Там – я неопределённо махнул рукой в сторону предполагаемого севера – где подолгу лежит снег находится земля где живёт мой народ.

– Почему ты оказался тут?

– Наверное потому что, не слушал одну старую и мудрую женщину и пошел за туманом. Шел, шел – я криво ухмыльнулся – и пришел.

– Как долго ты шел?

– Долго Хатак! Много, много, очень много лун.

– Скажи Горький Камень, все эти странные вещи делает твой народ?

– Точно. Иэти и ещё много других.

– Ты позволишь посмотреть твоё оружие?

Как позже я узнал, личные вещи уже вполне себе существовали. Особенно это касалось охотничьего оружия. Его можно было сделать самому, выменять на что-то, выпросить, даже отнять могут, но что бы взять без разрешения... такое практически невысказано. Ведь взяв без спроса, например, чужое копье ты тем самым можешь взять и чужую неудачу. А тот, у кого взяли, может посчитать что, с его копьем забрали и его охотничью удачу. А к наличию или отсутствию удачи люди ещё многие и многие тысячелетия будут относиться куда как серьёзно.

Так что дальше и дед и молодой впали в экстаз, и если дробтики им были более менее понятны то нож, топор и особая Прелесть произвели неизгладимое впечатление.

– Что это за камень? – ощупывая заточку фальшиона, спрашивал Хатак.

– Это не камень, это металл.

– А где его берут?

– Кхм... вообще-то из камня.

Хатак понятливо покачивает головой, мол от шамана камней он другого и не ждал.

– Ты можешь делать металл из камня?

– Это не просто но, если найти нужные камни смогу. «По-

чему бы и нет – подумал я про себя – в принципе процесс достаточно прост и при определённом везении средненькое железо добыть вполне по силам».

Также охотников интересовали и остальные вещи, особенно ткани. Ни когда такого не видели, даже после моих объяснений, похоже, так и не поняли, откуда они берутся. Я же, в свою очередь, попросил посмотреть их оружие. Что сказать? Не шедевр. Вместо ножа – очень острая и тонкая пластина из кремня. Копьё – тот-же кремень, весьма грубо обработанный, примотанный сыромятным ремешком к прочной но, кривоватой палке. Не смотря на свои скудные познания древнейшей истории человечества, понимаю что, это не неолит. Уж те неолитические каменные наконечники, практически произведение искусств, лежащие в нашем краеведческом музее, с этими не спутаешь. А значит это скорее палеолит, икак минимум тридцать тысяч лет тому назад. И ведь ещё есть верхний палеолит, есть средний, а также нижний. В каком я? Задаётся мне, тут любой мой чих за прогрессорство прокатит. Только не вижу я себя в этой роли. Мне б прожитьотпущенное судьбой в сытости и относительном комфорте, да и ладно будет. Скажете не героично, де мол, такой шанс, а он не хочет цивилизацию сварганить, привести темных предков в мир добра и знаний. Не-ет друзья, предки и сами туда доберутся, а мне бы и со своей задачейминимум кабы пупок не надорвать.

Гл. 4 Племя

Вот уже три дня как мы идем в стойбище Правильных Людей. Сегодня последняя ночёвка и если всё сложится нормально то завтра, ближе к полудню будем на месте. Должен признать что, древние люди ходоки преизрядные. С немалым грузом, обременённые раненым, держат темп, от которого у меня без малого язык на плечах не висит. С языком, кстати, уже вполне прилично, общаемся без особых проблем. Там и слов то триста – триста пятьдесят, да около сотни специальных охотничьих терминов, плюс мимика и жесты – очень содержательно выходит. Все явно рады что, скоро завершится этот трагичный поход. Особенно рад Батор, лежит себена волокуше лупает глазами и счастливо улыбается. Он ещё очень слаб, практически не ест, только много пьёт и совершенно уверен, что это мои горошинки спасли его. Может и так, а может просто здоровья много и парню суждено выжить – хилым в этом мире ни чего не светит. Ну пустьдумает как хочет, главное чтоб польза от этого была.

Только Хатак был задумчив и хмур. В целом я уже знал историю этого похода. Правильные Люди были классическими собирателями и охотниками нигде не задерживающимися, подолгу, на одном месте и кочующие по довольно сложному маршруту. Вот и приходили они из года в год к берегам довольно большой реки, где были удобные перекаты, что бы, как только спадёт вода и хоть чуть-чуть прогреется переправиться на другую сторону, на летние, так сказать, пастбища. Заодно посылали охотничьи партии за «горьким камнем».

Быстроногие охотники успевали дойти до пещеры с солью и обернуться назад меньше чем за неделю. Но что самое удивительное саму соль они не употребляли, а использовали её для обмена на большой ежегодной осенней охоте. Это мероприятие, как я понял, что-то вроде сбора многих родственных племён для совместной Большой Охоты, а также мены всего на всё, там же присматривались к невестам, проходили «свадьбы». Охотники терли свои вопросы, шаманы свои. Короче очень важное и нужное событие в жизни племён.

Помимо того что, племя Хатака обменивала соль на нужные вещи, оно ещё и приносило изрядный запас с собой на зимнюю стоянку и использовала её для приваживания копытных под копья охотников. Любителей полизать дефицитную соль всегда находилось преизрядное количество. Почему люди сами её не использовали, у меня в голове не укладывалось. На все вопросы Хатак отвечал что, люди не едят горький камень и вообще он первый раз видит, как человек его ест, но на то я и Могут шаам Хори Каман, чтобы вытворять, что мне заблагорассудится.

В этом году поход за солью изначально начался не правильно. Прежде всего, пошло очень мало охотников. Обычно партия состояла из 20-25 охотников, а в этот раз было отправлено всего восемь человек. Остальные, как пообещал вождь Острый Рог, должны были подойти к пещере с солью через два дня, но... не пришли. Да и состав желал бы лучшего. Помимо Хатака пошли ещё двое таких же почти стари-

ков как и он, Первый и Второй – сильные но слегка туповатые ребята, двое почти пацанов, один из которых Молодой и Батор – единственный кого Хатак ценил очень высоко. Ловкий, смелый, отважный, но не безрассудный, умный и любознательный. «Совсем как я в молодости» – не без гордости говорил дед.

Заготовив соли на всю партию охотников и не дождавшись остальных Хатак, а он и вправду был старшим, принял решение возвращаться. Высиживать дальше в неведении смысла не видел. Поначалу всё шло нормально, но незадолго до переправы, где мы и повстречались на них вышел, судя по описанию короткомордый медведь, а это я вам скажу очень серьёзный зверь. Разойтись миром с Длиннолапым, как его называл Хатак, не получилось. В скоротечной схватке Длиннолапый убил обоих стариков, пацана и почти отправил на тот свет Батора, ещё и Молодой ногу подвернул. С болью в сердце, глотая злые слезы, Хатак приказал оставить место схватки, помочь погибшим не было ни какой возможности, надо было спасать хотя бы тех, кто остался жив. Но не тут-то было. Почти сразу на «хвосте» у них повисла стая гиен, несколько раз они делали осторожные попытки напасть, которые удалось отбить и лишь когда их стало больше они пошли на решительный штурм. Если бы не я, пожалуй, всё там и закончилось. Но не случилось. И хотя мы почти добрались до стоянки, потеря трёх охотников племени, да ещё как там с Батором будет, сильно напрягало Хатака. Было от чего быть

задумчивым и хмурым.

Сегодня вечером, сидя у горящего костра, по сложившейся в последние дни привычке, когда мы подолгу беседовали о многом и интересном, старый охотник был необычно молчалив.

Вообще если описывать внутреннюю суть Хатака, то его можно было смело воспринимать как Магеллана и Сократа в одном флаконе. Путешественник и мудрец, так и не растерявший бесценное свойство в душе оставаться мальчишкой. А ещё он был воин. Хатак участвовал в двух войнах, где союз племён противостоял Старым людям, как я подозреваю, неандертальцам. Также он участвовал в нескольких межплеменных войнах и многочисленных небольших схватках. Так что, Хатак для меня был бесценным кладезем опыта и знаний об этом мире. Ну, а я для него вообще был навроде Шахеризады. Приязнь и удовольствие друг от друга росла день ото дня. Что поделать – родственные души.

Бескрайнее ночное небо с яркими звёздами над головой, из тьмы за костром доносятся различные звуки, это у нас тут созерцание огня и молчание, а степь живет своей, весьма насыщенной жизнью. У костра мы одни, остальные давно угомонились. Наконец Хатак решился.

– Пётр – я уже давно попросил его называть меня коротко и более для себя привычно – ты знаешь, как мы сходили за горьким камнем, но не знаешь, почему так получилось. Раньше племя Правильных Людей было сильным и автори-

тетным среди других союзных племён, пока – он показал раскрытую ладонь – столько зим назад у племени не появился новый вождь Острый Рог. Его отец Филин был сильным и мудрым вождём, пользующийся заслуженным авторитетом других вождей и шаманов. Но пришло его время, и он отправился в туманные долины предков. Ты же знаешь что, мы, мужчины практически не знаем своих детей, но в этом случае все точно знали что, Острый Рог сын Филина. Обычай гласит – после смерти вождя избирается новый из самых достойных охотников племени. Я был другом Филина и имел весомый авторитет, были охотники, которые поддержали бы меня, захоти я стать новым вождём, но я всё же был пришлый, и стать вождём без борьбы мне было непросто. Но бороться я как раз и не хотел. Хотел ли я быть вождём? – он немного помолчал – честно скажу, не знаю,.. не знаю до сих пор, но когда племенной шаман Пёстрый Полоз у Большого Костра выкрикнул имя Острого Рога, я был против. Я уже говорил что, был другом Филина и ещё я хорошо знал его сына, как никак вырос считай на моих глазах. Так вот, Острый Рог был сыном Филина, но Острый Рог небыл Филином. Отец был силён прежде всего этим – он прикоснулся к груди – а не этим – он похлопал себя по бицепсу – как его сын. Понимаешь о чём я Пётр?

– Очень тебя понимаю Хатак – продолжай.

– Там где у отца была мудрость у сына только хитрость да змеиный свист в уши от Пёстрого Полоза. Филин всегда

мог поступиться малым ради большего, всегда слушал умные советы и не стеснялся признавать свои ошибки. Острый Рог всегда и во всём прав и советчик у него только один – Пестрый Полоз. Но всё-таки парень когда-то был не таким, не до такой степени... это всё Полоз, его поганый язык живёт в голове молодого вождя, и я не знаю, как оттуда его вытащить.... Мы уже успели поругаться с несколькими родами. На наши исконные земли стали заходить чужаки. Люди перестали приходить в племя, как было когда-то, а наоборот уходят из него.

Вот и с этим походом за горьким камнем очень всё не просто. Трое стариков, ни кому особо не нужных, но хорошо помнящих как было раньше, два остолопа ни то ни сё, пацаны из тех у кого нет ни какой поддержки и Батор, слишком внимательно слушающий мои рассказы и совершенно плюющий на «мудрые речи» шамана. Я много лет хожу за горьким камнем и когда мне дали столько охотников сразу сказал что, нельзя идти таким количеством. Острый Рог тут же заверил что, остальные придут позже, а Пёстрый Полоз что, камлал всю ночь и духи сказали ему – всё будет отлично.

– Неужели ты, такой опытный охотник не доведёшь людей до пещеры горького камня по дороге, которой ходил столько раз? – спросил меня тогда вождь – Или ты стал слишком стар для таких походов, может тебе уже пора сидеть у костра, и рассказывать детям сказки... как ты любишь?

– Я считал себя хоть немного мудрым человеком, но...

Пётр они развели меня как сопливого пацана. В отчаянии Хатак ударил себя кулаком по ладони – Как пацана – глухо повторил дед, опустив голову.

По началу – через некоторое время продолжил Хатак – я и сам думал что, всё будет хорошо, тем более до пещеры дошли без особых проблем, но когда через два дня ни кто не пришел, я почувствовал – хорошо уже не будет. Я ещё на что-то надеялся но, ... Длиннолапый всё расставил по своим местам.

За свою долгую жизнь я вот столько – он показал семь пальцев – сражался с Длиннолапым. Три пальца я защищался от него, остальное сам на него охотился. Длиннолапый очень силен и опасен, но ещё он очень умён, столько охотников, сколько было нас даже для него слишком опасно, в степи есть добыча куда как менее зубастая. И всё-таки он напал. ... Когда имеешь дело с Длиннолапым главное не дрогнуть, дожидаться, когда он поднимется на задние лапы, и вовремя ударить. Восемь копий в мягкий живот... добывал я Длиннолапых и меньшим количеством охотников. Но этот... – Хатак смотрел расширенными глазами в костёр, вновь переживая перипетии схватки – он так и не поднялся. Сгорбившись словно человек он легко отбивал наши копья, тогда мы попытались его окружить, но он не стал кружиться на месте пытаясь отбиться ото всех сразу, как другие Длиннолапые, резко отталкиваясь всеми лапами прыгнул сначала к одним, тут же к другим, он был очень быстр, очень....

Я думаю, захоти Длиннолапый убить нас всех, он это бы сделал. Мы даже не сумели нанести ему серьёзных ран. Поверь мне Пётр, я сражался с ними не раз, но ни один из них не вёл себя как этот. Он был похож скорее на человека, и я думаю, что это шаман Пёстрый Полоз натравил на нас духа в образе Длиннолапого.

– Ты думаешь он способен это сделать? – озаботился явпечатлённый рассказом охотника.

– Не знаю. Бывало, он хвалился, что может призывать духов зверей, но при мне ни одного духа он так и не призвал. Вот ты Пётр, смог бы такое сделать?

– Точно нет! – не стал я врать.

– Но ты же очень сильный шаман. Гораздо сильнее Пёстрого Полоза!

– Возможно. Но я силён в одном, он может быть силён в другом. Нельзя быть сильным везде.

– Да ты прав мудрый Пётр – Хатак тяжело вздохнул – нельзя быть сильным во всём. Печально.

– А ты не думал Хатак, что это был не дух посланный шаманом, а всего лишь медведь который уже встречался с людьми, и возможно не раз?

– Медведь?

– Так называют Длиннолапого в моём племени. Ты же опытный охотник, Хатак и сам говоришь что, Длиннолапый очень умён. Однажды выйдя победителем из схватки с охотниками, он мог победить и во второй, а в третий раз, уже за-

помнив предыдущий опыт применил свои особые приёмы снова. Ты же сам говорил, этот Длиннолапый делал всё не так как другие, а вот вы, наоборот, делали всё как всегда и на этом он вас и поймал.

Хатак долго сидел, молча обдумывая услышанное. Наконец заговорил.

– Ещё раз убеждаюсь что ты, Пётр – мудрый шаман. Это как раз тоже большая проблема. Послал Полоз духа или было, так как ты говоришь но, думаю, моему приходу не обрадуются ни вождь, ни шаман. И то, что в племя привёл тебя как бы я, не добавит любви и тебе. Уверен, пакости мне и дальше обеспечены, но я свой, у меня немалый авторитет и теперь я буду в двойне осторожен, ты же чужак и тебе придется в племени нелегко. И я просто не знаю, что делать Пётр?

– Успокойся Хатак. Мне приятно что, такой человек как ты волнуется за меня, но не думаю, что останусь жить в племени Правильных Людей.

– Понимаю – покивал головой Хатак – дойдёшь с нами до Осенней Охоты и выберешь себе племя. Такой шаман всем пригодиться.

– И снова ты не угадал старый. Думается мне, что жить я буду один.

Улети я сейчас на небо, Хатак так бы не удивился. Мало ли что умеет Горький камень. Но жить одному!!!

– Жить одному нельзя! – воскликну Хатак. Весь его жиз-

ненный опыт и знания восставали против этого. Это в полётах он не силён, а в вопросах выживания он большой специалист!

– Да ну! – парировал я – Жил же я до встречи с вами один и жив как видишь.

Брешу на «голубом глазу» и совесть не мучит.

– Но почему?!!

– Потому что, жить, как привыкли вы я не могу, да и не хочу, а жить так как хочу я, врядли кто-то согласится.

– Но как, как? – не унимался Хатак – Как ты будешь жить один?

– Думаю что, нелегко. Но надеюсь с твоей помощью, мой друг, чуть легче. А вообще пойдём-ка спать, завтра у нас с тобой будет тяжелый денёк.

И ушел в темноту, оставив у костра потрясенного деда.

Я сидел и меланхолично наблюдал, как в котелке медленно побулькивает нехитрое варево. Так же неспешно «побулькивали» мысли в моей голове. Подумать было о чём.

Вчера состоялось феерическое вступление нашего отряда в стойбище Правильных Людей. Само стойбище раскинулось между каменными крутинами и берегом реки. Навскидку народу в племени было человек двести пятьдесят и из них охотников человек семьдесят, стариков было немного, в основном женщины и дети. Я конечно не специалист, но кажется мне что, это очень большое племя для этих времён.

И не удивительно что, живя охотой и собирательством, им всё время приходится перемещаться с места на место. Такая толпа, словно саранча, очень быстро выжирает всё съедобное вокруг себя. Ну и само стойбище, в общем, не обмануло моих ожиданий. Полукруглые, невысокие, даже не знаю как их назвать, чумы что ли, изоблезлых шкур натянутых на деревянные каркасы, а кое где и на рёбра мамонта, стояли где кому как удобно. Вонь от костров, от выделываемых шкур, кости под ногами, ещё какой-то мусор, мухи в презрительном количестве, запросто можно наступить ногой на «мину». Короче полный букет антисанитарии. И сами первобытные товарищи так «озонируют»... Я всё понимаю, каменный век, то, сё, но мать моя – женщина, речка же рядом! Неужели нельзя лишний раз пойти, извините за грубость, жопу помыть!

Слава богу, повезло! Как выяснилось жить шаману внутри стойбища как бы не принято, а не то гостеприимство Хатака я, боюсь, не пережил. Я тогда быстро сориентировался и пока Хатака не взяли в оборот, попросил найти мне для прожития удобное место. Так что, поставил я свой шалашик недалече, в удобном распадке окруженным небольшими кустами. Уютненько так, и дрова и до речки недалеко, опять же любопытных поменьше. Большой шаман Горький Камень, знаете ли, шуму не любит, отвлекает от размышлений о высоком, со злости враз в лягушку может превратить. Я именно так и наказал всем охотникам в стойбище про себя рассказывать. Пока действует.

Сама встреча отряда соленосов прошла неоднозначно. И если основная масса народа искренне радовалась ибо всех считали уже погибшими о чём, кстати, Пестрый Полоз после долгого камлания уже всех оповестил, то вождь со товарищи был намного сдержанней. Особо кислой рожей выделялся шаман. Ещё бы, он тут мухоморы курит, не спит ночами, здоровье подрывает – пророчествует, и нате вам... Мало того что вернулись, хотя и не все, так ещё с собой могучего шамана припёрли. Если так ронять авторитет, его и об землю ушибить недолго.

Мы сразу не понравились друг другу. Уж не знаю, каким я предстал перед его глазами, но его образ у меня сложился в две секунды. Крысёныш. Мелкий, суетной, с тонкими ручками-лапками и злобно посверкивающими маленькими глазами на остреньком личике. Реденькие волосики на плешивой головёнке, бородёнка – одно название, вонючая меховая накидка обвешанная косточками, черепками мелких птиц и кабы не тех же самых крыс. Как есть – крысёныш! Но умён. В разборки сразу не полез, вдруг я и вправду шаман силы немалой. И сам не полез и вождю не дал. Хотя тот был явно настроен наехать на Хатака прямо здесь же. Быстро объявил сегодня вечером праздник, а Большой Костёр на завтра. Большой Костёр – это толковище всех охотников, на котором решаются различные вопросы, доводятся важные новости, ну и так далее.

Все ясно, будет собирать информацию. Кто я такой, от-

куда взялся, что умею. Самое интересное Острый Рог только кивками подтверждал сказанное шаманом. Ох, чую рулит тут этот крысёныш через этого орясину. Почему орясину? Да потому, что удался мужик на славу. Ростом хоть и пониже меня будет, зато в плечах, куда там мне, и рядом не стоял. Мускулы на руках и ногах как удавы – силён видать. Была в нём некая звериная красота. Волосат, бородат, вонюч – не без этого, но черты лица правильные, глаза голубые, выразительные. Такого в моём времени отдай стилистам на растерзание мигом голливудскую супер звезду из него замастрячат. Жаль только, по всей видимости, не своим умом живёт, а дядиным.

Ну и, конечно, я произвёл неизгладимое впечатление на местных аборигенов. Нечто сродни шоку. И хорошо, а то боюсь растащили бы на сувениры. А дальше сработала моя закладка. Великий шаман, жуть какой грозный, по мелочам не беспокоить.

Праздник в каменном веке это – нечто. Умом то я понимаю, что люди действительно радуются жизни и веселятся, как умеют. Всё-таки охотники вернулись живыми, тем более при таком хреновом пророчестве. Да не все, но это жизнь первобытного охотника, мало кто из них умрёт от старости в, так сказать, «теплой постели». Зато какой успех у рассказа о драматической схватке с Длиннолапым, а эпическая битва с гиенами. Народ в восторге и ужасе охал и ахал, и всё это неподдельно, искренни. Это не ток-шоу с табличками: тут

смейтесь, тут хлопайте. Тут всё вживую. Даже вождя про- няло когда Хатак повествовал как я сёк гиен своей Преле- стью, а когда он изобразил как я одним ударом отрубил ги- ене голову народ просто в ступор впал. Порезать – это по- нятно, проткнуть – завсегда пожалуйста, разбить череп или там кость – и такое бывало, но... отделить что-то от чего-то одним ударом. Острый Рог даже покрутил головой, на себя что ли примерил. Все кто был тогда, горячо подтверждали сказанное Хатаком. Мне оставалось лишь многозначительно кивать да мычать что-то многозначительное. Многие охот- ники бросали на меня восхищённые взгляды, время такое, личная доблесть здесь очень высоко цениться.

Из угощения в основном мясо жареное, мясо печёное на камнях и мясо, варенное в кожаных мешках, посред- ством кидания в воду, находящуюся там, раскаленных кам- ней. Также туда добавляют какие-то листья и корни. Пред- ставляете себе, что за супчик на выходе получается? При- сутствовали и растительные добавки, но очень мало – вес- на. И конечно хит сезона – мутная слабоалкогольная хрень в вонючих бурдюках. Ели открестился от этого удовольствия, сославшись на шаманские дела. Ни какой посуды не было вовсе, ни деревянной, ни глиняной, единственно мелькнуло несколько грубых каменных плошек, и что характерно у во- ждя, у шамана и ещё у пары прихлебателей.

Сам процесс насыщения был прост, Подходишь к костру, где хлопотали женщины и тебе выдают порцию того или ино-

го блюда. Я совершенно не заметил утеснений, а тем более угнетения женщин по половому признаку. Наоборот, особо нетерпеливые могли ладонью по рукам схлопотать, а то и по макушке. Ну и куда ж без блата. Своим мужчинам, при общем, как бы равенстве, всегда есть возможность подсунуть что получше. Непроизвольно отметил, что местные красотки некоторые реально красотки, особо что помоложе. И они в меня эдак глазками постреливают, а что, видок то у меня вполне. Одет – не чета местным шаромыгам, аккуратная борода, а не обувная щётка как у всех. Про кольцо в ухе я вообще молчу. Уж этот девайс дамы моментально срисовали. И некоторые улыбаются так, знаете ли.... Гм, так что-то я куда-то не туда.

Я послетакого пиршества остался, прямо скажу, слегка голодным. Закиньте в желудок хоть и нормально пожаренного, но абсолютно пресного мяса и вы поймете, о чём я. Эк нас цивилизация разбаловала! А местные очень даже замечательно себя чувствуют. Поднаелись, слегка подвыпили, расслабились, и потянуло народ на танцы.

Незамысловатые кренделя под дружное гундение и притопывание в такт хлопкам – зажигали граждане неандертальцы не по детски.

– И всегда у вас так? – обратился я к сидящему рядом Хатаку. Деду было хорошо. Его глаза маслянисто поблёскивали, на губах блуждала довольная улыбка, сыт, слегка пьян. Всем своим видом он олицетворял великую китайскую истину –

прошлое прошло, и его нет, будущее не наступило, и его тоже нет – живи настоящим.

– Здорово, правда?!! – ответил довольный Хатак – Э-эх, Пётр! Были бы мы помоложе уж мы им показали, как надо плясать! Правильно я говорю!

– Ато, я и сейчас себя с трудом сдерживаю, что бы впри-
сядку ни вдарить.

Хатак подозрительно посмотрел на меня, но я сделал са-
мую невинную моську.

– А у вас как делают? Не так?

– Ну и так тоже бывает – не стал я развивать скользкую
тему.

Мудрые люди давно заметили что, в этом мире ни чего
не бывает случайным. Блуждая взглядом я, случайно заме-
тил стоящую невдалеке от нас девочку, которая присталь-
но смотрела прямо на меня. Слишком пристально и слиш-
ком смело, на меня ужасного. Ей точно от меня чего-то было
нужно. Даже интересно стало.

– Кто это, Хатак? – я кивком указал на девчонку.

Хатак долго присматривался, подслеповато щурясь. Я во-
обще заметил у него некоторые проблемы со зрением. Нако-
нец он рассмотрел на кого я указал.

– А-а – это дочка пришлой, тут где-то ещё младший брат
должен быть. Три зимы назад один из наших взял её, на осен-
ней охоте, к себе второй женщиной. Охотника, с которым
она жила, загрыз Большой Клыкастый – деда явно пробило

на поговорить – Тяжело с двумя детьми без своего мужика. Из своих ни кто брать не стал вот, и пошла к нам, а прошлой зимой как раз родами и померла.

– А дети?

– А что, дети? Живут как-то.

– Как-то! Понятно. Как звать то её хоть знаешь?

– Откуда у неё имя – удивился Хатак – она же ещё ребёнок. Так, есть детское прозвище, Лисёнок – кажется.

– Ладно, сейчас разберёмся, что Лисёнку нужно – проворчал я себе под нос – Эй Лисёнок, иди сюда!

Но девочка подойти не решалась, и уходить, не уходила. Ничего, я не гордый, и сам подойду.

Приблизившись, я рассмотрел её получше. Невысокая, лет двенадцать, может тринадцать, на худенькое тельце накинута совсем уж безобразная шкура, непонятно от кого, с дыркой для головы перехваченная на талии кожаным ремешком. На ногах тоже какие-то бесформенные меховые комки. Волосы грубо отхвачены порогам, не иначе кремневым ножом, и были они рыжие, я бы даже сказал – огненно-рыжие. Если бы небыли такими грязными. Но самыми выдающимися были её глаза. На замызанной, симпатичной мордашке, глазищи цвета аквамарина. Да-а уж. Когда нибудь из этого утёнка не лебедь будет, а настоящая Жар-птица. И встретила она своим аквамаринovým взглядом мой взгляд смело и открыто.

– Хао Лисёнок.

– Хао Горький Камень.

– Ты хотела спросить меня о чём-то, – решил я поиграть в проницательного могучего шамана – и вот я пришел.

Но смутить Лисёнка не получилось.

– Скажи Горький Камень... ты из моего племени?! – И столько в этом вопросе было надежды, столько в глазах светилось ожидания и радости, что я не сразу нашелся что ответить.

– Почему ты так решила?

– Ты такой же высокий как люди моего племени. Моя мама говорила, что люди моего племени были все высокие и... добрые, не то что... – она не закончила фразы, но тут и так было всё понятно.

– А волоса в твоём племени были у всех как у тебя или были и другого цвета.

– Да, у всех как у меня. И как у мамы. Я помню.

– Но ведь у меня не такие. – указывая на свои «соль с перцем» я попытался увильнуть от прямого ответа.

– Ты старый. – взгляд Лисёнка на секунду вильнул в сторону – Когда становятся старыми волоса у всех одинакового цвета.

– Прости девочка... Я не из твоего племени. – Наконец-то родил я неизбежный ответ.

И словно выключили свет. Будто враз выдернули из неё всю смелость и решительность. Взгляд Лисёнка потух, плечики поникли. Девочка молча развернулась и канула в тем-

ноту.

Ушла,.. а у меня словно заноза в сердце осталась.

– Старый дурак! – глядя ей во след прошипел я – Не мог ребенку соврать – чистоплюй хренов!!!

Пока предавался воспоминаниям, объявился Хатак. Видок он имел слегка помятый, в руках держал небольшой кожаный мешок. Усевшись возле костра, он с шумом втянул аппетитные запахи, идущие из котелка.

– Удивляюсь я тебе Пётр. Ты всегда делаешь женскую работу с таким удовольствием. Наши охотники, если рядом есть женщины ни за что ни станут что-то готовить, лучше дадут тумачков что бы бабы быстрее шевелились.

– Пряма таки тумачков? Пряма таки всегда?

– Ну-у, – Хатак задумчиво поскрёб бороду – могут, конечно, и сырое сожрать, или там... поголодать слегка.

– Всё с вами ясно. У нас, Хатак, если мужчина не может себя обслуживать, наши женщины быстро это поймут, и тогда ты попадёшь к ним в полную зависимость, и жизнь твоя, Хатак, будет бесполезней во-от такусенького – я показал пальцами насколько маленького – кусочка кремня.

– У вас суровые женщины. – уважительно глядя на меня, произнес дед и, протягивая мешок, продолжил – Наши всё-таки не такие строгие и передали это именно для тебя.

Заглянув внутрь, я обнаружил несколько увесистых кусков слегка обжаренного мяса.

– Передай им мою благодарность, Хатак. Сам то будешь? –

Кивнул я на булькающий котелок и мясо.

– Не. Поел. Вождь и шаман говорят с охотниками. Не нравится мне это. Пойду, тоже буду говорить с охотниками. Ближе к вечеру приду за тобой, пойдём к Большому Костру. Мне кажется что, Полоз что-то затевает против тебя.

– Чем, интересно, я не угодил ему. Мы с ним и словом не перемолвились. – Я, честно говоря, не сильно удивился, но... всё-таки.

– Тем, что ты есть. – Серьёзно ответил Хатак.

Старый охотник ушел, а я направился к реке сполоснуть руки перед едой. Обмывшись я присел на валявшиеся бревно, принесённое паводком, и на мгновение загляделся на могучий ток широкой реки. То там, то тут на воде расходились большие круги, крупная рыба гуляла под самой поверхностью. Подальше от шумного стойбища суежилась пернатая дичь. Прибрежная растительность выкинула уже довольно приличные листочки. Было тепло и тихо.

«Природа проснулась – думалось мне – А я даже не выполнил план минимум. Зачем мне это бессмысленное бодание с шаманами и вождями, мне место для жизни искать надо. Время поджигает».

Вдруг с боку послышались шаги и к берегу вышли двое детей. Девочка Лисёнок и скорее всего её брат, такой же рыжий, как и она пацанчик, годов десяти. На пол головы ниже, худющий, грязный, исцарапанный, с подбитым глазом.

В обносках ещё более худших, чем на Лисёнке. Меня, тихо сидящего за кустами и одетого в камуфляж, заметить было не так просто, а детишек не только хорошо видно, но и прекрасно слышно.

– Вот тут ни кого. – Сказала девочка – Давай поедим здесь.

Они присели на корточки рядом друг с другом.

– Прости сестрица – опустив голову, повинился пацан – тот кусок мяса, что я вчера припрятал, у меня отнял Толстый Барсук со своими дружками. Если бы один на один, я бы ему дал, а так накинулись кучей, . . . вот видишь, как в глаз дали. – Он прикоснулся к синяку и тяжело вздохнул.

– Ни чего – погладила она его по рыжим вихрам – я вчера свой кусок весь есть не стала, оставила чуть-чуть, а ещё нашла мучнистые корешки. Они, правда, маленькие и еще совсем горькие, но ничего попьём водички побольше.

– А я, зато вот что нашел – парень достал из-за пазухи две небольшие ракушки – я бы ещё искал, но вода сильно холодная.

– Ты у меня молодец. Настоящий охотник. – Подбодрила его сестра.

– Подожди чуть-чуть Лисёнок, вот стану настоящим охотником, мы каждый день будем, что-нибудь, есть.

Мать честная!!! У меня от этого разговора ком к горлу подкатил.

«Господи! – внутренне возопил я – Есть ли место и время на земле твоей, где сироты, дети твои, нужны хоть кому-ни-

будь».

Мой отец говорил – «Сынок не помогай всем. Всем помочь невозможно. Если кто-то рвётся помочь всем – это либо дурак, либо жулик, либо блаженный. Но если ты хочешь помочь – помоги, кому сможешь». Не уж-то я двух детей не накормлю.

Я решительно встал и вышел из-за куста.

В первый момент, брат с сестрой, от неожиданности чуть в воду не сигнули. Вскочили на ноги, и тут же узнав меня, замерли.

– Хао Лисёнок! – Приветливо улыбаясь, поздоровался я.

– Хао Горький Камень. – Успокаиваясь, поздоровалась она в ответ.

– А кто это с тобой. – Кивнул я пацана, который слегка спрятался за сестру и бросал из-за её плеча взгляды наполненные смесью страха и любопытства.

– Это, – она вытолкнула слегка упирающегося малого вперед – мой брат Белка.

– О-о, синяк под глазом, вижу, ты встречаешь врага лицом, а не спиной. Из тебя, со временем, вырастет знатный охотник. Чтож, хао и тебе Белка, брат Лисёнка.

– Хао Большой шаман Горький Камень. – Видно мои слова ему очень понравились, вон как сразу засмутился.

– Что же вы тут ребятки делаете?

– Мы... – Лисёнок на мгновенье замялась – хотели немного покушать.

– Чем же если, конечно, не секрет.

На секунду дети застыли и испуганно переглянулись, словно я мог отобрать их жалкие крохи, или... неужели с ними уже такое было?! Но потом, решившись, Лисёнок показала маленький кусочек мяса и пару каких-то растительных хвостиков, а брат давешние ракушки.

– Ну-у... – с сомнением протянул я – Разве будущему Великому Охотнику и будущей Красавице этого хватит? Давайте-ка вы съедите это потом, а сначала пойдём и съедим то, что есть у меня.

– Нет, нет!!! – в испуге замотала головой девочка – нам нельзя есть еду шамана, нам даже нельзя подходить к его костру.

– Это кто же вам такое сказал?

– Так всем говорит шаман Пёстрый Полоз.

– Что и кому говорит Пёстрый Полоз мне, собственно, чихать. Я Большой шаман Горький Камень и делаю то, что считаю нужным. Ясно!

Брат с сестрой быстро закивали головами. Ещё бы, спорить с таким грозным дядей...

– Но, сначала я вам покажу один тайный шаманский обряд. – Заговорщицким шепотом сообщил я им новость.

– Какой? – чуть ли не хором вырвалось у них.

– О-о, этот обряд называется «Умывание перед едой». Это очень важный и нужный обряд. Вот сегодня у меня есть еда, а значит, у меня была удачная охота, и когда я мою руки пе-

ред едой я делюсь частичкой своей удачи с водой. И вода, когда-нибудь, обязательно меня отблагодарит.

– А что надо делать? – ребяткам не терпелось приобщиться к такому полезному ритуалу.

– Ну, тут всё просто. Повторяйте за мной. Руки в воду трём вот так, так, а теперь лицо. Вот, вот, хорошо. Так, пожалуйста, достаточно.

Да-а уж, чувствуется сия процедура, у детишек не часто практикуется. От грязи, конечно, совсем не отмылись, но хотя бы размазали равномерно.

– За мной, мои юные друзья. – Скомандовал я и двинулся в сторону шалаша.

– Скажи Большой шаама...

– Стоп. – Остановил я начавшего говорить Белку – Давайте договоримся, что когда мы одни, называйте меня просто – дядя Пётр, а на людях Горький Камень. Ясно! – Кивают головой. – Ну тогда спрашивай.

– Скажи... дядя Пётр, а что надо говорить, когда делаешь «умывание перед едой»?

Вот чёрт – прокол! Это же шаманский ритуал, тут обязательно бубнить что-то нужно.

– Это не так важно. – С уверенным видом начал выкручиваться я – Тут главное, делать всё как можно чаще. Я вот, например, говорю «Вода, вода возьми моей удачи, поделись со мной твоей силой»

«Во я гоню... совсем ни какой совести, а впрочем хуже

не будет». Видно было, как дети активно шевелят губами, запоминая сокровенные слова. Тут мы и до лагеря пришли.

– Так, садитесь сюда. Супчик у нас готов, сейчас ещё мяско подогреем. – Засуетился я.

Брат с сестрой как сели, так и прикипели взглядом к котелку весящему над углями. Ждали они чудес в жилище шамана и вот оно... чудо! Я же, быстро начикал ножом прутиков, порезал мясо, нанизал и пристроил над углями. Видно, с каким восторгом смотрел Белка на мой нож. Его так и подмывало задать кучу вопросов. Впрочем, как и его сестру.

– Давайте-ка, ребятки, сначала поедим, а потом будем разговоры разговаривать.

Что сказать, столько они не ели, наверное, со смерти матери. А уж так и вовсе ни когда. Одна ложка чего стоит, с которой, впрочем, они быстро освоились. А супец со специями, а подсолненное мясо. Я боялся что, незнакомая пища может им прейти не по вкусу... ага, улетела в молодые желудки со свистом. Ребятки совсем расслабились, заулыбались. Ну, сейчас они мне подсыпят – чего, да почему?

– Дядя Пётр, можно тебя спросить? – Это Белка, наконец, насмелился. Я внутренне усмехнулся.

– Конечно, ведь я же обещал.

– А, правда, ты отрубил голову гиене одним ударом?

– Правда.

– А... можно посмотреть твоё большое копьё? – выпалил пацан и даже рот закрыл ладонями от собственной дерзости.

Сестра бросила испуганный взгляд на брата, а потом на меня.

– Почему нет? – развеял я их страхи – Отчего бы достойному юноше не подержать достойное оружие. Я достал Прелесть из шалаша и вручил ее, не верящему такому счастью малому. Он принял дрожащими ручками мою Прелесть и выпал из реальности.

– Ну, Лисёнок, а ты что хочешь посмотреть? – Подмигнув ей, спросил я. Мол давай, сегодня лавка чудес открыта.

– Дядя Пётр, что у тебя вот тут? – Она коснулась мочки уха.

«Ха, ну кто бы сомневался. Эх, женщины, что в веке двадцать первом, что в каменном веке, а суть ваша неизменна. И это правильно! И пусть так будет во веки вечные! Аминь»!

– Это называется – серьга. – Я употребил русское слово потому, что аналога в местном языке не существовало.

– Серьга. – Прилежно повторила девочка. – А для чего?

– Для красоты. – Ещё одно русское слово.

– А что такое «для красоты»?

– Для красоты, это значит – что бы было красиво. Вот когда по небу плывут большие облака – красиво. Когда утром встаёт солнце – красиво. Ты видела, как цветут цветы? Это и есть – красиво! В мире много красоты, но люди, иногда, стараются сделать его ещё красивее. Вот моя серьга – красиво! Или вот, твои глаза – очень красиво!

Лисёнок аж вся запунцовела!

– Нет, – замотала она головой – неправда. Все девочки говорят что, у меня плохие глаза, зеленые – как лягушка!

– Это они от зависти! Уж поверь мне, Большому шаману, что когда ты вырастишь, из-за твоих глаз многие и многие храбрые охотники потеряют покой и сон. Они будут приносить тебе много вкусного мяса, и одевать тебя в теплые меха.

– А серьга? У меня будет серьга?

– Конечно, обязательно будет.

Мечтательная улыбка бродила на губах девочки. «Ах, как хорошо будет, когда-нибудь, как хорошо. Не может же такой могучий шаман так ошибаться. Нет, ни как не может»!

– А скажи мне Лисёнок, где вы с братом спите?

Хлоп! И воздушные замки развеял суровый ветер. Взгляд сразу потух, плечики ссутулились. Опустив голову она, чуть слышно, пробормотала.

– Мы спим возле костра.

– Возле какого?

Неопределённое пожатие плечиками.

– А едите что?

Глава ещё ниже, и даже брат вышел из созерцательного состояния и с беспокойством стал прислушиваться к разговору.

– Нам дают. И ещё мы сами что-то находим.

В общем дальше состоялся весьма тяжелый разговор. В процессе его, вдруг, неожиданно для самого себя я сказал.

– Так ребятки, ну-ка, идите, поспите у меня в шалаше.

Мне нужно кое о чем подумать.

Не слушая вялых возражений, я содрал с них жалкие обноски и засунул обоих в спальник. Ужтеперь проверим утверждения производителей о том что, внутренняя поверхность спальника – натуральный шёлк! А на нем, как известно, вошки да блошки чувствуют себя отвратительно, а грязь, если что, мы всегда отстираем.

Немного повозившись, дети быстро уснули. Ещё бы, сытно, тепло, безопасно. Столько новых эмоций и впечатлений, предохранительная система моментально отключила сознание от реальности. Меня же одолевали невесёлые думки.

Ах, господин Экзюпери! Величайший мудрец, единственная фраза коего будет повесомей многих философских трактатов. Увы, безжалостный молох войны пожрал тебя, как и миллионы других, обычных, талантливых, гениальных. Но всё же ты успел сказать своё бессмертное – «Мы в ответе за тех, кого приручили»! И ни прибавить, ни убавить.

Я всегда чувствовал что, хотел больше одного ребёнка. И чем старше я становился, тем отчётливее это понимал. Сам не сподобился. Очень надеялся на сына. Вот бы наделал он мне внуков да внучек...а оно вон как вышло. И вот теперь эти дети. Рассудок говорит: ты старый дурень, одно дело подохнуть самому, и совсем другое – утянуть в могилу детей доверившись тебе. Любая твоя оплошность, любой несчастный случай, и всё... Выживать в каменном веке одному, это в принципе авантюра, а с детьми авантюра в тройне. Много

ещё чего говорит рассудок, умного и правильного. Сердце только одно – не бросай, и у тебя всё получится!

Порассказали они мне тут о своём житье-бытье. Дети и при матери, кроме неё конечно, ни кому небыли нужны, а после того как она умерла, просто чудом пережили зиму. Как только потеплело, охотник, у которого они жили с матерью, вышвырнул их на улицу. Дать бы за такое ему по голове, да боюсь, не поймёт за что. У нас и в двадцать первом веке детей на улицу выкидывают, а тут.... Вот и побираются они, от одного костра к другому. Одинокие, ни кому не нужные, чужие.

Я когда их раздел... мать моя, кожа да кости. Все признаки истощения. Им расти нужно, калории нужны. Ещё чуть-чуть и предел прочности организма будет преодолен, начнутся болезни, которые ещё сильнее ослабят их и всё.... Смогут ли они пережить следующую зиму, если не случится чудо. На чудо они, кстати, надеются. Мечтают, что на Большой Осенней Охоте повстречают людей своего племени, и они, высокие и рыжие, такие сильные и добрые, возьмут их к себе. Увы, доброта и щедрость, скорее всего, присутствовала лишь в рассказах матери. Именно поэтому так велико было разочарование Лисёнка, когда я сказал что, не из её племени. Чудане случилось.... Или случилось? Может быть, я и есть это чудо?

Лисёнок и Белка – два стойких оловянных солдатика, упрямо встречающие невзгоды жизни грудью. Лисёнок вме-

сте с другими девочками ходит собирать то, что даёт природа, грибы, ягоды, орехи, ловят ящериц и собирают яйца. Выкапывают из земли различные корешки. Весна совсем плохая пора, старого осталось совсем мало, новое ещё не выросло. Лисёнок копает землю плохеньким сучком, говорит, что лучше копать ракушкой, но они хрупкие, часто ломаются и режут ей руки. Иногда, если попадается что-нибудь приличное, старшие девочки вполне могут это отнять. Лисёнок ни когда не кричит и не плачет и всегда сопротивляется до конца. Брат тоже занимается собирательством, а ещё он собирает и приносит хворост к кострам, за это ему дают немного еды и пускают с сестрой переночевать возле огня. И однажды, вполне, может наскочить на рысь или росомаху, потому что, топливо вокруг стойбища быстро кончается и нужно уходить за ним всё дальше и дальше, а в ватагу его частенько не берут и он, на свой страх и риск идёт один. Ещё Белка иногда подворовывает еду, чего очень стыдится. Тумаков и шишек он огребаёт в двойне, так как не только постоянно отбивается от мальчишек сам, но и пытается защищать сестру. Он боец, но откуда взять силы, если ты ешь мало и нечасто.

Так что же их ждёт? Ужели счастье впереди?! Может стоит рискнуть, нам, троем чужакам, наперекор всему миру?!

Я всегда восхищался фразой мудрых латинян – «Делай что должно – случится чему суждено»!

Нечасто в моей, можно уже сказать, другой жизни, я в состоянии был следовать этому принципу. Иногда из страха,

иногда из корысти, иногда из лени. Может быть, пришло время отбросить сомнения и следовать зову сердца. Сделать что должно, чтобы случилось чему суждено!

За размышлениями незаметил, как подошел Хатак. Вот его небыло, и вот он уже под носом сидит. Не хорошо так сосредотачиваться, за потерю бдительности тут и сожрать могут.

– Хатак, мне нужны шкуры. – Ошарашил я его с ходу. – Если я дам тебе маленькое копье, то на что, я могу рассчитывать.

– Зачем тебе шкуры? – удивился охотник – У тебя хорошая одежда, а до зимы ещё далеко.

– Это я не для себя.

– А для кого?

Я кивнул на шалаш. Хатак поднялся, заглянул, потом снова сел, долго и задумчиво посмотрел на меня.

– Эти дети, Пётр, в своей недолгой жизни не видели ни чего хорошего. Они словно колючка, прицепятся к первому, кто погладит их по голове. Именно поэтому этих детей ни кто старается не привечать. Думаешь тут их ни кому не жалко? Думаешь, мне их не жалко? Но два лишних рта, Пётр! Бывали зимы, когда совсем ослабшие старики брали на руки самых маленьких детей и уходили в степь. Что бы остальные выжили! Я это видел, Пётр! Сейчас ты их накормил, пригрел, хочешь дать новую одежду, а потом ты уйдёшь.... Что будет с ними, Пётр?

– Они просто уйдут со мной, Хатак.

– Пф-ф. – Фыркнул Хатак – Ты, конечно, могучий шаман Горький Камень, но я наблюдал за тобой, охотник из тебя, э-э... – он слегка замялся.

– Не стесняйся Хатак. Охотник из меня плохой? Очень плохой? Или скажем как есть – дерьмовый!

Дед слегка стушевался от таких слов, чтоб кто-то сам себя не побоялся признать «дерьмовым охотником» он за всю свою долгую жизнь не видывал.

– Всё правильно, всё так и есть, – продолжил я – но скажи мне, старый и опытный охотник, как при таком изобилии живности, вы умудряетесь голодать? Небо темнеет от птицы, в реке рыбы столько, что можно по спинам ходить, по степи бескрайние стада бродят, а вы с голоду дохните! Это не в упрёк вам, Хатак. Просто вы не знаете, как можно жить по-другому. А я знаю. И если нам, с ребятами, будет немного удачи, поверь Хатак, всё у нас будет хорошо!

После столь эмоциональных высказываний, повисла молчаливая пауза. Мы сидели и наблюдали, как на углях пляшут маленькие язычки пламени. Наконец Хатак заговорил.

– Не так давно, мне казалось, что за свою долгую жизнь я видел так много, что, наверное, видел всё. А потом я встретил тебя... и понял что, я не видел очень многого. Чудесное оружие, чудесная одежда, вещи, странные и не понятные, новые слова, которые ты иногда произносишь. Ты не боишься жить один и даже собираешься прокормиться сам и про-

кормить двоих детей, хотя признаёшься что, совсем плохой охотник. Ты говоришь, что можешь делать разные вещи, которых ни кто не может делать....

– И тут – он положил руку себе на грудь– где, казалось, остались лишь угли от того жара что, гнал меня всю жизнь, всё вперёд и вперёд, снова горит огонь....

– Так в чём же дело, Хатак, пойдём со мной. И многое, о чём я тебе рассказывал, ты увидишь собственными глазами.

Он долго и пристально смотрел на меня, а потом поднялся и ушел... так и не проронив ни одного слова.

Когда дети проснулись, до вечера оставалась ещё куча времени, и поэтому я решил что, неплохо бы наловить рыбки на ужин. Быстро собравшись, мы отправились к реке. Есть тут одно местечко, очень перспективное, недалеко от моего лагеря. Обрывистый берег, стремнина уходит в сторону, огромное пятно медленно вращающейся воды – все признаки глубокой ямы.

Найдя удобный спуск к воде, я настроил свою закидушку.

– Дядя Пётр, а что это такое? – Тут же влез любопытный Белка.

– Это, Белка, правильная снасть. Запомни боец – чем лучше и правильной снасть, тем больше твоя охотничья удача.

– А что такое – боец?

– Не что, а кто! Боец – это тот, кто слушает умного дядю и делает то, что он говорит. Он многое умеет и потому много работает. От этого у него здоровый сон, отличный аппетит и

бывает ему счастье. Хочешь быть бойцом?

Ну, ещё бы Белке не хотелось. Правда на сон и особенно аппетит он и так не жаловался, а вот счастье ему бы не помешало.

– Ну что, боец, готов пожертвовать ценные ракушки на общее дело?

– Ага. – пацан без сожаления достал из-за пазухи две ракушки.

– Тэ-экс, теперь смотрим и запоминаем. Берём ракушку, разбиваем, и нанизываем на крючок. Крючок – это вот такая, очень ценная штука, с ним нужно быть очень осторожным, он очень острый. Теперь размахиваемся и... эх, закидываем. Закрываем на катушке дужку. И ждём.

– Сейчас и проверим, как нас отблагодарит вода, чем с нами поделится?

– Дядя, Пётр, а можно я тоже буду боец? – это Лисёнок.

– Ну-у... не-ет, бойцом у нас будут только мужчины, а ты, будешь кудесница!

– А кто такая – кудесница?

– Это та, кто делает разные, красивые и удивительные вещи.

– Как серьга?

– Вроде того.

– А... я ничего не умею – расстроено заявила девочка.

– А я тебя научу – я ей весело подмигнул.

И тут, леска медленно, но уверенно начала натягиваться.

Я до сих пор всё не привыкну, как шустро здесь клюёт рыба. Казалось, и пары минут не прошло.

После резкой подсечки, я понял что, попалась нечто весьма увесистое. Ну, дык, ракушка для сома самое оно. Каково же было моё удивление, когда после существенных усилий я выволок на берег рыбу килограмма на четыре, явно имеющую отношение к осетровым. Толи такая крупная стерлядка, толи мелкий осётрик. Ай, спасибо, речка! Ай, уважила! Так и самому недолго поверить в то, что я тут детишкам плету.

– Ух ты какая! Ух, ты! – от возбуждения Белка не мог усидеть на месте. – Сестрица, ты видела, чего поймал дядя Пётр на мою ракушку.

– Так, боец, прекрати скакать! Иди сюда, сейчас ты будешь ловить. Помнишь, как я делал?

Я заставил его проделать всё манипуляции, под своим чутким руководством естественно, и даже позволил закинуть снасть в воду. Кинул он, конечно, не так далеко как я, но вполне приемлемо.

Не успели мы присесть, как леска натянулась снова. У нас, у рыбаков, это называется – в рот попал.

– Тяни – скомандовал я пацану и... началась эпическая битва. Белка тянет рыбу на берег, рыба тянет Белку в воду.

– Сам! Сам! – подбадривал я его – Давай боец, ты справишься!

– Тяни братец, тяни! – подпрыгивая и хлопая в ладоши, кричала Лисёнок.

Когда на берег вытянули, чуть-чуть помог в самом конце, ещё одну стерлядку, да кабы не побольше чем первую, Белка обессилено привалился к берегу. Он был бледен, его слегка потряхивало, Уж что такое адреналиновый шторм в крови, после поимки крупной рыбы, я прекрасно знаю. Лисёнок прижимала к себе брата и гладила его по голове.

– Ты молодец, молодец, – говорила она – ты настоящий охотник!

– Я поймал её? – потрясённо спросил Белка.

– Конечно ты! – заверила его сестра – Теперь ты настоящий охотник!

В лагерь возвращались шумно и весело. Пришедший в себя Белка, подпрыгивая и размахивая руками, рассказывал как он боролся с рыбой, и всё время пытался помочь мне её нести, то и дело хватая руками за хвост. А Лисёнок всё повторяла «молодец, молодец». В лагере они резко притихли. Возле костра, на большой связке шкур, сидел Хатак.

– О-о, гость вдом – радость в дом. Смотри, что сегодня у нас на ужин. – Потрясая рыбой, весело приветствовал его я.

– Удачно, удачно – кивая головой, улыбнулся Хатак. – Но ты не забыл, нам скоро идти на Большой Костёр?

– Не на столько скоро, что бы не съесть по большому, жареному куску, этой чудесной рыбы.

Когда процесс приготовления шел полным ходом, Хатак сказал.

– Это – он похлопал по объёмному тюку со шкурами – я принёс тебе. Вот смотри – он раскатал принесённое «богасьтво» у моих ног.

Да уж! Пара десятков шкурок зайца, с десятков лисьих, две больших волчьих шкуры, а ещё несколько шкур, наверное, от сурка. И все шкуры зимние, некоторые вполне приличной выделки, что сильно меня удивило. И это только мелочь. Были ещё две шкуры косули, лохматая, большая и тяжелая шкура от быка или бизона и две, очень качественных шкуры, от дикой лошади. В светло серую полоску. Не зебра, конечно, но тоже прикольно. И ещё большой кусок, напоминающий сыромятную кожу. И это на много, на много больше чем я рассчитывал.

Я молча поднялся, и принёс из шалаша тул с дротиками.

– Возьми Хатак, это теперь твоё.

Хатак было дёрнулся, в глазах промелькнула радость... потом он опустил голову и глухо пробормотал.

– Нет. Это – он обвёл рукой шкуры – намного меньше маленьких копий. Да, намного.

«Ого – промелькнуло у меня в голове – вот это тут расщепочки»!

– Не дури старый, – я всунул дротики ему в руки – Такого добра я сделаю ещё. Это я как раз то умею, а вот выделять шкуры знаю только, э-э-э... – я ни как не мог подобрать замену слова «теоретически» – только видел, как делают другие, короче. Ты очень меня выручил, мой друг.

Видно, что Хатак был очень доволен. Он попробовал пальцем остроту наконечников, ласкал ладонью ровное и гладкое древко, ловил баланс.

– Этим, да, именно этим, как ты говоришь – «дротиком», я убил гиену в глаз.

– Это был великолепный бросок Хатак! Тут мне до тебя далеко.

– Хе-хе, тут многим и по моложе тебя в этом со мной не сравняться!

– Но скажи, мой друг, откуда у тебя столько шкур?

– За долгую жизнь старый Хатак много где побывал, много чему научился. Не у одного тебя, Пётр, руки из правильного места растут. Много кому чего я сделал хорошего, опять же охотничья удача всё ещё не покинула меня. Теперь пришел к людям, попросил, и они дали то, что мне нужно. А потом я принёс это тебе. Всё просто.

– Но тогда получается, что ты всё отдал мне? Тебе бы и самому не мешало обновить прикид – вырвалось у меня.

– Прикид? – поднял брови Хатак.

– Ну-у, это – я ткнул пальцем в его потрёпанные меха.

– А-а, это... прикид, интересное слово. Я, Пётр, надеюсь что, когда-нибудь и у меня будет такой же прикид – и он ткнул пальцем в мой камуфляж.

– Как?!!

– Я иду с тобой. – Спокойно, с невозмутимым лицом, ответил Хатак.

Где-то, в глубине души, я надеялся что, рано или поздно, старый ходок за неведомым, поведётся на мои посылы. Ну, не мог такой человек пропустить такое приключение, не та порода. Для меня его согласие, «настоящий рояль попаданца» И всё равно неожиданно.

– Хатак, дружище, я чертовски рад! Теперь-то мы точно не пропадём. Ты да я, мы такого наворочаем! Нам нужно о многом поговорить, теперь, когда ты со мной, я раскрою тебе кое какие секреты.

– Постой Пётр, я очень хочу узнать твои секреты, но сначала сходим к Большому Костру.

– Да что они теперь нам, Хатак, пусть они решают свои проблемы, а мы, будем решать свои.

– Нет. На прощанье я хотел бы задать и вождю и шаману несколько вопросов и послушать на них ответы. Да и лично порадовать их надо, у них сегодня праздник – я наконец-то ухожу из племени. А тут ещё и ты, не собираешься оставаться. Я даже представить не могу, сколько отдал бы Пестрый Полоз, что бы не пустить тебя в племя.

– Много бы отдал, говоришь, – я улыбнулся промелькнувшей у меня идеи – чтож, тогда давай посетим этот Бредлам, и наведём там шороху.

– Бредлам? Опять эти твои шаманские словечки? – поднимаясь, беззлобно проворчал Хатак.

Большой Костёр оказался не таким уж и большим. Ско-

рее это было статусным понятием. Располагались граждане племени Правильных Людей вполне традиционно. В первом кругу – вождь со товарищи, шаман со своими прилипалами и самые авторитетные охотники, второй круг – все остальные мужики. Женщины тоже присутствовали, но находились за спинами охотников. Ну, и конечно пацанва, греющая уши и постоянно пытающаяся прошмыгнуть поближе к центру событий, и постоянно огребающая подзатыльники.

Повестка дня – Возвращение Хатака и, что с этим делать? На разогреве выступил Острый Рог.

Начал он с того, что Хатак, конечно, очень опытный и уважаемый охотник, много сделавший для племени. Опять же, возвращение большей части охотников живыми это, несомненно, и его заслуга, но... ах, уж это но.

Очень уж странный Длиннолапый напал на охотников. Такого поведения зверя ни кто и ни когда не слышал и не видел. Возможно, это был злобный дух, и он не просто так напал на Хатака? И может быть, Хатаку было суждено погибнуть, но его спас Большой шаман Горький Камень, кстати, насколько большой шаман Горький Камень, нужно будет посмотреть. А вдруг, злобный дух снова придёт за Хатаком, а придя за ним, не принесёт ли заодно ужасные горести и страдания всему племени? По поводу духовной и мистической составляющей попрошу высказаться авторитетного шамана Пёстрога Полоза.

Вот так! Мне, значит, проверку на проф пригодность. Ха-

так, как бы уже приволок за собой всемирное зло, другие действующие лица ловко убраны за скобки. Да и что, за свидетели. Молодой – считай пацан. Первый и Второй – не бе, не ме, и только Батор мог сказать что-то умное, но он хоть и чувствует себя получше, всё равно ещё очень слаб.

Сейчас Полоз подгонит пару нужных пророчеств, и всё... летите белыми лебедями, товарищи Хатак и Горький Камень. Неплохо подготовились, ловко ни чего не скажешь!

Мы и сами уйдём. Но малину я вам подпорчу! Уж не вам, граждане неандертальцы, тягаться с человеком двадцать первого века в словесном цинизме и жонглировании фактами.

Пёстрый Полоз все мои надежды оправдал полностью.

Предварительно, побившись головой о бубен, немного покатался по земле, слегка пустил пену изо рта. Представление так себе, на три с плюсиком. Наконец, усевшись на пятки, Полоз уставился выпученным взглядом куда-то в пространство.

– Вижу! – замогильным голосом просипел шаман.

«Да уж, оригинальное начало».

– Вижу! Он идёт! – ткнул пальцем в темноту Пёстрый Полоз. – Идёт!

Некоторые особо нервные за озирались.

– Дух, да! Злой дух! Крови хочет! Да, крррови! – завыл шаман, упал, пару раз дёрнулся и затих. Тут же выскочили помощники, подхватили его под микитки, и отнесли на по-

чётное место. Всунули в руки плошку с какой-то жижкой и почтительно стали поддерживать, якобы, ослабевшего шамана.

И что, и это всё? Никакой конкретики? Кто-то, куда-то идёт и хочет крови? А впрочем, судя по косым взглядам бросаемых охотниками на Хатака, большего и не надо. Сами додумают различные страсти, а если что, шаман всегда отпрётся, мол, что вы, я ни чего подобного сроду не говорил. Ловко, ловко.

На Хатака же, как и на некоторых охотников, не больше десятка, показательное выступление Полоза произвело около нулевое впечатление.

– Скажи мне, Пёстрый Полоз, твоё предсказание такое же точное, как и то, в котором мы все погибли?

– Моё предсказание было точным до тех пор, пока не вмешался Горький Камень. Или ты будешь отрицать, что если бы не он, ваши кости давно белели в степи?

«Ты смотри, как вывернулся, сучёнышь»!

– Я этого и не говорю. Но тогда получается, Горький Камень шаман более сильный, чем ты?

– Даже слабый шаман может исказить пророчество, если вмешается со стороны. – Нравоучительным тоном, как маленькому, ответил Полоз.

«Ещё очко».

– Хорошо. – не сдавался Хатак. – Тогда я спрошу тебя, Острый Рог. Как получилось что, не пришли обещанные то-

бой охотники? Может быть, тогда и не напал на нас Длиннолапый. Рука руки (25) охотников, даже для духа много.

– Когда я уже собрался отослать к тебе охотников, Хатак, – неспешно и уверенно начал вождь – прибежали Хромой Заяц, Дуб и Мокрый нос. Они принесли тревожные вести. Они ходили в сухую балку, и обнаружили следы чужих людей. Подтверди Хромой Заяц!

– Да, да – из окружающих вождя охотников слегка выступил вперёд один из них. Мужик как мужик, без особых отличий. – Много следов чужих людей. Дуб и Мокрый Нос тоже их видели.

– Тогда я послал туда охотников, что бы посмотрели, кто ходит возле нашего стойбища. Когда, через два восхода так ни кто и не появился, я снова хотел отправить к тебелюдей Хатак, но мы опять нашли следы чужих. В этот раз уже со стороны большой заводи. Я не мог рисковать всем племенем ради нескольких человек. Или ты считаешь, что ты важнее, чем всё племя?

– Нет, Острый Рог, я так не считаю. Но дай угадаю, следы снова нашел Хромой Заяц?

– Ты не доверяешь Хромому Зайцу?

– Я даже себе не доверяю – мрачно пробурчал Хатак – пусть Заяц расскажет, как выглядели следы?

Дальше началась специфическая дискуссия, но по довольной ухмылке вождя и маслянно прищуренным глазкам шамана, и тут они плотно прикрылись. Ничего здесь Хатаку не

светит. Чтож, найду и я с мистической карты.

– Однажды – спокойным и ровным голосом вклинился я в маленькую паузу среди спорщиков – жила-была баба.

Все резко заткнулись и уставились на меня так, будто и правда камень заговорил.

И была эта баба глупой, да. Красивой, но глупой. Пошли как-то женщины в лес собирать ягоды. И нашла та баба поляну полную больших и вкусных ягод. «Ах какие ягоды – подумала она – не хочу чтобы остальные их тоже тут собирали. Я сама всё соберу. Все будут хвалить меня, мой мужчина приласкает меня». И как закричит глупая баба – волки, волки. Спасайтесь, волки! Все бросились бежать. Крики, визги. Бабе очень понравилось, так весело. Пришла она обратно с ягодами, а на неё смотрят и говорят – А мы думали, тебя волки съели. Нет – говорит – показалось мне. Небыло волков. Другой раз пошли всё за орехами. Глупая баба возьми и снова пошути. Волки – кричит – волки! И опять весело. Женщины убегают, охотники прибегают. Где – спрашивают – волки. А она в ответ –нету волков, показалось мне. Дали охотники ей тумачков, да не впрок они оказались. Ещё раз пошутила глупая баба. И ещё раз. А потом, отошла она как-то раз за кустики, а там волк! Помогите – кричит – помогите, волк!

Опять эта дура – подумали все. – Снова ей волки мерещатся.

Так и сожрал волк глупую бабу в двух шагах от стойбища.

Возле костра воцарилась гробовая тишина. Вот она сила литературного искусства. Чую, на одних притчах да баснях тут жить можно припеваючи.

– Помните люди – добавил я эффекта – духи ревнивы. Показалось тебе что-то раз, показалось другой, а на третий раз они и в правду пришлют то, что тебе кажется. А ещё могут приползти ночью, большой сколопендрой, заползти в ухо и съесть глаза, что бы меньше казалось, или язык, чтоб не говорил то, чего не видел.

Мать честная! Бедный Заяц прибывал в полуобморочном состоянии. Да и вождь с лица заметно сбледнул. Эх я их застращал.

Но Пёстрый Полоз, почувствовав, что союзник разгромлен и в панике отступает, кинулся его прикрывать.

– Мудро, мудро – покивал он головой словно болванчик – Горький Камень мастер говорить слова. Может быть, он покажет нам ещё, что-нибудь из своего умения.

– Отчегош не показать – я уже давно держал в зажатом кулаке зажигалку, с передвинутым на максимум регулятором. В полутьме её совершенно не было видно – Смотри! Я чиркнул колёсико и... Ааа-х!!! Исторгла из себя толпа. Все, на-верное, слышали что, я такое могу, но увидеть самим. Это шок! Из моего кулака вырвался язычок пламени сантиметра четыре. Немного подержав его так, что бы все насладились этим зрелищем, я отключил зажигалку.

– Ну, вот так как-то. А теперь и ты мне покажи, шаманство

не хуже моего, Полоз. И не говори что, мол, луна не в той фазе или погода не лётная. Сегодняшняя ночь прямо создана для волшебства.

Полозу было не хорошо. Он вдруг понял что, ввязался в противостояние не в своей весовой категории.

– Я могу вызвать духа большого зверя – глухо проронил шаман.

– Сделай милость – приглашающе кивнул я головой.

Пёстрый Полоз тяжело поднялся, и кинул на меня взгляд полный злобы. Хлебнув из плошки своего зелья, он приступил к процессу вызывания духа.

Пять минут вялого брэйк-данса, совершенно без огонька, несколько не членораздельных завываний, выпученные глаза... короче, стандартный набор. Остановившись и устало дыша, он указал пальцем в темноту и нагло заявил.

– Там! Да, там! За холмом, стоит дух Полосатого кота. Я не стал приводить его сюда, чтобы он не набросился на людей! Но если хочешь, то ты можешь сходить и посмотреть на него, Горький Камень, если не боишься, конечно!

«Ну, да, сейчас побегу! Молод ты ещё, меня на слабо разводить!»

– Верю тебе Полоз, верю! Я его и сам, прям отсюда чувствую. Я, знаешь-ли, тоже большой мастер по вызыванию духов. Но вызывать простых духов мне уже давно не интересно. Вызову я пожалуй духа Каменной Змеи. Она самая смиренная, так, задушит одного, другого но, не больше.

Эх, что тут началось! Почти все бабы и дети с криком разбежались, кое-кто из охотников тоже. Остальные стали просить не вызывать столь страшного духа, даже Хатака проняло.

– Пётр! Не надо Каменной Змеи – с тревогой на лице попросил он.

– Тихо! – заорал я – Тихо, я сказал!

Все тут же заткнулись, с опаской глядя на меня, не зная чего ещё ждать от этого приبلудного шамана. Расставив руки на ширине плеч, с раскрытыми ладонями, я закрыл глаза и «потусторонним» голосом сообщил притихшим охотникам.

– Сейчас со мной говорит дух Полосатого кота вызванного Пёстрым Полозом. Он говорит.

«Злой дух Длиннолапого придёт за Хатаком. Поэтому, чтобы не пострадало всё племя, он должен уйти! Но нельзя Хатаку уйти просто так. Слишком долго он живёт в племени. Здесь везде его следы, его запах, со всеми с кем он говорил, до кого дотрагивался, носят его метку. Злой дух видит эту метку и может вредить этим людям. – Послышался ропот – Тихо, я сказал! Полосатый Кот говорит!

Но можно отвести беду! Племя должно дать Большому шаману, которого привёл Хатак, две руки котомок с камнем его силы – горьким камнем. Он соберет, в них все следы Хатака и уйдёт вместе с ним. Так племя будет очищено. Я сказал!»

Я открыл глаза. На лицах охотников читалось явное облегчение. Довольны были и шаман с вождём. Так или иначе, но они добились своего. А две руки горького камня вопрос решаемый. И лишь Хатак был мрачен. Нужно срочно успокоить старика. Я встал и сказал.

– Общение с духами утомили меня. Завтра вождь скажет, как и когда я получу свои камни. Камни должны быть как можно крупнее, а песка и земли как можно меньше. Старайтесь охотники, потому что, это нужно вам, а не мне. Пойдём Хатак.

Немного отойдя в сторону, дед хотел начать разговор, но я приложил палец к губам. Только усевшись у костра, который не потух, а вполне бодренько потрескивал, я весело подмигнул Хатаку и сказал.

– Что-то ты старый какой-то грустный? Всё прошло просто отлично!

– Куда уж, отлично. Если за мной идёт дух Длиннолапого! – Проворчал Хатак.

– Эх, Хатак, Хатак – столько прожил на свете и в сказки веришь. Нет ни какого духа, нет ни какого пророчества. У вас на глазах, два хитропопых шамана пытались надурить друг друга, я оказался хитропопей.

– Но ты же сам признал что, Полоз вызвал духа?

– Хатак! Полоз СКАЗАЛ что, вызвал духа. КТО пойдёт проверить так ли это. Ночью в степь, куда-то туда?! На этом строится всё колдовство Полоза. Я же воспользовался этим

и поговорил с «духом» так как мне нужно.

– Тогда получается что, он мог сказать, что ты не можешь говорить с духами.

– Старый, ты же умный человек! Тогда ему нужно было бы признать что, ни какого духа он не вызывал. Уж не сомневайся, вывернуться я бы ему не дал. Враньё в таком деле, это палка о двух концах. Шаман и вождь хотели выкинуть тебя как облезлую шкуру. Да ещё и тумачков отвесить, при удачном раскладе. Вряд ли они знали о наших планах. А мне, то есть нам, очень нужна соль. Поэтому я и поговорил с духом так, что они не только отдадут мне соль, но ещё и рады будут.

– Соль?

– Так у нас называют горький камень.

– Он и вправду камень твоей силы?

– И он, и ещё много разных камней. Надеюсь, тебе ещё многое предстоит узнать и увидеть.

– Значит, ни какого духа Длиннолапного нет? – ещё раз уточнил заметно повеселевший Хатак.

– Слушай, старый, иди уже отсюда спать, а? Завтра столько дел нужно сделать, а ты всё ни как со своим духом не угомонишься. С утра приходи, есть серьёзный разговор.

Как только Хатак ушел, я повернулся в сторону шалаша.

– Ну, давайте вылазте!

Из-за шалаша показались две фигурки и не смело приблизились ко мне. Судя по мордашкам, недавно давали приличного рёву.

– Дядя Пётр, ты правда уходишь из племени! – начала Лисёнок, прижимая кулачки к груди.

– Правда.

– А как же – воскликнула она, но не договорила. Глаза наполнились слезами, готовыми рухнуть обильным потоком.

– Так, ну-ка без сырости мне тут. Садитесь, будем серьёзно говорить. – Когда они уселись, я продолжил. – Мне вы всегда должны говорить правду. Это понятно. – Мелко-мелко кивают головами – Хорошо. Ты Белка был у костра? Всё слышал? Про духа Длиннолапого, про Полосатого кота? И как?

– Страшно! – Белка поежился – Особенно про Каменную Змею.

– Всё сестре рассказал? – снова кивок – Тут тоже всё слышали? Поняли хоть что ни будь?

– Пёстрый Полоз хотел тебя обмануть, но ты, могучий шаман, и сам обманул его.

– Верно. Нет ни каких духов, Длиннолапого, Полосатого или ещё какого.

– А... как же дух воды? – робко спросила девочка.

– Дух воды? – я на секунду задумался. Если злобный дух конкретного животного в картине мира, как я его понимаю, был лишним, то соборное понятие духа воды, огня, воздуха ну, и так далее, были не только полезны, но и жизненно необходимы. – Дух воды есть, но об этом мы поговорим потом. Итак, я и дед Хатак уходим из племени не от того что, за

нами кто-то гонится, а потому что, жить мы будем по-другому. Не так как вы привыкли. Мы будем много трудиться, делать совсем непонятные вам вещи. Если случится беда, нам никто не сможет помочь, потому что, никого рядом не будет.

– Мы согласны, согласны! – закричали дети – Дядя Пётр, возьми нас с собой!

– А слушаться меня будете? – я специально нахмурил брови.

– Будем, будем!

– И всё делать, как я скажу?

– Да, да!

– Ну ладно, – я широко расставил руки – тогда идите ко мне.

Долго их просить не пришлось, тут же подскочили, прижались ко мне худенькими телами, обхватили тоненькими ручонками.

Вот и ещё на два человечка подросло твоё племя Пётр Алексеич. Эх, помыть бы вас, да где тут, вода холодная, в котелке не накупаешься. Ну, ничё, даст бог всё будет, и баня в том числе.

Сутра, чуть свет, припёрся Хатак и начал шуршать возле костра. Пришлось вылезать из-под тёплой бизоньей шкуры. Во вещь, куда там всяким синтепоновым одеялам. Брат с сестрой тихо сопели в спальнике.

– Хао Хатак!

– Хао Пётр! Сегодня охотники, когда солнце станет высоко, отправятся за горьким камнем. – Начал делится новостями дед, пока я пригораживал котелок с варёной стерлядкой (изумительная вещь) чтобы подогреть. – Вождь сам поведёт людей. Я пойду на охоту, нужно добыть мяса. Опробую твои дротики, нужно омочить в крови ещё один.

– Постой старый, не спеши. Сначала нужно серьёзно поговорить.

Хатак изобразил на лице внимание.

– Ты собираешься идти со мной, и я очень рад этому. Но прошу, подумай ещё раз. Всё что я буду делать, будет тебе незнакомо, непонятно. Ходить на охоту мы будем редко. Мы не будем валяться на шкурах, от одной удачной охоты до другой. Всю свою долгую жизнь ты жил совсем не так. Ты начнёшь злиться, раздражатся, не дай духи, мы начнём ссориться. Это погубит нас. Подумай ещё раз, потом пути назад не будет.

– А как же пророчество? – прищурив глаз, поинтересовался дед.

– Хатак! После того как я получу соль, я такого наплету, такой обряд очищения забабахая, тебя обратно с песнями и плясками примут. Конечно ни вождь, ни шаман рады не будут, но за остальных я тебе ручаюсь.

– Да-а, интересно было бы на это поглядеть. – Мечтательно протянул Хатак – Но нет, Пётр, нет. Для того я и иду за тобой чтобы успеть пожить так, как ни жил никогда раньше.

И не волнуйся, я буду делать всё, что ты скажешь, и как скажешь. В твоём племени и вождь, и шаман – ты.

– Чтож, отлично! А ты, Хатак будешь – Главным Охотником.

– Главный Охотник? – Хатак почмокал губами – Неплохо!

– Ну раз с должностями разобрались, слушай что мне надо.

Дальше я принялся объяснять все требования к месту будущего проживания. Чтоб река рядом, чтоб лес недалеко, ручей или маленькая речка под боком, чтоб место было как-то изолировано естественными преградами, и чтоб земля была жирной. Особо озадачили старого охотника требования к земле, всё никак не мог понять, зачем это мне. «Надо, Хатак, надо. Потом увидишь!» Что самое удивительное, Хатак размышлял совсем недолго.

– Есть такое место, Пётр. Очень похожее на то, что ты хочешь. Если двигаться вниз по течению вдоль реки, за пять дней дойдём.

– А если напрямик?

– За три, но напрямик опасней, особенно с детьми.

Так-так, – размышлял я – сходить и предварительно посмотреть место нереально. Туда-сюда, уже шесть дней. А ещё необходимо вернуться за вещами, в лучшем случаи, это неделя. Итого – две недели! Много, очень много. Как только мне передадут соль, племя вполне может сняться и уйти, от греха подальше, и дети останутся без прикрытия. А таскать

их за собой, вариант ещё хуже.

– Значит так, поступим следующим образом. Пойдём с охотниками до брода, где мы встретились, дальше они своей дорогой, а мы, сходим в одно место. Заберём вещи, которые делает мой народ. Потом потихоньку будем двигаться в сторону стойбища. Скажи, Молодой идёт за солью?

– Нет, Острый Рог не хочет рисковать и брать с собой тех, кто встречался с Длиннолапым.

– Очень хорошо. Приведи его сюда. И собирайся в дорогу. Только Хатак ушел, из шалаша выползли дети.

– Ага, засони, ну-ка быстро приступаем к обряду «умывание перед едой» и завтракаем.

Не успели мы доесть, как появились гости. И совсем не те, которых я ждал. Пятеро охотников ничем, на первый взгляд, друг от друга сильно не отличающиеся, единственно охотник возглавляющий процессию был повыше и помощнее. Судя по испуганным мордашкам детей, пришел товарищ хорошо им знакомый. Уж не бывший ли папаша пожаловал в гости. Оказалось, ... угадал!

– Я, Кулик – даже не поздоровавшись, начал он – Ты забрал моих детей.

Вот как так, ни телевидения, ни радио, ни телефонов, а только я вчера ночью озвучил своё решение, сегодня сутра уже все в курсе. Следят они за мной что ли?

– И... – Поторопил я его.

– Ты должен за это мне что-то дать.

Мне даже интересно стало, что он попросит.

– Ну...!

– Я хочу Большое Копьё!

Вот это заява! Да он дурак, поди! Надо же, мою Прелесть ему отдай! А ведь вот та пара рож точно возле вождя ошивалась. Уж не он ли надумил придурочного Кулика проверить меня на вшивость. А что, это в колдовстве он великий и ужасный, а дай в глаз, глядишь и попроче станет. Вот и группу поддержки предоставил.

– Этих детей, ты, Кулик, вышвырнул на улицу, где они погибались от холода и голода. Ты им никто! И для тебя у меня есть чудесное предложение. Ты прямо сейчас забираешь своих друзей и быстро- быстро идёшь в сторону стойбища. И я делаю вид, что тебя здесь не было.

– Если ты не отдашь Большое Копьё, я сам заберу его!

– Ты такой отважный Кулик – я даже удивился – не боишься меня, Большого шамана?

– Когда горит дневное око сила шаманов совсем слабая. Сейчас не ночь и твоё могучее колдовство не действует.

– Это кто-ж тебе такое сказал?

– Шаман Пёстрый Полоз, уж он-то точно знает.

– Ах, вот откуда ветер дует. Ну ничего, для тебя у меня есть особое, дневное колдовство, «Рукопашный бой» называется. Ща покажу!

И прекращая пустые разговоры, резко подскочил к Кулику. Классическая двойка подбородок – печень и Кулик ку-

лем падает на землю. Ещё никто ни чего не успел понять, а я бью ещё одного ногой «в душу» – только онучи в воздухе мелькнули. Следующий среагировать успел, да только кто так замахивается? Нырок под руку, снова печень и добивающий коленом в голову. Последнего, кинувшегося на меня, банально подхватил на «мельницу» и шмякнул о землю. Самый последний, оказался самым трусливым, или самым умным. В драку не полез, но и сбежать не успел. Хотел, да я как заору «Стоять! Бояться!», он и замер как кролик перед удавом.

Вот так-то! Помнят руки, помнят! С первого класса до самой армии в Дзю-до проходил, а после армии ещё двадцать лет, пока реконструкцией не увлёкся, рукопашкой занимался. И сына приохотил.

Так что, ничего удивительного и сверх возможного я не показал. С кем посерьёзней так ловко не получится, а на этих увальней вполне достаточно.

– Значит так! – оглядывая распростёртые и постанывающие тела, но тихонько так, чтоб не тревожить меня громкими звуками. – Ты, Кулик, принесёшь мне три шкуры, Вы, не знаю как вас там, принесёте по две. Ты, что в драку не полез, как самый сообразительный принесёшь одну.

– А можно, как самому сообразительному совсем шкуру не приносить – робко предложил он.

– Ого, да ты парень хват. – Я посмотрел на него другими глазами. Совсем молодой, крепкий, мускулистая сухая фигу-

ра, видать и ловок и силёнка есть. Бородёнка конечно так себе, одно название, но черты лица правильные, глаза живые умные. Видно, что побаивается меня, но и достоинство не теряет. Что-то не вписывается он, ни как, в эту кампанию.

– Ладно, объясняю, мне не трудно. Что со мной связываться не стоит, сообразил – молодец, хвалю! А что, связался с дурной кампанией – не сообразил. За это и принесёшь шкуру.

– Так, внимательно слушаем дальше. Шкуры должны быть новые, не рваные, не вонючие, большие. Лошадь, бык, бизон, можно хорошо выделанную кожу. Можно волка или лису, но за одну большую шкуру три волка или десять лис. – Понятно что, все цифры я дублировал на пальцах. – Шкуры должны быть у меня до того как охотники отправятся за горьким камнем. Если кто-то не принесёт то, что я сказал, я даже колдовать не буду, а возьму Большое Копьё и отсеку ваши дурные головы, как отсёк её гиене. Понято! – Дождавшись нестройного, но внятного согласия ото всех участников я милостиво разрешил им удалиться.

Ух, адреналинчик-то как в крови гуляет. Давненько я так ненапрягался. Только посетители отошли подальше как ко мне подскочили дети. Лисёнок прижалась, заглядывая в глаза, а Белка с криками скакал вокруг.

– Как ты их, дядя Пётр! Ух, как ты их! Прямо вот так, вот так! Это..., это..., это самое могучее волшебство какое я ви-

дел!

– Что, понравилось? Хочешь научиться такому?

Ещё бы Белке не хотелось, но...

– Дядя Пётр, я же не шаман. – в отчаянии воскликнул мальчик.

– Запомни Белка, рукопашному бою может научиться каждый. А настоящий боец просто обязан его знать.

– А, я? – подала голос Лисёнок – Я тоже смогу научиться?

– И ты тоже. – я погладил её по рыжим волосам – Но для этого нужно много знать и долго, долго учиться. Иногда всю жизнь.

– Мы будем, Дядя Пётр, мы будем. – заверили меня дети.

– Очень хорошо. Теперь слушайте меня внимательно. Мы с дедом Хатаком сегодня уйдём на несколько дней. Вы останетесь тут. Будете сторожить лагерь. Я оставлю закидушку, помните, как ловить рыбу? Хорошо. Постарайтесь просто так из лагеря не уходить. Я оставлю вам одного охотника, который присмотрит за вами. Всё понятно?

Дети закивали головой.

– Ну вот и умнички.

Через некоторое время пришел Хатак и Молодой. Почтительно поздоровавшись, Молодой скромно присел в сторонке, и... превратился в одно большое ухо. Хатак же, усевшись напротив меня, нейтральным голосом поинтересовался.

– Поговаривают, к тебе приходил Кулик?

– Было дело, заглянул на огонёк... ненадолго.

– Говорят, был не один?

– Прихватил пару, тройку друзей.

– Что хотел?

– Да вот пришел и говорит – «Большой шаман Горький Камень, дай в морду, а то если с утра в глаз не получу, весь день прям как не свой!»

– Вот что, ты за человек, Пётр? – Хатак покачал головой

– Почти такой же старый, как и я, а всё как мальчишка!

«Эх, Хатак, Хатак. Старый то, как раз, пожалуй я. Всяко постарше тебя буду.» Подумал я, а вслух произнёс.

– Да ладно тебе, дед, сам такой. А если серьёзно, пришел Кулик требовать с меня, за детей, которые якобы его, Большое Копьё! Представляешь?

Хатак удивлённо хмыкнул.

– Представляешь, – продолжал я – требовать! У меня можно что-то попросить, со мной можно поменяться, я вообще могу сам, чтонибудь отдать, но требовать...?! Я ещё понимаю, потребовал бы отдать детей обратно, но нет, ему сразу мою Прелесть подавай. Ну ни дурак ли?

– Кулик вовсе не дурак, и дружки с ним приходившие тоже. Вообще-то они – люди вождя.

– Да я и не сомневался. Там и шаман свою крысиную лапку приложил. Ничего, вот шкуры принесут, впредь умнее будут.

– Вот почему они по стойбищу бегают, шкуры собирают!

– А как ты хотел, старый? Я на них время тратил, разго-

воры разговаривал, руками-ногами размахивал. Ныне услуги Великого шамана дорого стоят.

– Значит правда, что они говорят, будто ты победил их колдовством?

– Когда я кидаю дротик в гиену, он летит куда-то туда, в гиену. А когда ты кидаешь дротик в гиену, ты попадаешь ей в глаз. Ты тоже колдуешь, Хатак?

– Да пожалуй что, и нет – ухмыльнулся дед.

– А я думаю, что ты не совсем прав, мой друг. Твой верный глаз, твоя крепкая рука и много, много бросков. Долгие, долгие годы бросков. Это то, что на моём языке называется – опыт, мастерство, а на твоём можно назвать – колдовство.

– Понимаю – покивал головой Хатак – понимаю. Получается что, твой э-э-э...

– Рукопашный бой – подсказал я.

– Рукопашный бой, сродни тому, как я кидаю дротик. И это значит, что... я тоже могу научиться рукопашному бою. – Сделал неожиданный вывод старый охотник.

Я усмехнулся – вот неугомонный старик!

– Скажи, Хатак, ты можешь научить его – я показал пальцем на Белку – метать дротики.

– Конечно могу – без сомнения ответил он.

– Хорошо метать – уточнил я.

Хатак, прищуриив глаз, осмотрел замершего пацана, что-то прикидывая про себя.

– Да, хорошо метать, может быть даже не хуже, чем кидаю

я.

– А меня – я ткнул пальцем в себя – Только честно.

– Только чуть-чуть – скривившись и обозначив пальцами, насколько чуть-чуть, ответил Хатак – Слишком старый.

– Вот и я могу научить пацана рукопашному бою, хорошо научить. А тебя, совсем чуть-чуть. Ты совсем старый.

– Но чуть-чуть, мой друг Пётр – улыбнулся мне Хатак – это больше чем ничего.

– Намного, намного больше – друг Хатак! – Улыбнулся я в ответ.

Так мы и просидели, с десяток секунд, улыбаясь друг другу. Эх, хорошо, когда есть кто-то рядом с тобой, тот, кто тебя понимает.

– Обрати внимание, мой друг – я показал рукой на притихших и ловящих каждое слово детей, да и Молодого тоже – с каким правильным благоговением и открытым ртом внимают юные подаваны мудрым речам авторитетных людей. Того и гляди в рот мухи налетят!

После моих слов Белка рефлекторно прикрыл рот ладошками, и всем стало весело.

Потом я надавал Молодому целый «мешок» ЦУ, (ценных указаний), что делать в наше отсутствие и вплоть до возвращения. Не успел закончить, как появились неудавшиеся «рэкетеры». Хмурый Кулик молча раскатал передомной три вполне неплохих лошадиных шкуры.

– Принято – сказал я ему.

Кулик бросил быстрый взгляд из подлобья на всю нашу компанию и, не сказав ни слова, развернувшись, быстро зашагал в сторону стойбища. Затем подошли ещё двое из нападавших. Они притащили с собой весьма объёмную скатку с различными шкурами и мехами.

– Большой шаман Горький Камень, – с заметным уважением в голосе начал один из них – я – Кряга. Мы принесли всё, как ты сказал. И он хотел раскатать шкуры, как до этого сделал Кулик.

– Не стоит – остановил я его – Верю тебе Кряга. Вряд ли вы захотите обмануть меня.

– Что ты! И в мыслях не было! – открестился он.

– А, кстати, где ваш третий?

– Прости Горький Камень, но Утиный Клюв не смог прийти к тебе сам. Плохо стоит на ногах, болит голова и постоянно выворачивает.

«Ага, Утиный Клюв это тот, кому я засветил коленом в голову. Похоже на сотрясение мозга.»

– Передай ему что, я не сержусь. Пусть лежит с закрытыми глазами и не встаёт, пьёт чистую воду, через несколько дней станет легче. А ещё передай – пусть радуется, у него есть мозг.

Последнюю фразу Кряга явно не понял, но благоразумно уточнять, что я имел в виду, не стал. Подхватив второго охотника, он быстро удалился. А вот с последним участни-

ком событий, неожиданно, состоялся весьма примечательный разговор.

Когда молодой парень уселся напротив меня, смело и прямо смотря мне в глаза, первое на что я обратил внимание это то, что в руках он держал тубус из бамбука. Темно-зеленого цвета, сантиметроввосемьдесят длинной, обрезанный снизу под коленом, а сверху заткнутый деревянной пробкой. Диаметр где-то на шестьдесят. Если я хоть что-то понимаю в растительности то, это именно бамбук. Очень, очень интересно.

– Кггм! – издал звук Хатак.

– А? Ты что-то сказал, старый – покосился я на него.

– Говорю – не ожидал увидеть в этой кампании Трусливого Суслика.

– Мне не показалось что, он очень уж труслив, э?

– Да не, вполне себе справный охотник. Молодой конечно, учить да учить, но толковый этого не отнять.

– Откуда тогда такое паршивое имя?

– Это ещё с детства. Была одна история. Совсем ещё маленький был. Поймали, ребята постарше как-то суслика, да и подложили под зад малому когда тот садится начал, пошутили значит. Тот сел на что-то мягкое, а оно ещё как запищит. Малой с перепугу как подскочил и давай реветь, а все вокруг веселятся и кричат – трусливый суслик, трусливый суслик! Так и прилипло.

Да, всё так, всё так. Обида, злость, гнев – давно перегоре-

ли в душе молодого охотника. Не от страха тогда плакал маленький мальчик, а больше от неожиданности. Сколько потом он не дрался, сколько не доказывал что, он не трус, ввязывался в различные авантюры, иногда с риском для жизни – ничего не помогало. Но эти трудности не сломали его, нет! Наоборот, в какой-то момент он понял что, ни ловкостью, ни силой, а уж тем более охотничьей удачей мало кому уступает из сверстников, многих так вообще превосходит. И называть такого как он, и сильного, и ловкого, и удачливого – Трусливый Суслик, для многих ... это так здорово! Словно озаренье посетило молодого парня. С того дня он стал ещё внимательней к тем крохам знаний которые перепали на его долю от старших охотников, ещё осторожней, хладнокровней. Совсем перестал реагировать на подначки связанные с его именем. У него была цель! При посвящении в охотники он должен получить другое, достойное взрослое имя. Но не случилось. Умер старый вождь. Мудрый и справедливый. А новый оставил прежнее. Может потому, что был заводилой в той дурацкой шутке? Чтож, он пережил и это, ведь новое имя мог дать и шаман. Но шаман, неожиданно отказал тоже. Это был удар! Многие смеялись, кто-то просто, кто-то со злорадством, только немногие сочувствовали. И именно этот смех не дал молодому охотнику впасть в отчаянье. Не дали имя эти! Есть и другие вожди или шаманы! Только чужим нужно было преподнести некий подарок. И Трусливый Суслик начал готовиться.

На Осенней Охоте, где собираются многие, есть одно небольшое племя, которое все называют не иначе как Мягкие Шкуры. И по праву. Лучших искусников по выделке кожи и меха небыло. В Племени Правильных Людей самые лучшие меха были от Мягких Шкур. Но делали они ещё и особую, очень мягкую, прочную и красивую шкуру. И очень дорогую. Три Осенних Охоты он менял шкурки, пойманных лично им, бобров на эти шкуры. По две руки бобров за одну.

И вот теперь, в Пустом Дереве, которое и само по себе являлось немалой ценностью, лежало три таких шкуры.

Когда молодой охотник в первый раз увидел Горького Камня, сразу понял – он не такой как другие шаманы. И не потому что, странно одет или странно выглядит, не из-за удивительного оружия и непонятных предметов, нет. Он просто другой внутри. Отчего так и почему, Трусливый Суслик и сам бы не смог объяснить – другой и всё! Потом был Большой Костёр, где Горький Камень показал, что он действительно Великий шаман. А Пёстрый Полоз – ничтожество.

И что бы потом не говорил, какие бы страшилки не распускал Полоз про Горького Камня, Трусливый Суслик почувствовал – вот он, его шанс! Когда к шаману пошли Кулик и другие охотники он, честно, даже не догадывался для чего, но увязался за компанию, в надежде улучшить момент и поговорить с Горьким Камнем. А потом случилось то, что случилось. И увиденное поразило его до самой глубины ду-

ши. Колдовство – сказал Горький Камень. Колдовство, колдовство – бубнили эти дурни на каждом шагу, что бы оправдать своё поражение, а вот он, Трусливый Суслик, колдовства не увидел. Это было, это было... уменье. Да, уменье! И самое удивительное, что как раз это уменье, занимало мысли молодого охотника не намного меньше, чем проблемы с его именем.

Пока Хатак рассказывал историю с именем, я смотрел в глаза парню, а он смотрел в мои глаза. Без испуга, без вызова, без заискивания.

«А малый неплох, неплох. Чувствуется стержень»

– Чтож, слушаю тебя, Трусливый Суслик.

– Великий шаман – начал парень – я и правда не человек вождя, и не пришел вместе с глупым Куликом. Но ты мудро заметил, что нужно внимательно выбирать кампанию, с которой куда-то идёшь. И вот – он вытащил пробку из бамбукового тубуса, достал и развернул то, что там лежало – плата за урок.

Передо мной легли три листа замши. Достаточно большие, вполне можно сшить куртку на мой размер, и очень приличного качества. Тёмно-коричневого цвета, толстые, мягкие.

– Откуда такая красота – глядя ладонью мягкую поверхность, поинтересовался я.

– Это делают люди племени Мягких Шкур.

– Да, видно что, это большие мастера. – Продолжая мять

замшу, сказал я – Однако, я просил с тебя только одну шкуру. И как бы мне не нравилась эта замша, нужно быть честным... два куска здесь лишние.

– Постой, Великий шаман – остановил меня молодой охотник, когда я хотел вернуть два листа замши обратно – Если бы ты взял, и эти шкуры, и Пустое Дерево, в котором они лежали то, может быть, ты не отказался бы выполнить мою просьбу?

– И какую же?

– Все называют меня Трусливый Суслик. Мне не нравится это имя. Я никогда небыл труслив, это не моё имя. Вождь и шаман моего племени не захотели дать мне другого. И потому я прошу тебя, Большой шаман Горький Камень – дай мне новое имя!

«Экий ты хваткий малый – усмехаясь, подумал я – свои тебя продинамили, а ты решил их на повороте обойти. Чтож, этим говнюкам лишнюю шпильку сунуть мне в радость».

– А что – подмигнул я парню, напряженно ожидающему моего ответа – почему бы и нет? И назову я тебя... м-м-м, а пожалуй так и назову – Хват!

– Хват?

– Хват!

– Прости меня, Великий шаман, я уверен, ты не дашь плохого имени, но... что оно означает?

– О-о, это непростое имя. Оно значит, что человек владеющий им хитрый, но не подлый, смелый, но не безрассуд-

ный. Он успевает там, где другие не успели, замечает то, что другие не увидели. И своего не упустит и другим поможет. Короче – Хват! – я резко сжал растопыренные пальцы в кулак – Шустрый, ловкий, быстрый!

– Спасибо, спасибо – вновь наречённый Хват прямо с колен грохнулся мне в ноги – Великий шаман, спасибо!!!

– Э-э-э, парень ну-ка, перестань валяться! – я поднял его за плечи – Вставай, давай!

– Спасибо Великий шаман – он с трудом сдерживал подступившие слёзы – я даже мечтать не мог, что у меня будет такое имя. Нет больше Трусливого Суслика. Я – Хват! Спасибо тебе Горький Камень, спасибо.

– Так! Хорошо тут фонтанировать благодарностями. У меня ещё много дел. А ты иди, и уже давай, похвались своим новым именем.

Ещё несколько раз приложив руку к груди, окрылённый Хват помчался в сторону стойбища.

– Кгм – кашлянул Хатак в наступившей тишине.

– Ты что-то сказал старый?

– Ты представляешь что, ты сейчас сделал?

– Очень даже представляю.

– А вот мне кажется – не совсем. – Задумчиво теребя бороду произнёс Хатак.

Гл. 5 Путь к дому

Я и Хатак стояли и смотрели, как в проход среди холмов втягивается цепочка охотников уходящих за солью. Только что, перейдя брод, мы отделились от основной группы. У них свой путь, а у нас свой. Было раннее утро, и я надеялся, что если всё сложится удачно то, ещё до вечера мы вернёмся с вещами кпещере, в которой ночевали после памятной битвы с гиенами. Господи только бы всё было цело.

Расстояние до переката прошли, как я и предполагал, гораздо быстрее. Полтора дня и две ночёвки. И шли более короткой дорогой. Сам путь оказался достаточно спокойным, без драйва и приключений. Было видно что, такие переходы – отлаженная процедура. Всё чётко, без суеты. Несмотря на мои опасения я, хоть и уставал к вечеру но, вполне прилично держал темп. Даже удивительно, прям как будто сил прибавило, чувствую себя прекрасно. Ночевали мы с Хатаком у своего, небольшого костерка, ни кто к нам не подсаживался, не лез с разговорами. Острый Рог со товарищи держался отстранённо, может кто и не против был бы посидеть снами но, глядя на вождя – воздержался. И вроде мы со всеми, и вроде как одни, но в любом случаи, двадцать пять человек вокруг значительно успокаивает нервную систему.

Каких-то важных разговоров не вели, слишком много лишних ушей. Я кое-что рассказывал о своей жизни, приви-

рая и адаптируя к окружающим реалиям. Отвечал на вопросы, если мог внятно пояснить свой ответ, всё-таки маловат словарный запас в языке, которым сейчас говорили. Хатак же, рассказывал о своей жизни. Где был, что видел, что слышал и что, пережил. И тоже отвечал на мои вопросы.

Так я узнал что, зима здесь короткая, мягкая. Снег лежит полтора – два месяца, каких-то особо снежных заносов не бывает. Морозов тоже. И это прекрасно. Похоже, попал я в промежуток меж двух ледниковых периодов, когда бывало очень серьёзное потепление.

Также я узнал что бамбук, а это действительно был он, иногда встречается у людей приходящих на Большую Охоту из-за Великой Реки, на берегу которой, кстати, нам предстояло жить. Бамбук очень сильно интересовал меня, ведь он настоящий бесценный кладёзень богатств. Сколько нужного и необходимого можно из него сделать, даже представить сложно.

Что все племена говорят приблизительно на одном и том же языке. С небольшими вариациями.

А ещё, расспрашивая старого и опытного охотника, мне стала более понятна ситуация когда, при таком чудовищном, по меркам двадцать первого века, изобилии рыбы, птицы и зверья вокруг люди умудряются голодать. Иногда весьма серьёзно. Всё непросто и просто в тоже время.

Рыба лишь попутный ресурс, и не слишком частый. Просто пока нет ни каких инструментов, что бы добывать этот

ценный продукт. Нет сетей, нет крючков, я даже не видел ни одной остроги. Да и с водой люди не дружат, лезут в неё по очень великой нужде, а плавать вообще врядли кто-то может.

Птица тоже весьма нечастая добыча, как это не странно. И снова, нет подходящего оружия. Ни дубиной, ни камнем, ни теми копьями, которые есть, особо птицу не добудешь. Лука – нет, праща – неизвестна, легкие дротики – убожество. Всякие суслики, зайцы – кролики, весь мелочняк не решает проблему питания. Сбор растительной пищи, это в основном середина лета и осень, но на эти богатства и помимо людей желающих полно.

И остаётся только крупная добыча. И на это вобщем-то всё и заточено. Добыть крупного зверя непросто, иногда за это платят жизнью. Опять же, «помощников» немеряно, бывало львиный прайд или большая волчья стая отнимала добычу. И даже когда всё прошло нормально тоже есть проблемы, сохранить добытое невозможно, неумеют! Иногда охотники, при удаче, убивают больше, чем могут съесть. И это всё пропадает.

И вот упрощённый, грубый алгоритм. Охота – удача – еда до упора. Охота – удача – еда до упора. Охота – неудача, охота – неудача – голод!

Но это всё так, упражнение для ума. А сейчас чем ближе к схрону моих вещей, тем сильнее бухает сердце в груди. Хатак видя моё состояние с вопросами не лез но, посматривал с

тревогой.

– Да, да старый – переживаю. Сам себе говорю что, ничего недолжно произойти, и всё-таки, всё-таки. И всё-таки... Господи спасибо! Спасибо тебе господи! Всё! Всё цело! Как только я залез в пещерку, у меня гора с плеч упала – всё совершенно цело. Может причиной такого везения пара небольших шустрых коричневых силуэта, шмыгнувших из пещеры когда мы к ней приблизились. Может хорьки какие или ласки переростки устроили тут своё жилище, а заодно не дали развернуться местным грызунам. Если это так, то низкий поклон им до земли.

Хатак, конечно ожидал всяких чудес но, когда увидел всё моё «богаство» в полном объёме, с него можно было смело писать картину «Кроманьонца каменного века поразил культурный шок». Но дед красавец, быстро пришел в себя, ни каких лишних вопросов, не время. Вообще первобытные охотники при переходах практически не разговаривают, всё больше головами крутят, слушают да нюхают – специфика жизни. Так что до пещеры, где собирались ночевать, добрались ещё засветло, зато уж когда добрались... Представляете что, он мне устроил?!!

Всё что возможно, было общупано, обнюхано и языком лизнуто. И вопросы, вопросы. Насилу успокоил подарив нож-выкидуху. Счастье – вот как можно охарактеризовать его состояние. Пока суть да дело, приготовил шикарный ужин. Рисовый кулеш с тушенкой, чай с последними суша-

рями. И снова мои опасения оказались напрасными, незнакомая еда со специями, чай, сухари, всё у старого охотника пошло «на ура». Заодно показал ему, как правильно пользоваться солью и постарался объяснить, что же это такое и для чего она нужна. Удивительно, люди таскают соль и не пользуются ею. Чтоб хоть как-то восполнить солевой недостаток пьют кровь добычи, иногда макают жареное мясо в золу. Сюр какой-то!

Приняв расслабленные позы и попивая маленькими глоточками чаёк мы вели беседу с успокоившемся Хатаком.

– Понимаешь мой друг, ты можешь задать мне очень, очень много вопросов, а ответов получить очень мало. И не потому что, я не хочу отвечать или незнаю ответов, просто в твоём языке нет нужных слов. Что бы понимать, необходимо выучить мой язык, а это непросто. И даже если ты будешь говорить на моём языке, всё равно многие вещи придется объяснять очень долго. Так что не спеши с вопросами, что-то поймешь сам, что-то я тебе покажу и расскажу, а что-то тебе придётся делать не понимая, доверившись мне.

– Твой язык трудный?

– Да уж, непростой. – ухмыльнулся я.

– Но ты будешь учить детей, как я понимаю.

– Непременно, Хатак. И языку и ещё многому другому.

– Значит, я тоже буду учить.

– Это будет нелегко Хатак, поверь.

– Ничего, помаленьку, потихоньку....

Мы немного помолчали.

– И всё же Пётр, почему дети? – Задал вопрос Хатак, и я понял что, он имел в виду.

– Причин много, и все они очень важные. Но я пока объясню лишь одну из них. Дело в том, что таких как ты Хатак, всегда, везде, и во все времена очень, очень мало. Такие как ты – я ухмыльнулся – мой друг, для человечества очень ценны. Твоё любопытство, твоя жажда новых знаний, готовность поступится многим лишь бы идти туда, где ты никогда небыл, видеть то, что никогда не видел, двигают человечество вперёд, а вовсе не такие как Полоз или Острый Рог. С этим можно родиться – как ты, Хатак, а можно и воспитать. Особенно в детях.

– Воспитать? – Хатак вопросительно поднял брови.

– Это слово из моего языка. Оно приблизительно означает научить, только намного больше чем просто научить. У вас я заметил детей учат чему-нибудь и как-нибудь, в основном по принципу «Делай как я». Не самая плохая система, но и у неё есть недостатки. Дети моего народа учатся две руки лет.

– О-о-о!!!

– Ага, а многие люди учатся всю жизнь. Но лучше всего учить пока человек маленький. Дети словно чистые страницы, при достаточном желании учителя и усердия ученика можно написать всё, что захочешь.

– Написать? Что это значит?

– Гм, что это значит? – Я разровнял слегка песчаную по-

верхность пола пещеры и взял небольшую щепку. – Что ты видишь? – Я указал на ровное место.

– Ничего.

– Правильно. Потому что тут ничего и нет. А теперь – и я нарисовал круг – есть. И вот так – появился квадрат – или так, – треугольник. А можно ещё вот так – и я написал печатными буквами – ХАТАК. Ты можешь взять Белку и написать умелого охотника, я могу написать шамана говорящего с камнями, вместе мы напишем воина. Он будет знать то, что знаешь и видел ты, и знать то, что знаю и видел я, и когда мы умрем, эти знания останутся с ним, а не уйдут вместе с нами. И может быть, Белка за свою жизнь узнает что-то ещё, и передаст это дальше, например своим детям, а те своим, а те своим... «Ведь именно так и было» – закончил я мысленно.

– А Лисёнок – после недолгого созерцания моих каракулей поинтересовался Хатак.

– Да без разницы – Белка, Лисёнок, Енот, у каждого есть свои особенности. Их нужно только подметить и развить. Не в этом ли состоит задача таких авторитетных людей как ты да я, а Хатак?

– Да-а – такая постановка вопроса явно понравилась старому охотнику. – Да-а. Будем делать из Белки Великого охотника – деловито закончил он.

– И шамана – добавил я.

– И шамана – согласился он.

– А знаешь, Пётр, – после непродолжительного молчания

произнёс Хатак – я ведь уже видел вот такие чёрточки – и он ткнул в написанное имя.

– Как, где! – Я чуть не подпрыгнул. – Вот точно такие?

– Ну-у, очень похожие. В одной странной пещере, там – он махнул рукой в сторону гор – две руки лет назад. Там, на одной из стен их было много. Я ещё подумал – что, за странные звери оставили такие следы?

– Ты помнишь где это? Хотя что я спрашиваю – с твоей то зрительной памятью. Мне обязательно нужно их увидеть.

– Что, прямо сейчас?

– Да ты прав, старый. Сейчас у нас и других забот полон рот. Но, рано или поздно мы всё равно пойдём в горы и заодно найдём ту пещеру.

– Почему это тебя так волнует?

– Потому, мой друг, что эти чёрточки и закорючки называются «буквы» И каждая буква это звук который мы произносим. Я говорю Х и пишу вот так – я написал букву Х, потом говорю А и пишу вот так, потом Т, А и К. Хатак – говорю я, и тут написано ХАТАК. Я написал твоё имя, старый, а ещё добавляем вот так, и получаем... ХАТАК МОЙ ДРУГ.

Старый охотник жадно и пристально всматривался в неровном свете костра в написанные буквы.

– Тут и правда написано моё имя и что, я твой друг – тыча узловатым пальцем недоверчиво уточнил он.

– Конечно. А вот так будет – Пётр, Большой шаман Горький Камень. А так – Белка брат Лисёнка. Или вот ещё – Пёст-

рый Полоз и Острый Рог – придурки.

Хатак ошарашено смотрел на мои писульки.

– Так мой народ хранит знания. Написанное одним всегда может прочитать другой. Если бы у меня была бумага и чернила, я бы смог записать все твои истории, всю твою жизнь, написать целую книгу. И через много, много лет тот, кто умеет читать смог бы узнать что, был такой Хатак – охотник и путешественник, как жил, о чём думал, как он сражался с духом Длиннолапого, или как однажды встретил шамана Горького Камня.... Теперь ты понимаешь, почему я так взволнован. Если окажется что, эти надписи оставил человек моего народа, то я смогу прочесть их и узнать что, он хотел сказать в этом послании.

– Это великое волшебство – потрясенно произнес Хатак.

– Возможно это самое великое волшебство, мой друг, которое я знаю.

– После долгого молчания Хатак наконец оторвал взгляд от моих надписей и без апелляционно заявил.

– Ты научишь меня ему!

– Ну дед, ты жжешь! Прямо на пятой газуешь! – по русски восхитился я.

– Что ты сказал Пётр?

– Я говорю – конечно научу!

Пётр спал. Хатак задумчиво смотрел на огонь, в тоже время чутко слушая ночь, живущую своей насыщенной жизнью.

Странно, как так получилось что, он пережил практически всех своих ровесников. Долгая, долгая жизнь, такая, казалась, понятная и уже обыденная вмиг рассыпалась, когда появился Пётр. Удивительный человек. Хатак живший в трёх племенах, бродивший там, куда большинство людей и смотреть то боялось, никогда не видел таких людей и даже про таких не слышал. Сразу видно, что этот человек из далека, не такой как все. Он сам говорит что, шел очень долго, но... как. Как? Он же ходит хуже ребёнка, он глух и слеп в степи, на следы смотрит так как будто видит их в первый раз. А дротики как кидает? Да он себе в ногу попадёт-то несразу. И в тоже время, какой удар Большим Копьём, какой удар. Раз и гиена без головы. Даже с таким копьём врядли у Хатака получилось бы подобное. Пётр силён, храбр, он великий шаман – это бесспорно, но... этого было бы мало если бы не его удача. Да, удача, её нельзя потрогать, понюхать или увидеть. Если она у тебя есть – всё будет хорошо, если нет – всё плохо. Без удачи охотник долго не живёт. Уж Хатак это знает лучше, чем кто бы то ни был. Пётр странно смотрит на мир, бывает он говорит такое, что Хатак удивляется, потом думает, потом понимает что, Пётр прав. Чаще всего прав. Вот и с удачей также. Пётр почему-то считает что удача – это женский дух.

– Заставить служить себе эту ветреную особу невозможно – сказал он – но вот приманить, уговорить быть к тебе чуть-чуть благосклонней можно, трудно но, можно.

– Уж не плясками ли шамана – скептически поинтересовался Хатак.

– Плясками шамана врядли, а плясками Полоза удачу можно только напугать. -Со смехом ответил Пётр. – Вот тебе нравится дртоики которые я сделал.

О да, Хатак был от них в восторге. Лучшего оружия у него не было за всю долгую жизнь. Казалось, он может попасть ими туда куда захочет, даже с закрытыми глазами.

– Соединяем мои замечательные дртоики с твоими знаниями повадок зверей, твоим опытом, крепкой рукой и верным глазом и... вуаля. Удача уже смотрит на тебя немного не так, как на криворукого Хромого Зайца с палкой вместо нормального оружия.

Думал ли Хатак что, удача может прийти и без шаманских ритуалов, специальных примет или каких-то особых амулетов? Нет! Но если послушать Пётра то вполне возможно! И во многом Хатак был с ним согласен. И именно этим восхищал старого охотника Горький Камень – необычным взглядом на всё. И тем что, заставлял посмотреть и его, Хатака, а ещё он заставлял думать. Да, думать. Хатак любил размышлять на разные темы, порой на такие, которые врядли кто из его соплеменников мог даже себе вообразить. Горький Камень дал много того, над чем Хатак охотно поразмышляет, да! А какие вещи были у Петра, и главное даже не они, а то что, некоторые из них он не только мог делать сам но, и научить этому Хатака. Но самое главное знания. Знания, кото-

рые, сам не осознавая того, Хатак искал всю жизнь.

Сегодня он видел грандиозное! И главное понял, что видел. Иногда охотники оставляют на видных местах простенькие знаки – «опасно», «скоро вода», «здесь земля такого-то рода» и ещё некоторые другие, для того что бы кому-то было легче найти ту же воду, предупредить о чём-то или ещё чего, но то что он сегодня увидел... ух, у Хатака даже дух захватывало.

Но за эти человеком я пойду туда, куда он бы не повел меня ни из-за этого, а прежде всего потому, что он мой друг. – Вдруг осознал Хатак. – Вот так, быстро и незаметно у меня появился друг. Как говорит Пётр – Два старика, у которых детство в жопе играет. Хе-хе. Или вовсе непонятное – два сапога – пара! Хатак улыбнулся.

Да, за другом до конца!

И вот мы уже близко к стойбищу Правильных людей. Осталось немного, ещё одна ночёвка и если всё будет нормально, завтра ближе к вечеру будем на месте. Теоретически, в тоже время должны подойти соленосы. Надо будет быстро разбираться с делами и уходить. Природа бушует всюю. Частые, кратковременные дожди регулярно взбрызгивают землю, зелень прёт как на дрожжах. Вообще очень тепло, даже ночью. Не то что у нас, днем жжет сумасшедшее солнце, а ночью можно уши отморозить. Походу тут климат – мёд и мёд. Посмотрим, конечно, но дай бы бог, чтобы так

и было. Вокруг кипит водоворот жизни, я досих пор немогу привыкнуть к этому буйству разнообразия. Все время вижу каких-то новых зверей и птиц, постоянно тереблю вопросыми Хатака. Господи, сколько же исчезло с лика земли твоей, уму непостижимо.

Я тащу всё на себе, плюс велик, Хатак идёт налегке. И это правильно, он всё видит, всё слышит и подмечает. Он же попутно добывает нам еду и обеспечивает охрану. Короче весь в напряжении. А моё дело маленькое – толкай да толкай велосипед с гунями. Отдых, а не работа. Правда что-то меня в пот постоянно кидает, и к вечеру руки-ноги трясутся, не иначе съел чего-то!

Хатак до сих пор прибывает в прострации от велика. Когда он на него глядит, такое ощущение что, он собственным глазам не верит.

Ещё я познакомил его, наконец, с боллас. Вот что значит проф. Моментально ухватил суть, десяток тренировочных бросков, обдумывание результата и уже с третьей попытки, так сказать по цели, накрыл дрофу. Очень сей девайс ему понравился и, соответственно, плавно переместился с моего пояса на пояс Хатака.

Хорошо что, он невидел чего я вытворял с боло, когда пытался охотиться. Боюсь мой мизерный авторитет как человека охоты упал бы куда-то в район преисподни. Ничего, я его знаниями «убью». Лук, острога, сеть, праща. Есть таки у меня в запасе штуки не хуже, есть.

На последней ночёвке, вкушая жареную дроблятинку, Хатак буднично поинтересовался.

– Когда Хват попросится к тебе в племя, что ты ответишь ему?

Я чуть булдыжкой не подавился.

– Ты что, старый? С ума сошел? Откуда такие предположения?

– Хе-хе, мой друг. Ты где-то так мудр, а где-то – он помахал рукой перед лицом – под носом ничего не видишь. Знаешь ли ты что, Хват должен был идти за, как там, солью? Но вождь в последний момент не взял его. Угадай почему?

– Ему не понравилось что, я дал Хвату имя.

– Ещё бы, ты шаман, никто не может оспорить твоё право давать имя. Хват в состоянии многим растолковать, как теперь правильно его называть, но он не глуп и бодаться против вождя и шамана не станет. Зачем ему оставаться в племени где самые главные люди имеют на него зуб. Я знаю, что из-за своего дурацкого имени у него так и не появилось друзей, девки только хихикают да отпускают шуточки. Что его тут держит? А ты подарил ему его мечту. Он обязательно придёт просится к тебе.

– И что посоветуешь ты, Хатак?

– Как охотник он неплох, всегда внимательно слушает старших. Вперёд не лезет, но и затолкать себя не даёт. Ловок, быстр. И вправду Хват, он единственный кто добывает бобров в нашем племени, прямо в дом к ним пролазил. Мо-

лодой неопытный, но может это и к лучшему, есть куда – Хатак постучал пальцем по лбу – что написать. И уж конечно не трус. Но решать тебе...

– Ну ты жук, старый! Расписал малого как перспективного и ценного кадра, ни одного плохого слова не сказал, а решать мне? Я вообще-то совета спрашивал.

– Не знаю я никакого перспективного кадра, и слов таких не слышал. А решать тебе – невозмутимо ответил Хатак.

– Ладно, там посмотрим. Раз уж зашел разговор о делах я тут подумал, а зачем нам самим тащить соль? И придумал я одно жульство...

Идея была проста – как всё гениальное. Припахать охотников донести котомки с солью до места. Заодно в пути охраной поработают. Во время обряда очищения по определённому знаку, подаваемому Хатаком, я отберу десять человек которые, якобы, до конца не очистились и им требуется дополнительные процедуры. Отбирать будем наиболее адекватных охотников, в основном друзей Хатака, что как раз не вызовет особого удивления. Я думаю что, и шаман и вождь особо кочевряжиться не станут. А ещё я решил что, не стоит совсем уж портить отношения с руководством племени, мало как жизнь повернётся и вообще... Поэтому собирался «подогреть» шамана с вождём некими подарками. Хатак был против. Но я его заверил, что уж один подарочек любви меж ними уж точно не добавит.

Вот мы уже и в стойбище. Народ набежал конечно, шли

как в коридоре. Шум, гам, ажиотаж, хорошо хоть руками не хватали и под колёса не лезли. Пёстрый Полоз тоже засветился своей крысиной рожей, понаблюдал за нашей процессией издалека. Наконец, шуганув соплеменников, добрались до моего шалаша. Ох сколько радости было, счастливые мордашки, живенькие и даже вполне умытые. Лисёнок как прижалась комне, так и нее отпускала, а бедный Белка разрывался и за меня подержатся и срочно исследовать всё что, я с собой принёс, а между делом немедленно рассказать, как они тут жили, что делали. Ну, так или иначе всё подуспокоилось и Молодой дал подробный отчёт.

Никто в лагерь ни лез, детишек не третировал, ели регулярно, спали замечательно. Вот только Хват.... Нет, ничего плохого, как бы даже наоборот, весьма активно помогал. Мы с Хатаком переглянулись. Так что, Молодой его не гнал, а вот правильно ли поступил, он не знал. Я его успокоил, мол всё нормально.

Сам же Хват обретался недалеко. Так, что бы особо глаза не мозолить но, и находиться в пределах доступности.

Старый и мудрый Хатак оказался во многом прав, если не во всём. Чудесной жизни у молодого охотника, вдруг, не случилось. Сначала его не взяли за горьким камнем. И одно это многое сказало умному Хвату. Дальше больше. Его радость, обладанием нового имени, разделили не многие, но он собственно другого и не ждал. Что шаман будет недоволен, это понятно, но что многие его сверстники начнут отпускать

шуточки, весьма сомнительные, и не только в спину, не ожидал. Пришлось уронить на землю пару особо умных. Да уж, Хват не Горький Камень, получилось далеко не так ловко и это тоже повод поразмышлять. Что самое плохое, хихиканье девушекни куда не делось, как раз это напрягло сильнее всего. А скоро появится его «друг» Острый Рог. Где-то глубоко внутри Хват чего-то подобного ожидал, ожидал но, надеялся, что этого не произойдёт. И вариант уйти в другое племя, Хват рассматривал очень серьёзно. Но вот появился Горький Камень и не только дал имя но, и полностью смутил душу молодого охотника. Это его колдовство «Рукопашный бой», он хорошо запомнил название, не давал покоя ни днем, ни ночью. Хват просто бредил им. Надежда поговорить по пути за горьким камнем не оправдалась. Но ничего, он привык к трудностям.

Хотя стойбище и разогнало всю живность вокруг но, на то он и Хват что бы извернуться там, где другие не смогли. Пара подбитых зайцев, вроде как мимо костра шамана шел, поздоровался, присел. Слово за слово, вот уже и косится перестали, и зайцы жарятся. А на следующий день в ход пошли утки. Лишь чуть-чуть направить разговор в нужное русло... и вот уже Белка хвалится что, шаман Горький Камень будет учить его рукопашному бою. И сестру тоже. Главное он узнал, научиться может любой. Хват внимательно изучил круглый камушек, который брат с сестрой постоянно сжимали и разжимали в кулачках. Ни чего не понял, камень как ка-

мень. Также внимательно он рассмотрел небольшую палку, её необходимо было скручивать на вытянутых руках и сгибать на излом. На вопрос – для чего это нужно – Белка честно сказал, что не очень понимает но, так приказал делать шаман Горький Камень, а еще сказал что, если так делать очень, очень долго, то сила камня и сила дерева перейдет к Белке.

Значит, всё-таки колдовство – подумал Хват – но это уже не важно, если этому можно научиться, он научится, да! Он пойдет к Великому шаману и будет ему служить, и делать всё, что он скажет. А ещё Хват чувствовал, шаману нельзя врать, да нельзя. Онтерпеливо ждал возвращения Великого шамана.

Отпустив Молодого, мы приготовили обед. Заварил последние бомж пакеты, настругал туда мяса, в общем, без разносолов, но питательно. На десерт детям разломил одну из последних рафинадок, пусть побалдеют. Сегодня у меня по плану было ещё посещение Пёстрого Полоза, поэтому надо было решать вопрос с Хватом, неспроста он тут круги нарежет. В конце концов, ещё одна добровольная спина, на которую можно не стесняясь навалить работёнки, нам не помешает.

– Так, боец, – сказал я Белке – ну-ка приведи сюда Хвата. Хватит ему там без дела слоняться.

– Будем брать! – Ответил я на немой вопрос Хатака. Белка мухой смотался, и вот уже передомной сидел решительно

настроенный парень. «А старый то похоже прав, явно к нам намылился»

– Скажи мой юный друг, а чтой-то ты принялся подкармливать моих детей? Не то что, я против, даже наоборот,.. и всё-таки?

– Я хотел, что бы ты заметил это и оценил, Великий шаман.

– Чтож, я заметил и оценил, но ведь это не всё?

– Нет Великий шаман, не всё. Я благодарен тебе за то, что ты дал мне имя но, хочу попросить тебя ещё взять меня с собой и научить рукопашному бою.

– Гм, взять и научить. Взять не трудно и научить можно.... Когда охотник приносит добытую косулю к костру, он молодец, он сделал всё правильно. Но прежде чем это произойдёт, долгие годы он готовится к этому. Изучает повадки зверей, слушает опытных охотников, получает от них тумачков, если заслуживает. И это ещё не всё, что бы добыть зверя нужно оружие. Надо взять правильный камень и сделать острый наконечник, найти крепкую и ровную палку, соединить наконечник и древко надёжным ремнём, и у него теперь есть копьё. Сэтим копьём он и добудет косулю. Так вот, косуля – это рукопашный бой. – Я выжидательно посмотрел на Хвата.

– Понимаю, – задумчиво протянул он – что бы учить сам рукопашный бой, нужно долго к этому готовиться. Я готов – решительно рубанул Хват – я буду делать всё, что ты скажешь Великий шаман, и как скажешь, и буду готовиться

столько, сколько ты считаешь нужным.

– Хорошо! – я хлопнул ладонями по коленам – Ты идёшь с нами. Значит, первое, – продолжил я инструктаж разулыбавшегося парня – делаешь всё, как я говорю. Вопросы задавать можно. На какие-то отвечу, на какие-то нет. Но даже если тебе что-то не понятно, всё равно, делаешь как я сказал. Второе. Охотник я плохой. Да, да! Вон Хатак подтвердит – кивнул я на ухмыльнувшегося старика – он у нас по этим делам главный. Всё вопросы по охоте к нему. Ну и пока последнее. Прекрати называть меня Великий шаман или Большой шаман Горький Камень, называй меня просто – учитель. Скромненько так, со вкусом...

– Сейчас у меня деловая встреча с Полозом. Хатак объяснит тебе, что и как нужно будет делать. Так что, вперёд мой юный друг, ты ещё не представляешь, на что ты подписался. Гы-гы.

Когда я приблизился к обиталищу шамана, меня там явно не ждали. Два давешних помощника сидящих у входа в чум, прям с лица сбледнули.

– Ва-аа... – хотел что-то проблеять один из них

– Брысь! – сказал я, и их как ветром сдуло. Очень не хотелось лезть в эту юдоль печали но, ради «добрého» дела, что только не совершишь. Выдохнув, словно в воду ныряю, я всё же залез в чум. Да уж, от моего появления Полоз явно впал в тихую панику. Крысиная мордочка перекосилась, глазки

бегают, лоб вспотел, самого слегка потряхивает. Испужался сердешный. Он что решил – я убивать его пришел?

– Хао, шаман Пёстрый Полоз.

– Хао, Большой шаман Горький Камень. – Просипел он в ответ.

Ого! – пронеслось у меня в голове – Вот я уже и у него Большой шаман стал.

Нисколько ни чинясь я молча уселся и окинул мимолётным взглядом жилище шамана. Ну чтож, ожидаемо грязно, вонюче и скромно, очень скромно. Я имею в виду шаманский антураж. Куда там до фэнтезийных затейников двадцать первого века. Ни тебе скалящихся черепов, ни хрустальных шаров, ни мега пауков по тёмным углам, даже задрипанной сушеной лягушки и той нет. Так, кости да пучки трав, одно слово – каменный век.

– Ты наверно гадаешь, – начал я, глядя на напряжённого Полоза – для чего я пришел? Не волнуйся, не ссорится. Я вот подумал, ты – уважаемый шаман, я – уважаемый шаман, мы с тобой – уважаемые шаманы! Ты остаёшься в племени, я уйду, что нам с тобой делить. Вообще не могу понять, что это нам взбрело в голову на людях отношения выяснять, а?

Хотя Полоз не ждал от меня таких слов, но они явно пришлись ему по вкусу, ему заметно полегчало.

– Вот скажи мне Полоз, – продолжал я – что могут понимать простые охотники в высоком искусстве камлания?

– Да, да! – с жаром подхватил Пёстрый Полоз, видать про-

блема с доверием к его способностям, была весьма актуальна
– Совершенно ничего ни понимают.

– Во-от! Теперь, когда Хатак уйдёт, ты станешь самым главным в племени.

– Есть ещё вождь Острый Рог.

– Ай, брось Полоз, ну кто он такой, мальчишка, молодой, глупый. Силы конечно много, а ума...? Мы то – я действительно наклонился к нему – уважаемые шаманы знаем, главное – я постучал пальцем по голове – ум! Правильно я говорю?

– Да! Да! – ох какой бальзам я пролил на душевные раны Полоза, с такими амбициями, с таким властолюбием и иметь такую внешность – однозначно он завидовал Острому Рогу – Совсем не понимает как управлять племенем, иногда слушает, а иногда упрётся как бык! Прав ты Горький Камень – ум вот что, главное.

Бедный Полоз аж подпрыгивал, как кипящий чайник, от волнения.

– Спокойно, спокойно. Ты не волнуйся так Полоз, если что, я всегда тебе как шаман шаману помогу. Я вот хочу подарок тебе сделать. Смотри, чисто шаманская штучка, э-э амулет.

Я достал слохший айфон и сунул его под нос Полозу.

– Это замерзшая чёрная вода, в ней отражается твой тёмный дух, видишь!

– Вижу! – с расширенными глазами, как сомнамбула по-

вторил Полоз – Вижу!

– Этот твой темный дух помогает во многих ритуалах, разговаривай с ним, советуйся. Иногда он даже может ответить – «ага, особенно если мухоморов как следует накуришься» – но, редко. Сам понимаешь – показывать такой амулет можно не всем, только таким же уважаемым шаманам как мы с тобой. На, – я сунул в трясущиеся ручёнки Полоза айфон – владей.

– Яй-а, йя-а, я – наконец-то справился со своим голосом Пёстрый Полоз – я не могу подари...

– Пустое, – прервал я его – я же не из-за подарков к тебе пришел, а чиста из уважения. Вот как думаешь, может и вождю подарить какую мелочь, зачем умному человеку на пустом месте недругов наживать, а так пусть мальчику приятно будет, и нам хорошо – и подмигнул эдак заговорщицки, будто на что-то намекая – э?

– Мудро, мудро... – закивал головой Полоз – Ты действительно, умный человек Горький Камень.

– Ну я пожалуй пойду, дел ещё много. Если в следующем году по весне мне вдруг что понадобится, шкуры там или горький камень, как ты думаешь, сможем мы договориться с твоим племенем...

– На моё племя, ты всегда можешь рассчитывать Большой шаман Горький Камень. – твёрдо сказал Полоз.

– Ну... пойду.

Жалко ли мне было айфона? Да не вжизь, к чему мне бес-

полезная фигня. А так, может, дообщается Полоз со своим тёмным духом до раздвоения личности, глядишь, кататься по земле с пеной у рта начнёт не по производственной необходимости, вяленько без огонька, а по душевной потребности – качественно, с фанатизмом. Соплеменникам должно понравится.

А ближе к вечеру вернулись соленосы.

Сутра пораньше за мной пришли два вежливых охотника, присланных вождём, дабы я осмотрел причитающуюся мне соль и назначил время начала обряда очищения. Очень уж вождь хотел нас поскорее отправить из племени подальше. Тут наши желания полностью совпадали.

Я уже был в курсе что, поход в целом прошел успешно. Соли принесли не мало, и мне и себе с запасом. Ну, и хорошо.

Когда я подошел к чуму вождя, там присутствовал он сам и трое его приближённых. А вот шамана, что интересно, небыло.

– Хао Горький Камень. – С постным лицом поприветствовал меня вождь.

– Хао вождь Острый Рог.

– Вот – он указал рукой на десять котомок с солью – горький камень, который нужен тебе для обряда. Посмотри, подойдёт ли он тебе.

Я развязал горловину у одного из мешков. Чтож, охотники явно постарались, не без мусора конечно, но значительно

более чистая и крупная соль, чем я видел до этого. Не знаю пропорции, которая останется после очистки, но даже если процентов пятьдесят будет, это уже килограмм сто. Хватит на все мои нужды.

– Я доволен вождь, это то, что нужно.

– Скажи, когда ты проведёшь очищение и что, для этого тебе нужно?

– Ах, молодость, молодость! Всё торопиться, всё спешит. Нет бы посидеть со стариком, поговорить. Рассказать как сходили, что видели, как твоё здоровье, как твои женщины?

– А что, тебе до моего здоровья и женщин – насупился вождь.

– Ну, как-же, как-же, такой молодой – и уже вождь! У могучего вождя должно быть могучее здоровье и много красивых женщин – вот как у тебя, Острый Рог. – Принялся я заливать патоку в уши настороженно смотрящему вождю. – Уж не знаю, чем ты так на меня обижен, а вот я тобой удивляюсь и где-то даже – восхищаюсь. Что бы править таким большим племенем, нужно быть не только отличным и удачливым охотником но, и мудрым человеком. – «Ага, забирает» – промелькнуло у меня в голове, глядя на слегка расслабившегося вождя, который с самодовольной рожей стал поглядывать на своих подпевал. – Не много я видел таких молодых и таких достойных людей как ты, Острый Рог.

– Не скрою, приятно услышать такие слова от такого Большого шамана как ты, Горький Камень – вождь слегка поро-

зовел и совсем «поплыл» – и кто тебе сказал, что я на тебя за что-то обижен. И вообще, что мы стоим тут. Давай зайдём в чум, посидим, поедим мяса, поговорим.

– Ну, если ненадолго. Как бы нехотя согласился я.

Помимо такого же душного запаха, как и у шамана, тут сразу было видно что, это жилище охотника. Много оружия, в основном копья и дубины, несколько плохеньких дротиков и даже пресловутый каменный топор, шкуры, ещё какой-то скарб, плохо различимый в полумраке. Посреди совсем маленький костёр, чисто символический. А ещё, в чуме находились три женщины, или скорее девушки и, что для меня оказалось большим сюрпризом, они были практически голые. И вполне так ничего, симпатичные. Меня потом Хатак просветил, оказывается это вполне себе норма, в тёплое время, внутри жилища, женщины так и ходили. И насколько знает Хатак, так было практически у всех. Однако, наши далёкие предки были бо-ольшие эротоманы.

Когда мы все расселись, я с одной стороны, вождь со своими молчаливыми приближёнными, с другой, женщины тут же протянули всем по хорошему куску жареного мяса.

– Благодарю вас красавицы, и тебя вождь за угощение но, вынужден отказаться. Скоро сложный магический обряд и мне нельзя перед ним есть. Надеюсь, я не обидел тебя, сам понимаешь – магия...

– Понимаю, понимаю –вроде как и правда что-то понимал, закивал головой Острый Рог – Так что нужно уважае-

мому шаману для обряда.

– Когда Дневное Око станет высоко нужно зажечь два костра напротив друг друга, котомки с горьким камнем нужно положить на расстоянии перед кострами. По руке котомок с каждой стороны, я покажу как. Люди будут проходить меж ними и касаться их, тем самым снимая с себя следы Хатака, а потом будут проходить меж костров. Я буду смотреть через огонь, не осталось ли на ком остатков. Все достаточно просто. Я надеюсь, ты объяснишь людям племени, что нужно делать. Чем быстрее мы проведём обряд, тем быстрее уйдём и уведём за собой дух Длиннолапого.

– Конечно, не беспокойся Большой шаман, я всё сделаю.

Тут, одна из девушек сидящих за спиной вождя, навалившись на того не маленькой грудью, что-то быстро зашептала ему на ухо. Я только едва разобрал слово – «спроси». Вождь недовольно скривился и хотел было отмахнуться от неё, как я его опередил.

– Ну, ну, вождь. Не стоит отказывать таким хорошеньким женщинам в маленькой просьбе.

– Водяной Цветок хотела спросить, что это у тебя в ухе.

– Это называется – серьга. Её носят шаманы и воины моего народа.

– Только шаманы? – пискнуло из-за спины вождя.

– Такую – да. Но вообще-то, у моего народа много разных украшений. Особенно женских.

– Женские украшения это что? – раздался другой девичий

голос.

– О, это так сразу и не расскажешь. Есть например бусы, это такие красивые шарики на шнурке которые носят на шее. Или вот кольцо... – Я слегка развил тему кулонов, браслетов, подвесок, фибул и пуговиц, с удовлетворением наблюдая искреннюю заинтересованность, хотя они и старались не подать вида, мужской аудитории, а про женскую вообще молчу... – В общем, на девушках смотрится очень красиво. Самто я делаю только некоторые украшения, но возможно следующей весной, я думаю, поменяю несколько из них на хорошо выделанные шкуры или на тот же горький камень. – Закончил я.

О как горели глаза жен вождя! Они хотели, они желали, они жаждали – уже скорее, немедленно, сейчас!

Кирдык тебе дядя – перед этими тремя острейшими пилами тебе не устоять, какой бы ты ни был дубовый. Ты у меня со всем мужским населением племени за бусы да серьги всю жизнь будешь соль таскать. Женщины, за милые их сердцу побрякушки на такое способны.... Однако, усилим и твою заинтересованность, дружок.

– Я знаю что, тебе вождь, очень нравится моё Большое Копьё.

– Не буду скрывать, это так.

– Понимаю, любой охотник хотел бы обладать таким сокровищем. Но увы, этим копьём может владеть только сильный шаман, оно создано специально для меня. Наконечник

сделан из очень редкого камня – железо. Мой народ умеет добывать такой камень и изготавливать из него очень хорошее оружие. Я тоже кое-что умею но, я не знаю где здесь найти железный камень. Если я когда-нибудь найду его то, возможно, и у тебя вождь будет что-то подобное.

– Как можно найти этот камень? – бедный малый аж подался вперёд.

– Это непросто. Скорее всего, такой камень есть в горах. Рано или поздно я буду искать его там.

– Мои охотники могут помочь тебе в этом?

– От помощи не откажусь, но это будет не скоро. Я вижу, ты слегка расстроен, а знаешь что, у могучих вождей моего народа есть специальное Копьё Вождя. Его делают из бивня большого зверя ходящего по степи. Этим копьём не охотятся, не сражаются с врагами, оно как бы говорит остальным вождям и их охотникам – «Посмотрите как могуче и удачливо моё племя что, даже мне, вождю нет необходимости пользоваться этим прекрасным копьём». С такими копьями наши вожди ходят на Большой Костёр, на совет вождей и вообще на все значимые мероприятия. Если бы у меня был бивень, я мог бы сделать тебе такое копьё, но...

– Я дам тебе бивень Великий шаман! – не дал мне закончить Острый Рог.

– Тогда ты дашь ещё и человека, который донесёт бивень до места, где я буду жить, заодно будешь знать где это.

– Хорошо, я дам тебе самого сильного охотника, но когда

у меня будет Копьё Вождя?

– Следующей весной, в это же время готовь столько горького камня, что и сейчас и у тебя будет это копьё.

– Следующей весной две руки котомок с горьким камнем будут ждать тебя, Большой шаман.

«Ну а теперь пора подложить свинью тёплой дружбе между Полозом и Острым Рогом».

– Теперь я хочу, что бы нас оставили вдвоем, вождь. Я подарю тебе могучий шаманский амулет.

Не успел я и глазом моргнуть, как все лишние вылетели от напутственного слова вождя, на улицу.

С детским ожиданием он уставился на меня, и я не стал долго томить.

– Смотри! – я достал обычную зажигалку – Это могучий амулет шамана, в нём живет дух огня. Я чиркнул и язычок пламени озарил полумрак чума.

– Ого! – вырвалось у вождя.

– Теперь смотри, как это работает. – За несколько минут я провёл ликбез. Ничего, обучаемый мальш.

– Запоминай, вызывать духа огняможно только два раза, когда ночное око нарождается и когда начинает убывать. Всегда носи с собой этот амулет и ни кому его не давай, даже посмотреть! – вождь кивал головой как маленький ребёнок – Особенно не давай шаману Пёстрому Полозу. Он будет просить, рассказывай страшилки, может даже угрожать – не давай. Если отдашь, даже случайно, дух огня может обидится

и забрать с собой твою удачу. Понимаешь меня?

– Я всё запомнил, Великий шаман, ни кто не получит амулет огня, никогда.

– Ты молод, но мудр, Острый Рог, мне вообще думается, что нам нужно дружить. Я много знаю и умею, что даже и не снилось Пёстрому Полозу. Ты вождь сильного племени, я – Великий шаман, как думаешь, э?

– Я полностью с тобой согласен Горький Камень, авторитетным людям нужно дружить.

– Значит я могу рассчитывать на тебя, Острый Рог и на твоё племя?!

– На меня и на моё племя, Великий шаман, ты всегда можешь рассчитывать...

Дальше был обряд очищения. Цепочка слегка напряженных людей шла мимо котомок с солью, касаясь их рукой, и проходили мимо двух костров, после которых сидел я, великий и ужасный, с насупленными бровями. Кивком головы я подтверждал, мол, с вами всё хорошо, свободны. Лишь редко, по знаку Хатака я говорил отойти в сторону некоторым охотникам. После того как прошли абсолютно все, я в месте с вождем и шаманом, подошел к взволнованным мужикам, среди которых лишь Хват был совершенно спокоен.

С озабоченным лицом, я быстро навешал лапши, что именно с этих охотников не все метки убраны, им необходимо более плотный контакт с солью, причём длительный, и

тут же двинул «гениальный» план. Дабы отвести угрозу от племени охотники возьмут котомки на спину, и слегка проведут... прямо до места, где я ещё раз проведу обряд и отпущу благословия обратно. Ведь мудрый вождь не против, он же заботится о своём племени. Мудрый вождь был совершенно не против. А мудрый шаман? И он – за? Вот и отлично! Ну, и охотники, тоже – за. Им вообще деваться некуда.

Полчаса назад ушли сопровождавшие нас люди. Я стоял на краю каменного обрыва, с которого открывался шикарный вид на огромную, действительно огромную реку. Визуально её ширина километра два. Хатак сказал что, это и есть, Большая река. Хм, Большая река – это ни о чём, безликое усреднённое название. Такие реки должны иметь собственные имена. Я буду называть её – Волга! Великая мать и кормилица цивилизаций. Не знаю, действительно ли это Волга, и вряд ли узнаю, но этот могучий поток заслуживает такого гордого названия.

Три дня назад, утром, мы добрались до места, где нам предстоит жить. Дошли без особых проблем. Причём последние пол дня шли в основном лесом. Не смотря на то что, сейчас большинство крупных хищников промышляют в степи или возле её границы даже не представляю, как бы я пробирался с детишками один, зверья хватало и тут. Лес был разный, местами смешанный, местами попадались различные рощи. Берёзовые, еловые, высокие и прозрачные рощи

корабельной сосны, заросли орешника. Многие деревья мне были знакомы, а ещё немало тех которые я опознать не мог.

Место, куда нас привёл Хатак, было практически идеальным, сам бы я такое мог искать до морковного заговенья. Каменный порог, метров десяти, на котором я сейчас стоял круто обрывался к куску земли, зажатому меж трёх рек. От обрыва до Волги расстояние было где-то с километр, слева протекала неширокая, метров тридцать, быстрая река, впадающая в Волгу. Берега её заросли густым смешанным лесом. Справа, Волга принимала ещё одну реку, ту на которой выше по течению стояло, в данный момент, стойбище Правильных Людей. При впадении в Волгу она образовывала огромный затон. Его берега покрывали непроходимые заросли лозы, а прибрежная зона заросла камышом и тростником. Его серый, прошлогодний ковёр покрывал многие и многие десятки метров пространства. Огромные локальные участки этих зарослей виднелись то тут, то там по всему затону. Мне даже страшно представить, сколько рыбы должно тут быть! А водоплавающая птица просто кишела.

Между затоном и маленькой речкой расстояние было где-то метров восемьсот. В результате я имел неровный квадрат приблизительно километр на километр. Правда вода в Волге видимо ушла ещё далеко не вся и береговая линия пока была неясна, зато очень ясно был виден уровень, до которого доходила паводковая вода. Чёткий порог метрах в ста от подножия обрыва, который река сформировала приходя

и уходя многие столетия, и похоже дальше этого порога она поднималась редко. Так что, если поставить жильё поближе к каменному выходу, который находился значительно выше порога то, ни какая половодка угрожать не будет, и такое место есть. Но самое главное что, всё пространство от порога и до Волги, от затона и до маленькой речки, по сути, заливной луг. Врываясь, во время паводка в Волгу, большая река уводила стремительные воды в сторону образуя огромный, неспешно и плавно кружащий водоворот, где лёгкие частички ила медленно опускались на этот участок земли. По чуть-чуть. Из года в год, столетие за столетием, тысячи лет. Эту землю на хлеб можно вместо масла мазать. Так как удобряет река, ни одни удобрения, простите за тавтологию, не удобряют. Метрах в ста от границы паводка находились три огромные лужи, идущие последовательно, вероятно это некие неровности в почве заливающиеся по весне. По прошлому опыту знаю, в таких лужах после ухода воды остаётся много рыбы, и судя по тому количеству разнообразных цапель промышляющих на их берегах – это так. На остальном пространстве заливного луга находилось около сотни кривоватых деревьев, стоящих по раздельности. Сам же каменный обрыв состоял из той же породы красноватого камня, который так любезно расслаивался на бруски и плитки разного размера и толщины, а вершина каменного порога покрывал лес из корабельной сосны, от речки до речки и на многие сотни метров вглубь. И последняя плюшка заключалась в том,

что, пройдя вчера вдоль стены выступа, мы наткнулись на естественную нишу, или карман, будто специально сделанный, что бы мы в ней поселились. Я даже шагами измерил, по грубой прикидке получилось метров тридцать в глубину и метров пятьдесят в ширину. Постав жильё в этом кармане оно будет защищено с трёх сторон, а с четвёртой можно отгородиться, например, плетнём и будет нам счастье. Ниша находилась метрах в ста пятидесяти от маленькой речки, за водой не набегаешь. Зато где-то метрах в пятидесяти из каменной стены были выходы воды, к сожалению не единым источником, так бывает, на протяжении нескольких десятков метров влага сочилась с разной степенью активности. Где-то просто тихо струилась по камням, где-то только капала, посильней или потише, половина уходило в землю остальное собиралось в невеликий ручеек, который уходил к заводу. Ничего, я тут начерно прикинул, соберём все капельки в желобочки, да и перенаправим русло ручья в нужную сторону. Поработать конечно придётся, но не для дяди делать будем, для себя.

И всё это вместе, даже не рояль в кустах, это целый симфонический оркестр. Слава Хатаку, лучшему знатоку окрестных ништяков и плюшек.

Я стоял на краю обрыва и наслаждался великолепным зрелищем открывавшемся передомной. Последние спокойные минуты перед долгой и напряжённой работой. Нет, она не пугала меня, наоборот, кровь бурлила и играла в моих венах,

словно мне снова двадцать лет, и весь мир у моих ног. Я нашел место для дома. Эта страница дописана, пора её перевернуть и начать писать новую.

Гл. 6 Дом

Меня всегда удивляло, когда в книгах герои всё время куда-то бегут, что-то делают, причём всё это во временном цейтноте, с предельным напряжением сил, быстрее, быстрее, ещё быстрее, не едят, не спят – ужас. А что самое интересное реальная жизнь изобилует примерами такого подвига, трудового, военного или интеллектуального но,.. в отличие от книжек, такое напряжение сил никогда не проходит бесследно. У нас и слово такое есть – надорвался. Конечно, если ситуация стоит или-или, нужно вкалывать на износ, во всех остальных случаях, сколь неважна была б работа, торопится нужно не спеша. И это я говорю не потому, что я лентяй, а потому, что человек продуктивно и созидательно может трудиться непрерывно шесть-семь часов в сутки, это медицинский факт. Нас так природа создала. Конечно, человек может работать гораздо больше, хочешь десять, хочешь пятнадцать часов, только нормально работать все равно получится те же шесть-семь часов.

Нам предстояло сделать так много, что и представить страшно. Угробить двух стариков и двоих детишек – просто, а вот как умудриться распределить усилия, чтобы и сделать побольше и здоровье не потерять, хорошо думать надо. Ну, как говорят – глаза боятся, а руки делают.

Пока определил два генеральных направления – жильё и

огород. Быстро поставили два временных, но добротных шалаша. Каркас связали из жердей и перекрыли многократными слоями прошлогоднего камыша, получилось вполне качественно и надёжно, и как показало дальнейшее, и не дует, и не промокает. Соорудил круглый очаг из красных камней. Ну что за материал – просто песня, конструктор лего какой-то! Сиди да подбирай один к другому, и его тут – город построить можно. Теперь ещё посмотреть, как он реагирует на цикл нагрева-охлаждения, и если хотя бы нормально то, это готовый материал для печи. Сидели, в основном на рыбно-мясной диете. Старый и молодой охотники ходили на зверя, не пуганый он тут, а я, естественно обеспечивал рыбой. Я даже до речек не ходил, прямо из луж черпал, даже скучно. Но вот погоди, сделаю лодку, уж я займусь серьёзной рыбой. Мне, конечно, не хватало «травы», всё-таки человек моего времени её много растительной пищи потребляет, но остальных всё устраивало более чем. Вообще жидкие, наваристые бульоны, мягкое варёное мясо и рыба благотворно подействовали не только на детей но, и на Хатака. Грызть некомплектными зубами жареное мясо, ещё то – занятие, а тут такая радость для желудка. Такая в нём бодрость прорезалась, этот старый по нашим меркам – далеко не старый, ещё повоюет.

Лисёнок с Белкой вообще ожили, наконец, их растущие организмы стали получать так необходимые калории. Впрочем, на аппетит тут ни кто не жаловался. Особо не форси-

руя, все начали изучать русский язык, и получалось совсем неплохо. Что бы слова не расходились с делом, показал Хвату и детям несложный комплекс растяжек и несколько силовых упражнений, которые они с энтузиазмом проделывали утром и вечером. Так же, по чуть-чуть, они тренируют навыки метания дротиков, боло, стрельбы из пращи, которую я изготовил и показал как пользоваться.

Хват с детьми производил вскопку огорода на ближайшем участке пригодной земли метрах в семидесяти от кармана. Золото, а не работники. Сказал копать вот так, Хват так и копает, сказал ребятам собирать за ним все камушки и корешки, они своими ловкими пальцами, будто через сито землю пропускают.

Мы с Хатаком строим дом. Точнее полуземлянку. От деревянного сруба, по зрелому размышлению я отказался. Теорию то многие знают, но тут теории маловато, практика нужна, а здесь я ни разу не специалист. А вот полуземлянки, разных типов, я повидал немало. И их описание, как предки делали, и реконструкции, однажды и вовсе участвовал в постройке такой землянки вместе с одним из московских клубов. Так что, опыт имеется, тем более мы творчески разовьём и доработаем известные образцы. По моему проекту наше жилище будет выглядеть так. Выкопаем яму шесть метров на четыре и полтора в глубину, наклонный вход на котором будет лежать массивная деревянная лестница. Как показала практика, глиняные порошки, как их не укрепляй, от частоты

го хождения все равно разрушаются. На расстоянии полутора метра вкапываем опоры, две на входе, две в центре, и две возле задней стенке, высота, два с половиной метра, на них кладутся продольные балки. По периметру ямы ставим плетень метровой высоты, через полметра ещё один такой же. Промежуток забиваем саманной глиной, ею же обмазываем плетень. В углах плетня ставим метровые опоры и кладем балки по тому же принципу что и в землянке. От центральных стоек делаем угловые откосы. Пилим, нужной длины брёвна, раскалываем их вдоль и укладываем на балки колодой стороной вниз, так чтобы нижние концы выходили на метр дальше плетня. Вся конструкция собирается в паз и крепится на чёпиках. Крыша обмазывается той же саманной глиной и покрывается матами из тростника и камыша. Внутрии, вдоль стен ставим плетень, промежуток меж ним и стенкой набиваем опять же камышом, и стенка не осыпается и изоляция замечательная. Пол укладываем плитняком на жидкую глину, высохнет, не разобьёшь. Складываем печь, делаем на опорных балках одну длинную полку, изготавливаем необходимые мебели и... вуаля! Правда просто? На словах за три минуты уложится можно! Проверим, как оно в жизни получится. Ещё планирую сделать небольшой ледник, по такой же, но более упрощённой схеме.

Вот и копаем мы с Хатаком полегоньку, с утра до вечера. Со всеми остальными неотложными делами на штык лопаты, максимум, в день грунт снимаем. Дней за десять, даст

бог, выкопаем. Почва тут, у каменного выхода, красная глина, насыщенная крупнозернистым песком и камнями. Увы, горшки делать из неё не выйдет, но для остального подойдёт вполне.

По вечерам у нас кружок «очумелые ручки». Я, например, изготавливаю простейшие измерительные приборы. Большой деревянный циркуль, линейки, в один метр и в тридцать см. Простейшие весы, благо все блёсны и свинцовые грузила имеют весовую маркировку. Дети помогают мне, а Хват Хатаку. Старый охотник делает, под моим чутким руководством, дротики. Сам, от наконечника до оперенья. Мелкая моторика у старика великолепная, у меня такой точно нет. Скупые точные движения, без суеты, с огромным терпением. Мне лишь остаётся пояснять каким инструментом и как лучше сделать. С какой любовью и трепетом он пользуется моим инструментом. Еще бы, только тот, кто всю жизнь сверлил в камне дырку палкой, воистину оценит, что, такое – сверло! Ну и как я уже сказал, Хват на подхвате.

И конечно, каждое действие, каждый инструмент или предмет, каждое моё объяснение порождает новые вопросы. Вопросы, вопросы, море вопросов. Как замечательно, должно быть, доморощенным гуру которые, сотрешенным лицом изрекает мутно-невнятные истины, а благоговеющая паства внимает ему. Один, сам не понимает, что за хрень несёт, другие делают вид что понимают, что за хрень он несёт. Полная гармония. Тут же, необходимо объяснить всё доходчиво, а с

языком то проблемы.

А вообще, я поступаю довольно эгоистично, исподволь формирую духовное и социальное поле в котором мне комфортно было бы жить. Разговоры часто заходят о высоких материях. Смешно, да? Первобытный охотник размышляет о духах, о природе явлений и собственном месте в этом мире! А вот и нет! Это мы, там, в далёком будущем, оторвались от реальности, практически потеряли связь с природой, создали себе проблем на ровном месте. Нам некогда заниматься духовностью, мы бизнес делаем. А Хатак думает! Его жизнь зависит отдухов – благосклонны они сегодня или нет, от природы – что, там гремит и сверкает в небе? К добру, к худу? Как обрести удачу инепотерять её?

Понятно что, беседуем я да Хатак, а остальные слушают да на ус мотают. И слушают внимательно. Вот я и сочиняю миф о тех законах и мировоззрении, по которым живёт мой народ, а точнее, я хотел бы что бы так жил мой народ. А хуже всего, я и сам не очень хорошо понимаю, чего я хочу. Одно утешает, чего не хочу, я понимаю намного лучше.

Верю ли я в бога? Как в некую сущность породившее всё в этой вселенной – да! Как в дедушку с добрым лицом и белоснежной бородой – нет. Верю ли я, что всё движется волей его – да. Верю ли, что следит он за делами нашими и посылает испытания по силам нашим – абсолютно не верю.

С заповедями ещё сложнее. Не укради – однозначно согласен. Не сотвори себе кумира – поддерживаю. Почитай от-

да с матерью своих – очень хотелось но, неоднозначно. Знаем мы, какие бывают отцы с матерями. Я убеждён, уважение детей ещё нужно заслужить родителям, как бы не странно это звучало для некоторых. Не возжелай ни имущества, ни жены, ни т. д. ближнего своего? Желать имущество и т. д. ближнего своего это понятно, это – зависть и жадность. А вот с женой, вопрос не так прост. Если кто-то кого-то желает, да ещё по обоюдному желанию, тут даже боги бессильны. Поэтому я бы сформулировал иначе. Не возжелай ту, которая не хочет, что бы ты её желал. А в целом, не возжелай того, чего ты не достоин. И наконец – не убий! Здорово! Классно! Сам подпишусь тысячу раз под этой заповедью но.... Но как не убить, когда к тебе в дом пришел человек, что бы ограбить тебя, изнасиловать твою жену, и убить твоих детей! КАК!!! В многоголосом слитном хоре церковников нет внятного ответа на этот простой вопрос. Лишь трудно воспринимаемый бубнёж о милосердии, о всепрощении, о законах божьих. Нас всё время призывают жить по законам божьим, а мы всё время соскальзываем на законы человеческие. В результате живём и ни по тем и ни по другим. Может нужно придумать правильные Законы Человечьи, да и жить по ним, и оставить, как говорится, «Богу – богово, а Кесарю – кесарево» ?!!

Хват, освоившись, копает как трактор, если его не остановить он всё взроет, до самой Волги. Если с картошкой, огурцами, в общем, и с остальными культурами боле-мене что, делать мне понятно. А вот пшено как сажать неясно. Насы-

пал в борозды, посмотрим, что выйдет.

Торжественно провёл посадку картошки. Порезал её по глазкам дабы увеличить посадочный материал. Погода шепчет, пошли в посадку чеснок, подсолнух, кукуруза, горох всё на своих отдельных, отмеченных, делянках. В общем, каждому овощу свой срок и место.

Вдруг нарисовалась непростая проблема. Девочка Лисёнок неожиданно, для нас взрослых мужиков, стала девушкой. У неё настали критические дни, а у меня грандиозная головная боль. Хатак – жужелица подкоряжная, ушел в глухой отказ, мол, ни чего не знаю, ни чем помочь не могу. Хвата тоже спрашивать смысла не было. Единственно, они дружно родили мысль, что обычно женщины проводят по этому поводу какой-то свой обряд, какой, понятно, не знают. И вообще – ты у нас Большой шаман или кто? Вот ты и думай!

Что тут думать – трясти надо! В смысле, обряд придумать.

Сама девочка была не столько напугана произошедшим с ней, сколько расстроена. Кое, какие представления о, так сказать, процессе она имела, что делать, как делать. Хоть здесь мне было полегче. Тут, оказывается, о таких вещах девочкам рассказывают заранее, хотя и не говорят от чего и почему, уверен сами не знают, но что за этим следует – прощещают. Лисёнок сильно переживала о том, кто же проведёт обряд, женщин-то нет.

– Ну, малышка – я присел на корточки перед нахохлив-

шейся как воробышек девочкой – не будь такой грустной.

– Как же так, дядя Пётр? – она подняла не меня жалобный взгляд – А как же обряд, а взрослое имя?

– Всего-то! Может ты забыла, но вообще-то я – Великий шаман Горький Камень! Я сам проведу и обряд, и имя дам.

– У нас обряд проводили старшие женщины, и имя тоже давали они.

– Ты знаешь как он проходит?

– Нет, нам об этом не говорят.

– И очень хорошо! – обрадовался я – Зачем нам обряды чужого племени. У нас и свои есть.

– Правда! – Лисёнок несмело улыбулась – И имя дашь?

– Я дам тебе самое красивое имя.

– Спасибо, дядя Пётр – она доверчиво прильнула ко мне

– Ты, самый добрый шаман которого я знаю.

Я гладил Лисёнка по спутанным и грязным волосам. Нет, пора уже с этим рассадником вшей что-то делать, да и с этими обносками тоже – подумал я.

– Дядя Пётр – спросила вдруг девочка – а твой обряд сильно страшный?

– Почему ты так спросила – удивился я.

– Прошлой осенью одна из девочек после обряда умерла.

«Опа, это чтож такое они там делают?»

– Ну, что ты! Мой обряд совсем нестрашный. И от него, уж точно, ни кто не умирал.

– Это хорошо. – Облегчённо вздохнула девочка – А когда

ты его проведёшь?

– Через десять дней. – я показал десять пальцев – Сама понимаешь, это дело ответственное, нужно подготовится как следует. – Коварный план как убить несколько зайцев сразу, во время обряда, уже почти созрел в моей голове. Теперь дело за малым – всё сделать правильно.

Без отрыва от «основного производства» как правило, ближе к вечеру, когда и Хват, и дети усердно выполняли нехитрые упражнения на силу, ловкость и растяжку, дабы не светить мои приготовления к «обряду», я, ну и Хатак, куда без него, делал кое-какие интересные штучки для Лисёнка. Сначала сделал гребень из бивня мамонта, небольшой, с удобной ручкой со сквозным узором из хитрых завитушек. К нему чехольчик из кожи на специальном шнурке-подвязке. Разобрал и немного переделал две одинаковые вращающиеся блёсенки, с хромированными овальными лепестками, застёжки сделал из крупных рыболовных карабинчиков. Получились оригинальные серёжки, которые при покачивании испускали тихий и мелодичный звон. Хатак мастерски изготовил кремневый нож. Острейшее, сантиметров десяти, лезвие вставили в костяную ручку и надёжно там закрепили, ну и ножны соответственно. Ещё я приготовил неширокий, но прочный пояс с простой костяной пряжкой. Простой для меня, а по сейчаснем временам жуткое ноу-хау. Также я пришил к поясу несколько костяных колец, что бы было удобно подвязывать различные мешочки, тот же нож

или гребень, например. Хатак, внимательно осмотрев готовый пояс, пожевал губами и оч-чень пристально посмотрел мне в глаза.

– Понял старый, – поднял я ладони вверх – следующий пояс твой.

И уже после мелочевки приступил к изготовлению одежды по меркам, которые я снял с Лисёнка заранее и которые записал угольком на куске бересты.

За основу, так сказать, нижней части костюма я взял принцип североамериканских индейцевс их легинами, которые, в моём варианте, подвязываются к мягкому поясу с боку ноги. Пояс составлял одно целое с передником и задником доходящих до середины бедра, низ которых я украсил бахромой. В общем, стало жарко, отвязал легины и бегай в набедренной повязке, похолодало – подвязал и уже в штанах. А с нижним бельём потом как-нибудь разберёмся. С внешней стороны легин вставил вставку со шнуровкой на всю длину ноги, на вырост. Курточка достаточно простого, но удобного кроя длинной до начала бедра, спереди небольшой запах с аккуратными петельками и костяными пуговичками. С боков также вставки на шнуровке. Рукава подвязываются отдельно, как в средние века, и тоже со шнуровкой по всей длине. Этакий костюм-трансформер, вся замша ушла, и ни жаль ни разу. Все швы прошитыжилами с помощью ковырка, а кое-где, для красоты, крестовым швом с помощью кожаного ремешка, да плюс бахрома местами. Кстати, одинарный ре-

мешковый шов тут известен, но и только. Хатак, внимательно наблюдавший за мной и ощупывающий готовые швы, наконец, сделал вывод.

– Так вот как сшита твоя одежда!

– Ну-у, приблизительно где-то так. – Не стал я углубляться в технические дебри швейной машинки.

После этого Хатак, потребовав с меня ковырок довольно неплохо, а что там сложного, сшил пару кожаных мешочков. Изучив результат, и удовлетворённо покивав головой, он глубокомысленно произнёс.

– Нам потребуется много хороших жил.

– А есть где взять?

– А как-же! Неплохие жилы у оленя, у волка получше но, самые лучшие у Мохнатого Большезуба.

– Это у мамонта чтоль?

– А кто это мамонта?

– Мамонт – так зовут у нас огромного зверя, который ходит в степи и у которого изо рта торчит вот это. – я постучал по бивню.

– А-а! Нет – это, Великий! Мохнатый Большезуб похож на него но, намного меньше. Он живёт в лесу и редко выходит в степь. А ещё его зуб меньше и пустой изнутри.

«Волосатый лесной слон? В эпоху мамонтов? Я что-то «прогулял» по зоологии? Очень интересно!»

– Вы охотитесь на таких Хатак?

– Бывает, но не часто. Очень тяжело и опасно.

– А на Великого?

Хатак посмотрел на меня весьма иронично

– И как ты себе это представляешь?

– Как же... – я слегка растерялся. А древние рисунки, где первобытные охотники охотятся на мамонтов? А кости мамонтов в стойбищах? Или это всего лишь ритуальные рисунки, или это рисунки того же Мохнатого Большезуба?

– Иногда, – не дождавшись от меня внятного продолжения – когда Великий становится слишком стар, и готов уйти в земли предков, он позволяет забрать охотникам своё могучее тело. А ещё бывает, что Великого могут сильно ранить и тогда, если повезёт, мы тоже можем забрать его тело. Но это совсем-совсем редко. Неужели в твоей земле кто-то специально охотится на Великого?

– Нет. – честно соврал я – На мамонтов у нас точно не охотятся. А вот на Мохнатого я бы посмотрел, такие у нас точно не водятся.

– Обязательно посмотрим, – закивал головой старик – а может и не только посмотрим.

Вот такие интересные разговоры случаются у нас постоянно.

А ещё я сшил Лисёнку обувку. Два слоя толстой кожи, передник и задник отдельно, короткая шнуровка – вполне симпатичные мокасины, лёгкие и прочные. Короче подготовился.

Ранним утром, когда солнце только-только встало, я привел девочку на небольшую полянку возле меньшей речки, где жарко горел большой костёр. Ещё тамнаходился совсем маленький шалаш, по деревянному каркасу толстый слой камыша, типа вигвама, на пару человек максимум, в котором стояло ведро полное раскаленных камней нагревавшее внутреннее пространство до вполне серьёзной температуры. Аналог «индейской бани».

– Молчи! Делай, что я тебе говорю, и ничего не бойся! – Сказал я Лисёнку. На что она кивнула с серьёзным и сосредоточенным видом.

Раздев и посадив её на пенёк я срезал её космы по плечи, ибо даже то, что осталось, расчесал с большим трудом. Потом вымыл голову горячей водой с простым мылом. Да-а уж, вот где грязь.

Засунув девочку в «баню» строго наказал.

– Сиди тут. Дыши носом. Как начнёшь потеть счищай с себя грязь скребком – всунул ей в руки маленький деревянный скребок и подмигнул – Терпи малышка, от этого ещё ни кто не умирал.

Вытащив, через некоторое время, её из шалаша обмыл тёплой водой и засунул обратно, что бы ещё посидела при сухом паре. Затем накидав в ведро «свежих» раскаленных камней я поинтересовался.

– Как ты?

– Терплю. – выдохнула она.

– Ну, потерпи ещё чуть-чуть. Сейчас самая веселуха будет. – И плеснул на камни из кружки настоя из сосновых веток. Если бы Лисёнок могла себе позволить выскочить – она бы выскочила, но прервать обряд Великого шамана...! Впрочем, долго «парить» я её не стал, зато как только извлёк наружу, коварно опрокинул ведро холодной воды на её голову. Вот тут она дала визгу... у меня аж уши заложило. Посадил на пенёк, что бы пришла немного в себя, парная это такое дело – особенно в первый раз!

Потом тщательно вымыл Лисёнка со всякими шампунями, ещё один удар по всякой нехорошей живности, а когда вытер полотенцем то, оказалось, что у меня не нечто, серо-землистого цвета с грязной паклей на голове, а вполне розовый ребёнок с огненно-рыжими пушистыми волосами.

Затем было одевание, с подробным объяснением, что, куда, зачем и как. Девчонка в шоке, всё ощупывала и оглядывала себя, не веря в такое счастье. А подарки? Такого чудесного ножа у неё небыло никогда, да что там нож, гребень – вот это чудо!

– А теперь, – когда она немного подуспокоилась объявил я – девочка Лисёнок, ты получишь новое имя.

Я возложил руки на голову моментально притихшей девочки, и торжественным голосом произнёс.

– Я, шаам Хори Каман, великий и ужасный нарекаю тебя дитя, отныне и вовеки веков, взрослым именем – Соле. Что на моём языке означает Солнце, а на языке Правильных Лю-

дей – Дневное око. Ибо цвет твоих волос сияет и горит как оно – и я указал на солнце. – Да будет так! Я сказал!!!

У Соле, теперь уже Соле, из глаз, беззвучно, текли ручьи слёз.

– Спасибо Великий шаман, спасибо.

– Ну-ну, маленькая моя, я тут для чего на тебя столько шампуня перевёл, что бы ты с зарёванным лицом ходила? – Я усадил её на пенёк и раскрыл ладонь, на которой лежали серёжки. – Вот смотри. Хочешь такую красоту в уши?

Слёзы высохли моментально.

– Очень хочу!

– Но для того чтобы их вставить, уши нужно будет проколоть, а это очень больно.

Девочка недоумённо похлопала на меня своими зелеными глазищами. Отказаться от такой красоты из за какой-то там боли? Дядя Пётр наверно шутит?!!

– Мдя! Понятно!

Ладно, спирт, иголка, немного крови и... мои импровизированные серьги в ушах Соле. Даже не пикнула. Только всё время косит глазами пытаюсь разглядеть «страшную красоту». Пришлось достать зеркальце под видом жутко таинственного и магического шаманского камня. Опасался, может испугается или ещё чего? Вот именно – ещё чего! Напугалась она – держи карман шире! Это вам не Пёстрый Полоз! Это истинная женщина, маленькая, но женщина. Вцепилась и смотрит. И так, и эдак, и снова так.

– Дядя Пётр – я красивая? – вот как вам это, а?

– Конечно! – не стал кривить душой. И правда, отмытая, в костюмчике «а-ля амазонка», ярко-рыжие волосы, зелёные глаза – кукла, право слово! – Но, когда ты вырастишь, ты станешь ещё краше. Ты будешь настоящей погибелью мужчин.

– Я красивая! – хмуря бровки и сосредоточенно глядя в зеркало на своё отражение, заявила Соле.

– Я – Соле красивая! Я – Соле погибель мужчин!

Пришлось срочно отобрать зеркало!

В языке первобытных людей отсутствуют превосходные степени. Хоровое – «Ого!!!» – слабо отразило реакцию на наше появление в лагере. Хатак только молча покачивал головой. У Хвата, реально, челюсть отпала, Белка стоял, выпучив глаза, и лишь после долгой паузы робко спросил.

– Ты моя сестра?

Ухмыльнувшись, я положил руку на плечо девочки.

– Джентльмены, разрешите представить вам достояние, и сокровище, нашего племени – Соле Великолепную!

– Опять ты Пётр со своими словечками. – проворчал Хатак – Но все же ты – Великий шаман! Да, Великий.

Я предполагал, что фееричное преобразование Лисёнка в Соле не останется без последствий но, то, что всё общество срочно потребует такого же зримогоизменения принадлежности к новому племени, я всё-таки не ожидал. А с другой стороны мне это толькона руку. Пользуясь моментом, изго-

товили более просторный шалаш для потения, и пропустил всех мужчин, и себя в том числе, через него, но в более жестком режиме. А перед этим нагнал мистической мути, мол, для того чтобы перейти из старого состояния в новое, обновится так сказать, необходимо расстаться с частью себя старого. А что можно безболезненно отторгнуть от себя? Правильно – волосы! Поэтому, наточив до бритвенной остроты сапожный нож, оболванил всех под ноль, и головы и бороды.

Шампунь сильно поубавило, зато вонь от мужиков наконец-то исчезла, а также постоянное обчёсывание от грязи и насекомых. Теперь только нужно регулярно посещать «баню» и вопрос с блохами да вшами – закрыт. Процедуры товарищи кроманьонцы восприняли стойко, хотя и без особого восторга, но... шаман сказал надо – значит надо! Ничего привыкнут потихоньку, а к тому моменту, когда у нас появится, я уверен, что-то более похожее на привычную для меня баню, я еще и идеологическо-мистическую концепцию сочиню. Типа, соединение стихий огня, воды и растений (банные настои, веники) – убивают насекомых, отгоняют злых духов болезней, дают силу и бодрость и даже лечат. И ведь, что самое интересное, ни словом не солгу!

Старые шкуры торжественно спалили. А потом на целых пять дней племя превратилось в швейную мастерскую. Сначала были изготовлены из гвоздей, чтоб служили дольше, ковырки и шила, из бивня – продёвки и иголки. Я подробно показал принцип обмера, способы и приёмы раскройки,

сшивания жилами и кожаными ремешками. Не сразу, но достаточно быстро начало получаться то, что нужно. Причём у всех. И у ребят, и у Хвата, а Хатак был вообще вне конкуренции.

В результате у всех появился комплект наподобие как у Соле, только у Хвата и Хатака бес шнуровки. А ещё Белка и Хват обзавелись короткими жилетами-разгрузками. Соле – шикарным длинным плащом с капюшоном из лисьих шкур и симпатичной сумочкой через плечо из толстой кожи. А как-же, девушка и без сумочки – это совершенный нонсенс. Мы же с Хатаком пошили себе плащи «серьёзных и авторитетных людей». Из качественно выделанной шкуры «зебробразной» дикой лошади, длиннополые, с нормально пришитыми рукавами, с капюшонами и воротником стойкой, с двумя внутренними двумя наружными карманами. Широкие полы со вставками, чтобы свободно шагалось, два ряда крупных, белых пуговиц из бивня мамонта, короче – шикарно. Даже самому понравилось, а Хатак был просто в восторге.

Хват как увидел что, получилось, глаза загорелись, было дернулся и себе такое сделать, но старый перец его сразу обломал.

– Сморкачь ты ещё. – поглаживая плащ рукой изрек он – рано тебе такое носить.

Хват тут и увял. Кстати, сморкачь – это типа что-то сопатый или сопливый. Так что, на лицо, чистая дедовщина.

Пояс Хатаку, как и обещал, сам сделал. Широкий, с кожаной аппликацией. Хотел сначала поставить пряжку от рюкзака, а потом передумал. Нужно нарабатывать умения и практику использовать подручные материалы. Тем более имеется такая чудесная вещь как бивень мамонта. Замечательный материал, прочный, хорошо обрабатывающийся, моими инструментами – делай что хочешь. Мы и делали.

Вот на пояс Хатаку я из бивня и вырезал вычурную пряжку. И Соле фибулу на плащ. В целом, все освоили принципы изготовления пряжек, пуговиц и фибул, а также как шить ковырком и ременным швом. Дальше только практика. Очень плодотворно провели время. Я доволен.

Пока суть да дело, Волга похоже вошла в свои берега, явив взору длинные каменно-песчаные отмели. Подход к берегу преграждали густые заросли лозинника. И было его много, очень много. Я когда это увидел, аж воскликнул.

– Вот же где вы – мои корзины, верши и плетни.

Надо сказать, что я ещё не видел ни одной плетёной вещи. Похоже и эта технология тут неизвестна. Никак что-то определится немогу но, мне кажется, ясовсем в очень раннее время попал. Средний палеолит, э? Или нижний? У кого бы спросить?

Короче опять потратил пару дней, показывая, как плести простейший плетень, а потом перенацелил на это дело Хвата и ребят, и они потихоньку, но качественноначали отгоражи-

вать нашу жилую зону от открытого пространства. Но прошло пару дней и пришлось разбираться ещё с одной проблемой. Когда с утра в очередной раз я «подорвался» на биологической «мине», понял что, этот вопрос нужно срочно решать, раз и навсегда. Уж извините за прозу жизни, этот важный процесс у сейчасных людей отнюдь не интимный. Отошел чуть подальше и всё. Да и что говорить про сейчас, когда в «просвещённой» Франции восемнадцатого века во дворцах на шторы ссали!

Собрал я своё племя, долго объяснял что, так мы делать больше не будем, а будем ходить в специальное место, которое построим для этого. Племя кивало головой, соглашалось но, честно говоря, по ихним глазам понял, для чего такие сложности в таком простом вопросе они так и не уяснили. Придётся более тщательно проработать мистическую составляющую этого вопроса. А это тут очень действует. Вон как ритуал умывания прижился. Даже Хатак им балуется, а про Хвата и ребят и говорить нечего. Тем более всё, что я тут не скажу, для всех остальных, пока, жуть какие сокровенные истины.

Короче, в сторонке подальше от жилья, Хват копает яму. Дети плетут стены, высотой метра полтора, а мы, с Хатаком валим сосновые стволы, пилим на нужные отрезки и раскалываем их вдоль. Делаем сбитый в паз на чёпики щит, с двумя посадочными местами. Заодно и технологию на будущее отработываем.

На глубине метр тридцать, я специально померил, Хват наткнулся на слой голубой глины. А голубая глина – это высококачественный материал для изготовления керамики. Слой нетолстый, сантиметров сорок. Я тут же кинулся к землянке, померить глубину. Если грубо, то где-то метр десять, метр пятнадцать. Неужели мы с Хатаком не дошли до глины всего-ничего? Судорожно вогнал лопату на весь штык, с трудом выковырнул грунт и... аллилуйя!!! Глина! Голубая! Вот это я понимаю – рояль!

– Да! Да! Мы теперь в полно шоколаде! Ии-и-ха!

Соплеменники испуганно заглядывали в яму, не понимая, что случилось с шаманом, что он так орёт.

– Пётр, с тобой всё в порядке? – осторожно поинтересовался Хатак.

Меня чуть на ха-ха не пробило. Ну чисто голливудский вопрос.

– Ты старый ещё спроси – не хочу ли я поговорить об этом?

– А ты хочешь? – также осторожно спросил Хатак.

Я все-таки не выдержал и рассмеялся.

Ну ты старый и даёшь, Хочу ли я об это поговорить? Конечно хочу! Ты знаешь что это – я показал кусок голубой глины – это, мой друг, ещё один камень силы.

– Что-то это не похоже на камень, э?

– О нет, мой друг, поверь, это самый настоящий камень силы. Ты сам поймешь, когда я с этой глиной кое-что сделаю.

Но не будем гнать лошадей, сначала доделаем одно, а потом возьмёмся за следующее.

Будочку доделали. Вместо туалетного папира сухой мох, длинные и густые космы которого нашли наши охотники в одном глухом и тёмном распадке. Мы туда целую экспедицию снарядили, а под это дело пришлось освоить плетение простейших корзин. Вот так, одно цепляет другое, а другое цепляет третье, но главное всё-таки торопится не спеша, чтобы не дать моим людям захлебнуться в новом знании и умении, которые будет необходимо освоить ой как много.

Глину аккуратно извлекли из обеих ям и сложили в отдельный шалаш. От дождя и солнца подальше, до времени. Ненужно сейчас расплыться, яма под землянку готова и нужно направить усилия на активную стройку. Но не успели, потому что начался вылет комаров.

Миллионы, миллиарды комаров! Какая-то казнь Египетская! Апокалипсис! Работа встала. Да что там работа – вся жизнедеятельность затормозилась! Мы сначала пытались отдымиться кострами, отсидеваясь в шалашах, на вторые сутки пришлось отступить наверх, где ветер сдувал основную массу кровососов, но и там были вынуждены просидеть в дыму костров ещё трое суток. Наконец на шестой день армагеддон пошел на спад и на седьмой день комары исчезли как будто их и не было, оставив от своих несметных полчищ только обычную вечернюю норму. Мы были сильно измучены – нас реально чуть не загрызли мелкие твари. А уж про-

коптились и вовсе, словно качественный балык. Если доживем до следующего года, к комариному нашествию нужно будет серьёзно подготовиться.

Я, Хатак и Хват пилили сосновые брёвна в размер, кололи, рубили пазы, сверлили дырки под чёпики. Мы вкапывали опорные столбы и откосы, а дети оплели стенки лозой и в нутри и снаружи. В основном сами, ну и мы помогали, но честно говоря, ребята, несмотря на малый возраст, от постоянной практики стали приличными специалистами в это деле.

Так и кружимся – работа, охота, рыбалка, готовка, вечером очумелые ручки, заодно русский язык учим. Дело идёт не шатко не валко, помаленьку. Но при общении всё чаще начинают мелькать родные для уха слова. Тут уже и на огороде ростки полезли, и там необходим пригляд, и в баньке посидеть нужно, и у костра поговорить. Бежит время.

Основную стройку закончили примерно к середине июня. Осталось дожидаться, когда высохнет каменный пол в землянке. Мы его клали на густую глину, всеми дружно отбирая самые ровные и большие плитки. Пришлось сделать пару деревянных молотков, для тщательной подгонки этого каменного пазла. Получилось очень неплохо, самому нравится! Останется навесить двери, соорудить мебели и поставить печку. Но с конструкцией печки я ещё неопределился, пока есть время, буду экспериментировать на улице.

А лето уже бушует вовсю. Я всё удивляюсь и радуюсь кли-

мату. Солнце, даже в полдень не жарит побешенному, как в моём времени, а мягко греет. Инебеса тут не разверзаются с треском и грохотом, обрушивая холодный дождь с диким ветром, а иногда и градом в придачу. Нет, грозы тут тоже весьма бурные, но... всё происходит как бы мягче, деликатней. Опять же ветер... не приволакивает, как у нас, посере́д лета колотун характерный для марта или октября, а гонит прохладу или влажное тепло. Я специально долго расспрашивал Хатака о погоде, и он сказал что, так или иначе здесь так всегда, сколько он себя помнит. Судя по климату, рай какой-то! Если бы меня пару разчуть не сожрали совершенно не райские создания – так бы и подумал. Именно поэтому все, в основном, ходили в набедренных поясах да мокаси́нах. А ещё я смастерил из бересты шляпы как у вьетнамцев, для работы в огороде. Прикольно получилось, легкие и удобные. Сначала только себе и детям, потом и охотники выпросили себе такие же. Теперь все дружно красуемся в стиле «аля мухомор». Я много времени провожу с детьми на огороде, поливая его, борясь с сорняками, попутно рассказывая, что здесь и для чего, и как ухаживать. Иногда привлекая Хвата, но редко. Они с Хатаком в основном копали хранилище под продукты, и лишь изредка ходили на охоту. Я в какой-то момент осознал что, если мы соберем хотябы нормальный урожай, то нам его хранить будет просто негде, а ведь у меня в планах ещё копчёная и соленая рыба и дичь. Поэтому вместо ледника, который теоретически можно сделать даже

зимой, Хват, как основная трудовая единица и Хатак на подхвате, рыли хранилище три на три и на два с половиной мера вглубь.

Стали потихоньку наполняться берестяные туеса собранными и высушенными травами, типа чабреца, липового цвета, или иван-чая. А также, по моей просьбе, охотники приметили, где находятся заросли малинника и дикой смородины. Как созреет, будем брать но, тут нужно будет не зевать – конкурентов на такие «ништячки» и без нас предостаточно.

А вообще, честно говоря, я уже с нетерпением ждал растительной пищи. И если остальные чувствовали себя на рыбно-мясной диете прекрасно – меня она уже достала. Соле пыталась было пойти собирать всякие корешки да листья, но я не пустил. Не хватало ещё детям наткнуться на какого хищника, а приставлять к ним того же Хвата, отрывая от необходимой работы, смысла никакого. Ничего, я терпеливый.

Как и обещал Хатаку, я изготовил и показал, как пользоваться пращей, что такое камнеметалка, и что такое копьеметалка. Больше всего и старому и молодому охотнику понравились копьеметалки. Именно они, да ещё качественные, с правильной аэродинамикой дротики, позволили повысить процент успешных выходов за добычей. Теперь Хват и Хатак отвлекались на охоту ваз в три-четыре дня, не чаще. А вообще мы соорудили из старого камыша несколько мишеней и регулярно тренировались в метании всех эти боло, сулиц и тому подобного под чутким руководством Ха-

така. И только в этот момент я понял что, Хатак не первобытный охотник-кроманьонец, не-ет, он конкретный немецкий фельдфебель. Он даже меня, великого и ужасного, гонял только в путь, а другие вовсе по пол тренировки на тумачах проводили. Я-то думал, это китайские мастера кун-фу жесткое обучение учеников придумали, а оказалось фигурки – это придумал Хатак. Но положила руку на сердце, если кто и мог научить метать всё, что можно то, это был он. И прогресс действительно был заметный.

Сегодня вечером, на очередных посиделках с рукодельем, я решил провести как бы совещание по перспективному планированию.

– Так, друзья мои – начал я – давайте пока отложим пошив кожаных мешочков и вырезание фибул и послушаем вашего мудрого вождя энд шамана. Как вы видите – продолжил я, после того как все сосредоточили своё внимание на моих словах – мы почти закончили наш дом, осталось сделать только печку и обставить, так сказать, мебелью.

– А что, такое ме... – начал Белка и тут же отхватил подзатыльник от сидевшего рядом Хвата.

– Очень верное замечание – кивнул я Хвату. Я строго посмотрел на красного как рак пацана, готового провалиться сквозь землю. – Не беги поперёд лошади боец, она всё равно быстрее. Так, на чём я остановился..., ах да, жильё! В общем, пережить зиму нам уже есть где, а также я надеюсь, что, и голодать нам не придётся но, тут вылезло одно обстоятель-

ство, которое я упустил из виду. Нам, друзья мои, угрожают страшные «хищники». И это не гиены, львы и медведи, это – я обвёл взглядом внимательно слушающих соплеменников – птички-невелички, кроты и мыши!

– Кгм! – сказал Хатак.

– Да старый, ты не ослышался! И львов, и медведей у нас есть чем встретить, тем более они ходят по одному, а что мы будем делать, когда на наш урожай прилетит много, много, очень много птичек и они склюют наш горох и кукурузу? Ребята и так шугают их постоянно, а дальше будет только хуже. Или, когда кроты под землёй подберутся к нашей картошке и морковке? Они нам даже спасибо не скажут за такой шикарный стол. А ещё мыши, проберутся в наши закрома и попортят запасы, что делать будем? ... Я, как погляжу, несильно напугал вас. Но это только от того что, вы пока не понимаете, что все эти картошки, кукурузы и горохи для нас значат.

– Ты зря так говоришь Пётр! – Хатак насупил мохнатые брови – Может мы и вправду не совсем понимаем ценность всего этого, но если ты сказал, что это важно, как мы можем не верить тебе? Ты – Великий шаман, скажи, что нужно делать, и мы всё сделаем!

И все дружно закивали головой, а Белка кивал так, что я напугался, кабы не оторвалась.

– Тогда так. Как только закончим копать погреб, обкладываем стены камнем, я думаю в три слоя и шахматном порядке будет надёжно.

– В шахматном порядке? – задрал вопросительно брови Хатак.

Я на секунду замер. Шахматный порядок. Шахматы!!!

– Хатак ты – гений!

– Это точно! А кто это?

– Это я тебе потом объясню. Итак, обкладываем стены, перекрываем двускатной крышей и насыпаем земли. Побольше. Для защиты урожая делаем из бересты вертушки-погремушки. – Я ещё помню как такие стояли у бабушки в огороде и отпугивали от огурцов да вишни тех же скворцов, к примеру. – Для вас ребята, помимо охраны всего урожая есть особое задание. Я тут прошелся и посмотрел, кротовых кучек много и пока они далеко, но... это пока! Я слышал, что эти тварюшки закапываются с такой же скоростью как их и выкапывают, так что с лопатой гонятся за ними, мы не сможем. Так что, Хатак – непревзойденный мастер дротиков, изготовит для вас самые быстрые, самые лёгкие дротики и вы в момент, когда крот, на секунду, высунется из кучки постараетесь поразить его. Зря что ли Хатак вас столько тренирует! Посмотрим, как пойдёт. Желательно убить как можно больше, а лучше вообще всех! Ну, а я займусь глиняной посудой. Давно уже пора. Её необходимо много иразной. Тот же горох скоро будет нужно убирать, а такие вещи лучше хранить в больших горшках из глины – целее будет.

– Всем всё ясно – я внимательно посмотрел каждому в лицо – ну, тогда за дело!

Чем мне нравится местный народ, тем что, сказал, что делать, если надо показал-объяснил и ни кого не надо подготавливать, уговаривать. Все сами делают. А может это мне повезло, что прилепились ко мне два первобытных пассионария, а дети есть дети, чистые странички, что напишешь то и будет. Если так-то и в дальнейшем нужно, при случае, подбирать людей по том уже принципу. Всегда были, есть и будут люди, которым хочется необычного, которым нужно за горизонт, посмотреть хоть глазком – как там, что там? Это мои люди! Моя зона экспансии!

А пока все заняты делом я сражаюсь на фронте керамических изделий. И хотя мне нет необходимости двигаться по пути «научного тыка», теорию я знаю неплохо, и даже имеется некоторая практика, всё равно так лихо как у некоторых «специалистов» у меня не выходит. Тяп – слепил, ляп – просушил, тяп-ляп – обжог, да прям в костре, и посуда, на удивление, аж звенит. Некоторые умельцы умудряются из первой попавшейся глины скатать горшок на коленке и через пару дней сушки достать из огня чуть ли не вазу эпохи Цинь! Я так не умею. И моя глина – материал качественный, и требует к себе уважения, поэтому делать нужно всё по уму. Навес для сушки, обжиговую печь и главное – гончарный круг. Любой мастер, в любом деле вам скажет – необходимые «приблуды» упрощают и сокращают работу процентов на пятьдесят, а то и побольше.

И навес, и печь я сделал без особых проблем за пару дней,

а вот гончарный круг... эх, мой надёжный двух колёсный друг! Видать, не катить тебе больше по тёплому асфальту городских парков, да и по пыльным проселочным дорогам не ездить тебе боле. За основу взял узел с педалями, там мощные, надёжные подшипники, круг – аккуратно и ровно отпиленный кусок ствола сантиметров в пятнадцать толщиной и практически идеально круглый. Цепь, звёздочки, шестерёнки, как бы всё это половчее соединить, чтоб сидеть да лишь педальку ногой нажимать. Вот сижу, думаю.... Но, в конце концов, справился. Всё ж не бином Ньютона. Конструкция получила не сказать, чтоб изящная, но весьма крепкая, а главное круг вращался легко, и практически отсутствовало биение.

А потом я крутил тарелки, кружки и горшки. Сделал всего понемногу, на пробу, и из чистой глины и из глины с небольшим добавлением мелкого белого речного песка. Надо было видеть удивление и восхищение на лицах всех, без исключения, моих людей, когда на их глазах, из-под пальцев, рождалась кружка или горшок. Не буду скромничать, после некоторой практики изделия начали получаться вполне достойные. Ну и конечно не ленился, и подробно объяснял все процессы, происходящие с глиной остальным. А вот давать покрутить кому-то ещё пока не стал. Надо с начало посмотреть на результат.

Пока посуда сохла в правильном режиме, а это дело не быстрое, занимался другими делами. Той же обкладкой сте-

нок погрёба. По результатам этих дней вертушки-погремушки себя показали очень хорошо, а вот наши малолетние охотники надежд не оправдали. Один убитый крот и, возможно, ещё пару раненых это – слабый результат. И винить ребят не за что, они очень старались, но кроты слишком осторожны и проворны. Всё время, выжидая, когда крот высунется из норы, с занесённым дротиком не просидишь – рука отвалится, а чуть дёрнешься его и след простыл. Соле с братом сильно переживали, особенно Белка. Чуть не плакал парень, не оправдал доверие великого шамана.

– Так, – глядя на куксившихся детей на очередном вечернем «заседании» сказал я – хватит сопли на кулак мотать. Вы на самом деле молодцы, делали всё, как вам было сказано и не ваша вина, что мало что получилось, а скорее моя. Запомните ребята, если какая-то задача не решается – значит или вы что-то делаете не так или нужно изменить подход к проблеме. В вашем старании сомневаться неприходится, поэтому либо принцип неверен, либо... оружие выбрано неправильно – слишком медленное.

Я задумчиво смотрел на рдеющие угли костра. Использовать луки? Та же проблема, не посидишь с постоянно натянутой тетивой. Арбалет – уже лучше но, правильную древесину что на то что на это удастся заготовить не раньше зимы. Попробовать в норах петли? На них пойдёт только вязальная проволока но, в принципе парочку поставить можно. А ещё можно....

– Скажи старый бродяга, – обратился я к Хатаку – не знаешь ли ты в наших местах какое-нибудь растение навроде Пустого дерева? Что-нибудь такое что, внутри тоже было пусто?

– Хм... – ответил он, пощипывая аккуратную бородку, носить на лице веник он передумал – Есть кое-что. На пустое дерево не очень похоже, но...

– Если во время походов на охоту – это растение попадётся тебе, принеси его мне, пожалуйста.

– Хорошо.

– Ну а мы с ребятами, завтра, всё-таки попробуем поставить петли.

И надо сказать, ловчие петли себя оправдали. Принцип-то совсем прост. Разгребаем кучку, ставил петлю по размеру норы, кидаем маленькие кусочки мяса, норку аккуратно закрываем, конец проволоки привязываем к колышку, слегка воткнутому в землю, и ждём. Дальше просто – приполз крот, зацепился, так или иначе, и... клиент готов! Сам себя душил. Ходи да посматривай, выскочил колышек, натянулась проволока всё – доставай сердешного. Крот, чтоб вы знали, это очень ценный мех, который много куда можно приспособить. Пришлось увеличить количество петель. Хатак очень заинтересовался этим способом ловли.

– У вас так только таких вот ловят, или ещё кого можно? – Разглядывая висящего в петле крота, поинтересовался он.

– У нас так много кого ловят. Лису, зайца – легко. Козю-

лю небольшую вполне по силам, и вообще... Конечно, проволока для этого лучший вариант но, у нас её мало. Ремни не то, а вот волосяные петли самое оно. Я сколько раз тебе говорил – увидишь остатки лошадиных хвостов или гривы, забирай! И копыта, кстати, тоже.

– Ты прям думаешь всё это валяется на каждом шагу. Чтоб ты знал, о Великий Шаман, лошади пасутся в степи, а не в лесу. А во степи поди-ка догони их. Твои копьеметалки хороши, спору нет, но вдвоём с Хватом нам лошадь не добыть.

– Не бухти старый. Я ж тебя не виню. Дай срок, и однажды ты сможешь выйти один на один если не с мамонтом, то уж с быком точно.

– Да ладно, – засмутился Хатак – это я так.... Ты Пётр, как и обещал, показал столько всего нового. За эти несколько лун я узнал так много, сколько за всю жизнь до этого не знал.

– Нет старый, в чём-то ты прав. Нужно больше думать головой, хоть и невозможно объять необъятное, и всё же. Заговорили о веревках,... а я ведь знаю из чего можно делать замечательные верёвки. И, кстати, не только верёвки. Скажи, ты знаешь такое растение, у которого листья жгутся, и после них чешется, и вскакивают волдыри? Оно у нас называется – крапива.

– Эта хрень? Да её полно! – Хатак махнул рукой куда-то по направлению малой реки. – Заросли выше твоего роста.

Каюсь, слово «хрень» во всех его вариациях это моё творное влияние. Пару раз вырвалось, по делу, меня спро-

силы, что это значит, а я с горяча, возьми, да и растолкуй в подробностях. Оч-чень товарищам кроманьонцам понравилось. У них, по бедности языка, такие вещи сильно ценятся. Я всё время стараюсь, как говорят, «фильтровать базар» но, куда русскому без Великого и Могучего, особо, если молотком по пальцу.... Ребятам-то я уши за повторение таких перлов, если что, накручу, а вот Хатак и Хват копилочку «выражений» скрупулёзно пополняют.

– Вот видишь, что бывает когда великий шаман вам жрать готовит или кротов ловит, а не размышляет о высоком. Про крапиву только сейчас вспомнил.

– Хочешь, я могу готовить... что-нибудь?

– Да упаси всё духи разом нас от такой беды! – я в притворном ужасе схватился за голову.

– Это по русска шута пазывается? – криво ухмыльнулся Хатак.

– По русскИ шутКа Называется. Ну и произношение у тебя старый. Но в данном случаи, про крапиву, никаких шуток, и набрать её нам нужно как можно больше.

Наконец настал момент, когда можно было приступить к обжигу моей посуды. Я решил использовать технологию постепенного поднятия температуры до самой высокой, с обратным постепенным понижением. Примерно полусуточный цикл. Сам загрузил печь, сам зажёл, сам поддерживал огонь – никому не доверил. И старшие, и младшие, проникшись

серьезностью момента. Ещё бы, такое было лицо у великого шамана – явно творит что-то великое. Сами под руку не лезли но, всё время были на подхвате. А когда, уже ночью, процесс перешел в стадию остывания, и шаман перестал бестолково носиться вокруг печки, они подтянулись поближе и расселись вокруг, вопросительно глядя на меня. Я ведь всегда старался объяснить что, и как, и для чего я делаю.

Умотался я прилично но, что делать. Вздохнул и....

– Наш мир состоит из четырёх главных стихий. Огня, воды, воздуха иземли. Они не злые и не добрые, они просто могучие силы, в окружении которых мы живём,и всё подчинено их воле и влиянию. Они постоянно соединяются и разделяются, – я сцепил и расцепил пальцы – перемешиваются и взаимодействуют. Все, что есть в этом огромном мире – их дети. Нельзя указать на что-то и сказать – это от земли, а это отвоздуха. Даже самый простой камень – дитя земли и огня. Дерево – воздуха, земли и воды. Почти всегда огонь не может жить без воздуха, а воздух без огня может. Тоже Дневное око – это стихия огня, без него на Земле не случилось бы жизни. Но и без воды жизни тоже небыло бы. Хотя эти две стихии напрямую и не дружат, а всё в этом мире живёт только благодаря им. – Я усмехнулся, глядя на внимающих каждое моё слово соплеменников. – Видите, как всё просто и как всё сложно.

– Человек, дитя всех стихий сразу. И нам очень важно знать – я поднял брусочек камня – из каких стихий состоит,

например, этот камень? И если мы будем точно знать, какие стихии создали его и почему он получился таким, то пользуясь силами стихий, и мы сможем создавать что-то новое, что-то, чего раньше никогда не было.

– Вотя взял глину, добавил воды – основу жизни, поместил всё это в стихию огня и воздуха. Что получится, мы увидим завтра.

– Но откуда ты знаешь, что должно получиться, Учитель – почтительно задал вопрос Хват.

– Потому, что я пользуюсь знанием, которое мне передали мои предки.

– А как предки получали знания? – это Соле.

– Так же, моё Солнце, как можешь получить и ты. Сначала думаешь, потом берёшь и делаешь, смотришь на то, что получилось. Если не получилось, опять думаешь и снова берёшь, и делаешь. Если не получилось, опять всё поновой. Это называется – экспериментировать и накапливать опыт. Так, например, родился рукопашный бой. В общем, рано или поздно получается то, что ты хочешь, или не получается совсем. А бывает и так, что получаешь совсем не то, что хотел, но, тоже интересное и полезное.

– У-у, долго! – Протянул Белка.

– Зато очень интересно, ты уж мне поверь. Но не переживай, боец, того что, находиться у великого шамана во тут – я постучал пальцем себе по лбу – вам, друзья мои, хватит на долго, на очень, очень долго.

– И это – хорошо! – Прикрыл удовлетворённо веки Хатак.

С утра я слегка поиграл у всех на нервах. Не спеша провели обряд умывания, потом неторопливо отведали холодного мяса, запив его взваром из трав, оч-чень полезным и... без сахара жуткая гадость. Все уже издёргались, но помалкивали, лишь Хатак, как самый авторитетный, поинтересовался.

– Кгм?

– Ладно. – согласился я – Давайте и, правда, посмотрим.

Меня самого слегка потряхивало, ведь появление керамики, когда-то, ознаменовал целый прорыв в человеческой цивилизации. Как бы не поважней того же колеса. Кроме шуток. Вон, Южноамериканские цивилизации до какого могущества поднялись, а колеса не знали.

И не важно, получится у меня сейчас или нет, я своего всё равно добьюсь, но... хочу, чтоб получилось, прямо сейчас! Прямо тошнит – вот как хочется!!!

Печь была совершенно холодная. Кряхтя и стараясь как можно меньше измазаться в саже, я, одну за другой, извлёк на свет четыре глубоких чашки, большое широкое блюдо, два горшка литров на пять, несколько глубоких пиал и кувшин с узким горлом и красиво изогнутой ручкой. И всё совершенно целое! Непросто целое, а даже ни малейшей трещинки, ни единого пережженного пятна. Светло-серая, с лёгким голубоватым отливом, отзывающаяся на щелчок с приятным легким звоном. Господи, велик ты в милости своей, неужели получилось?!И хотя нужно было посмотреть,

как она поведёт себя при нагреве, по какой-то внутренней радостной дрожи я понял – получилось!

– Вот! – я весело подмигнул пораженным соплеменникам – Теперь, друзья мои, есть вы будете как белые люди, из своих тарелок, а пить из своих кружек.

А потом, некоторое время, был гончарный бум. Все приложились ручками к глине, с тем или иным успехом. И что, самое интересное лучше, чем у всех получалось у Хвата. Ему бы практики побольше, стал бы большим мастером но, ему хочется быть великим охотником и бойцом, а не горшечником. Ну, ничего, ломать его мечты не надо, а со временем потихоньку-помаленьку я его поверну в нужное русло. Пока-же он делает регулярный урок, крутит горшки, а-ля банка под засолку, только ёмкостью литров по десять. Работает хоть и без огонька, но старательно и качественно. Сам я занимаюсь эксклюзивом. Подбираю рецептуры глины с добавками, подсыпаю различный песок, жженую кость, каменную пыль. Из состава, лучше всего реагирующего на нагрев сделал пару котлов-горшков литров по пятнадцать, большой казан с крышкой и типа что-то сковороды,тяжелую объёмную штуковину, тоже с крышкой. Так-как, то и дело приходилось разжигать обжиговую печь и поддерживать там нужный режим то, махать «лопухом» или дуть для подачи воздуха надоело моментально. Разозлившись оторвал от сидушки велосипеда трубку и вытесав две широких доски забабалхал мощные меха на переносной станине, хочешь рукой качай,

хочешь ногой. Сразу стало жить лучше, жить стало веселей. Сделал, в вдогонку ещё одни, маленькие, для костра.

А ещё я сделал именные кружки. Добротные полулитровые бочонки, с ручками из завитушек и самое главное, на каждой кружке была своя аппликация и собственное имя. У Соле, мультяшное улыбочливое солнышко, у брата, соответственно, белка, смахивающая на ту что, зажигает в Ледниковом периоде. У Хвата на кружке растопыренная пятерня, а Хатак, как самый авторитетный получил, изображение перца, и подпись – Хатак крутой перец. Кстати, что такое перец все знали. Благодаря маленькому стручку красного перца незнамо как оказавшегося вместе с другими специями. Из горсточки семян, которые я бережно извлёк из него, вошло только восемь кустиков, которым я оказывал повышенное внимание. Правда, Хатаку всё равно долго пришлось растолковывать, что значит – крутой перец.

Ну, и себе любимому на кружке, вычурными завитушками, выложил скромно и просто – Я!

Все от своих кружек были в восторге. Да и то правда, получилось здорово! Не зря я шесть лет, в детстве, отходил в изостудию. И кстати бесплатно. При плохих-то коммунистах. А вот при хороших демократах, зато что, мой сын посещал то же самое заведение и практически с теми же самыми преподавателями, отключить пришлось немало.

У Соле явный талант крисованию. Когда наступит не лётная погода, я имею в виду позднюю осень и зиму, займусь с

ней основательно.

И опять время словно ускорилося. Наконец, к середине лета, прогрелась маленькая речка. Теперь в небольшом затоне в обязательном порядке, каждый день, я всех обучаю плаванию. Можно было и раньше но, мотаться туда-сюда до Волги, с километр, каждый день – опасно. Это не двадцать первый век. В Затоне вода давно прогрелась, да только чтобы до неё добраться нужно метров двадцать через камыши и осоку ломится по колено в иле. Так что, маленькая речка – лучший вариант. Сказать, что моей инициативе обрадовались, это сильно погрешить против истины, скорее наоборот. С плаванием тут было совсем плохо, тоесть – совсем никак. Когда я притащил на берег своих «падаванов» и продемонстрировал, как люди могут плавать, они были в шоке, а когда я нырнул в одном месте, а вынырнул в другом, я застал их в совершенной панике. Пришлось вылезать из воды и усадив их вокруг себя снова делать мистическую «накачку» такого, казалось, простого дела как плавание.

– То, чему я вас учу, я называю рукопашный бой. Это не совсем правильное название. Я учу вас не только бою, я учу вас умению смотреть на мир так, чтобы он открывал свои тайны, что бы видеть то, что не видят другие. Я учу вас относиться осторожно и внимательно к тому, что вы не знаете или видите в первый раз, а не разбегаться с криками и визгами в ужасе. Учу тому, что мы, всего лишь маленькая частичка среди могущественных стихий. Ещё раз повторю – их не

надо бояться, их надо уважать и почитать. Всё это – тайная наука и искусство! Это нельзя изучить самому. Это можно взять от учителя, прилежно выучить то, что он тебе даст и, возможно, пойти дальше него. Потому что, этот путь совершенствования самого себя – бесконечен! Поэтому, отныне, всё это мы будем называть Искусство Тай. То есть – искусство тайных знаний обо всём, что нас окружает в этом мире, и о том, как жить в нём, хорошо не раздражая Великие Стихии.

Путей в искусстве Тай также много, как капель росы искрящихся на траве в утреннем солнце. И нет среди них неважных. Вот, например, Хват. Хочет стать великим охотником и бойцом, и я уверен когда-нибудь так и будет но, он вполне может стать ещё, например, горшечником – мастером-тай. Это значит быть лучшим в изготовлении из глины всего что только можно, а главное, чтобы не только он о себе так думал, самое главное, чтобы и остальные признавали его таковым. Вот как наш уважаемый Хатак – я кивнул в сторону внимательно слушающего меня старого охотника – давно уже стал мастер-тай в охоте. И это признают все. Кто-то сомневается в том, что, Хатак настоящий мастер-тай в метании всего, что только возможно? – Я окинул взглядом молча внимающих ребят и Хвата. – Я так и думал!

– Один из путей Искусства Тай – рукопашный бой. Мы будем называть его Тайбо. Тайное искусство рукопашного боя. И если я для вас мастер Тайбо и ваш учитель то, поверьте, на своём жизненном пути я встречал людей, для которых я со

своим умением всего лишь начинающий ученик. И если ученик не хочет учиться, ни какой, даже самый великий, учитель не сможет научить его хоть чему-нибудь стоящему. Но если ученик хочет учиться то, он должен полностью доверять своему учителю.

– Я говорил вам что, Тайбо состоит из многих умений? Так вот плавание одно из таких неизменных умений. Научившись плавать, вы сделаете первый шаг в понимании одной из Великих Стихий – стихии Воды. Научитесь не бояться её, а доверять, любить как мать дарующую жизнь и уважать как грозную силу, и вода обязательно отблагодарит вас. Вы поняли меня? – Я внимательно посмотрел в глаза каждому своему ученику и то, что я там увидел мне понравилось.

– А сейчас я вам покажу, как вода может быть щедра к тому, кто её любит и уважает.

И действительно, будто услышав, река одарила меня богатым урожаем раков, собранных из многочисленных нор, усеявших подмытые глинистые берега. И это были не просто раки, а прям монстры какие-то, практически омары. За каких-то пол часа двенадцатилитровое ведро полное. Да ещё вынул четырёх весьма приличных налимов. Раки с укропчиком да солью – м-мм. Аналимья уха – ещё осталось с пол стакана пшена, картошки подкапаем, лучок, петрушка и укроп... ох чую, нас сегодня ждёт шикарный «рыбный день».

Все хоть и радостно но, будто должное восприняли и раков, и налимов как подтверждение моих слов. И хотя в ос-

нове этого успеха был практичный расчёт, я точно знал, что здесь полно нор, а притом изобилии творящимся тут, они не могут быть пустыми, всё же такое явное благоволение ко мне даже слегка напрягло. Словно подыграл кто. Б-р-р-р, свят, свят, свят! Аж на гусиную кожу пробило.

В общем, к концу лета, сносно плавали уже все. Даже Хаттак хоть и «по собачьи» но вполне уверенно передвигался на короткие дистанции.

А время не стоит на месте. Лето уже давно перевалило за середину. Урожай попёр с огорода только поворачивайся да не зевай. Земля за уход и ласку отблагодарила воистину сторицей. Не знаю уровень урожая того же гороха в двадцать первом веке но тут, по моим прикидкам, мы собрали мешка четыре. И остальное радовало не меньше. Та же картошка, ближе к осени, дала с одного ведра сам-двадцать или даже чуть больше – просто фантастика! Нас накрыло овощное изобилие, мы объедались огурцами и помидорами. А ещё лук, петрушка, укроп, чеснок, морковка, капуста, кабачки, тыква. Не ленись, собирай, когда чему пришло его время да правильно укладывай на долгое хранение под зиму. Благо погреб закончили вовремя и, положив руку на сердце, получился он любо-дорого посмотреть. Сухой, объёмный, с каменной обкладкой стен, с мощными деревянными стеллажами и двойным тамбуром с дверьми обитыми мехом. Короче, всё по науке.

Я, с новой посудой и продуктовыми возможностями изга-

лялся в готовке чуть ли не ежедневно. Как только на огороде созревает, точему своя очередь подошла, тут же в дело. Наконец-то первобытные люди узнали, что такое щи, гороховый суп, тушеная картошка и капуста с мясом. Жареные кабачки, овощное и мясное рагу, тушеная тыква. Не обошел вниманием гороховую и пшеничную каши с мясом. А ещё малосольные огурцы. Жаль семечки ещё не созрели, надавил бы масла дал бы «жару». Ну, надеюсь всё ещё впереди.

Во время готовки постоянно при себе держал Соле, а её брата как можно чаще, чтобы перенимали опыт. И надо сказать дело двигалось очень неплохо. Надеюсь, что скоро смогу переложить многое из готовки на их плечи.

Также мы всё, по моему настоятельному требованию, постоянно мониторили ситуацию с такими природными ништяками как: полевая ягода, дикая смородина и малина, ежевика и голубика, вишня, боярышник и шиповник. Всё это витаминное богатство обильно произрастало вокруг нас, но и конкурентов у всего этого было куда как много. Это возле себя мы хоть и с трудом, но смогли отвадить основную массу халявщиков до чужого, а в полях и лесах зевать не следовало. Мы и не зевали. Ходили на сборы целыми экспедициями. Потом обработка, сушка и в норку, т. е. в погреб. До самой поздней осени продолжались сборы и закончились, считай уж по снегу, на тёрне и чёрной смородине. Не забыли мы и о грибах с орехами. Их тоже запасали до самого последнего момента.

Где-то, в начале августа, неожиданно, наш боевой арсенал пополнился весьма интересным оружием. Помня мою просьбу Хатак и Хват, время от времени приносили мне различные образцы пустотелых растений и я их всегда браковал, что поделать – не то! Но однажды, вернувшись с очередной охоты Хатак вручил мне странное растение. Увы, я не ботаник, но такого точно никогда не видел. Ствол был коленчатый, как у бамбука, но это точно не бамбук. И структура волокна не та, а также отличалось строение колен. Колено практически не менялось по диаметру по всей длине. Если в нижней части оно было, например, сорок мм., то к концу колена около тридцати семи мм. Потом шел массивный межколенный узел, от которого отходили три геометрически правильно расположенных отростка с небольшими узорчатыми листьями. Следующее колено резко сужалось и начиналось уже где-то от тридцати мм. А следующее уже с двадцати. Длина колен тоже резко варьировалась. Если первое колено было длиной сантиметров восемьдесят то, следующее уже где-то около шестидесяти, ну и т. д. Но самым интересным было строение внутренней части ствола. Внутри ствола проходило отверстие в виде трех лучевой звезды, ну что-то типа логотипа от мерседеса. Сердцевина ствола не была мягкой, а наоборот, была частью ствола. Очень интересно! Растение обладало весьма приличной прочностью, но было одновременно и хрупким. Как только, не без труда, я преодолел предел прочности, оно с хлопком разлетелось на многочислен-

ные длинные щепы. И что, ещё важно, колена были очень ровные, очень.

– Ну, как? – спросил Хатак, внимательно следящий за моими манипуляциями.

– Мой друг, я почти уверен, ты принёс очень нужную вещь. Там, где ты это взял есть ещё?

– Есть, но, не слишком много. Небольшая рошица.

– Жаль. Далеко?

– Полдня пути вверх по большой реке. Что ты будешь из этого делать?

– Мне думается, это растение много куда можно приспособить. Плохо что, его мало. Надо будет посмотреть, если что, можно будет попробовать его выращивать специально. Но сначала я вам кое-что покажу. Завтра.

Эх, вспомним детство золотое. Уж и не знаю, кто придумал первым сделать из простой алюминиевой лыжной палки духовую трубку но, в результате в нашем дворе, если ты не обладал подобным девайсом, то ты вообще слабо котировался в нашей тусовке. Начальная дистанция для стрельбы, с которой начиналась иерархическая лестница, составляла метров десять. С этого расстояния ты был просто обязан попадать велосипедной спицей с полиэтиленовым конусом в картошку размером с детский кулачок. А дальше, нет приделу совершенства. Я был, без ложной скромности, большим специалистом. Гораздо позже я узнал, что наша детская забава на самом деле грозное оружие унёсшее жизнь многих евро-

пейских завоевателей в Южной Америке и экваториальной Африке.

Второе «дыхание» моё детское увлечение получило в армии. Я уже к тому моменту год прослужил. А, было дело в том, что наш караул находился недалеко от колхозного зернотока над которым постоянно реяли огромные стаи голубей. И всё бы ничего, если бы в один, далеко не прекрасный для жирных, отъевшихся на чистом зёрнышке птиц, Рустам, худой и мелкий узбек, отслуживший на полгода меньше, провожая очередную стайку, смачно причмокнул – Айя! Какой хороший щюрьпа просто так лытает.

– А ты что, специалист? – покосился я на него.

– Да, да – закивал тот головой – Рустамка умеет, Рустамка очень умеет. Голубь вкусный, много блюда сделать можно.

Нельзя сказа что, мы сильно голодали но, какой солдат откажется от дополнительного мяса. Участь голубей была решена. Мастерство, нарабатываемое годами в детстве, никуда не делось. Сколько голубей угодило в различные блюда и не сосчитать. Рустам и правда оказался настоящим мастером, и скоро из зачуханного, зашуганного узбека Рустамки, превратился в уважаемого и солидного военного по прозвищу Рустам-бей.

Я выбрал самый длинный ствол с подходящим диаметром, аккуратно оформил посадочное отверстие. В общем, со стволом работы не было практически ни какой. А вот со стрелками пришлось как следует повозиться. Нужно было

подобрать рогаз нужного диаметра, приладить к нему острый наконечник из бивня мамонта, а также тройное оперенье из гусиных перьев, так что бы они идеально вкладывались внутрь ствола. Ну, так или иначе пяток экспериментальных стрелок я сделал.

С утра, после завтрака, я устроил презентацию нового оружия. Я сел на пенёк с духовой трубкой, а метрах в десяти поставил ещё один. Рядом приготовил маленькую тыкву, чуть побольше кулака.

– Итак, – окинув собравшихся соплеменников начал я – все мы хорошо знаем, что любое животное или птица пугаются резкого движения, а для того чтобы кинуть камень, дротик или боло нужно именно резкое движение. Поэтому охотник долго крадётся, замирает, старается не делать резких движений. Чем ближе он подберется, тем больше шанс успешной охоты. Я прав, Хатак?

– Кгм!

– Но, если долго сидеть неподвижно для большинства животных ты становишься как бы невидимым. Именно так охотятся некоторые хищники. – Я поднес трубку поближе ко рту – Ну-ка боец, возьми и поставь эту тыковку на пенёк и беги назад.

Белка мухой метнулся туда и обратно.

– Представим, что это птичка. Если я сейчас сделаю резкое движение – она улетит, но... – я сделал резкий выдох-плевков, и стрелка мгновенно преодолев расстояние, по-

разила овощ, прошиве его насквозь – я не стану делать резких движений!

«Умница Петя, – погладил я себя мысленно по голове – отличный выстрел. И вправду говорят – мастерство не пропёшь».

– Ух! – воскликнули брат с сестрой. Хват только покрутил головой, а Хатак лишь задрал мохнатые брови. Молча подошел, взял тыкву и внимательно оглядел её со всех сторон, потом с усилием выдернув стрелку, осмотрел и её.

– Таким маленьким дротиком не убить никого крупнее зайца – опытный охотник сразу уловил специфику нового оружия.

– В целом ты прав. – я не стал, пока, распространяться о таких вещах как растительные и животные яды. – Но эта штука для косули и не предназначена. А вот суслика, зайца, перепелку, голубя или куропатку самое оно. Да и утке или той же дрофе, если пробить голову, вполне хватит. При старании и практике с тридцати метров попасть очень даже можно. Главное можно долго сидеть в засидке и стрелять, не делая резких движений!

– Ну да, ну да... – поглаживая бородку согласился Хатак. Потом, естественно все стреляли, кто как мог. Старый охотник вновь подтвердил свою репутацию мастера метания всего чего угодно. Достаточно быстро он уловил тонкости процесса, а уж глазомер и опыт у него всегда были феноменальные, и стал попадать раз за разом, словно делал это мно-

гие годы.

– А что, вы хотели? – прокомментировал я всё это – Хатак настоящий мастер-тай.

– Ну, – ответил он, явно довольный – всё с этой плевалкой ясно. Вещь полезная и нужная. Значит делаем себе такие-же плевалки и, как ты говоришь Пётр – стрелки? Вот! И стрелки, тут ничего сложного. И начинаем тренировки. Да, много тренировок! Ну, а эту плевалку я забираю себе, ты Пётр ещё сделаешь!

Видали! Ну и кто он после этого? Однозначное жучило!

В общем, с тех пор, плевалка плотно прописалась среди обязательного умения для всех людей племени Горького Камня, неважно мужчина это или женщина. И это умение, очень скоро, стало приносить наммного, много дивидендов.

К середине сентября, когда схлынул основной вал заготовок на зиму, Хвата с ребятами я определил на копку ледника, а сам с Хатаком, наконец, плотно занялся коптильней. К этому времени я и Хват очень прилично набили руку на всяческой продукции из глины. Делали весьма качественные вещи. Единственно что не радовало это то, что как оказалось, держать жидкость очень долго наша посуда не могла. Хоть очень медленно, по чуть-чуть, но влага уходит. Поэтому ни каких соленых огурцов или помидоров на зиму увы у нас не будет. Можно рискнуть с квашеной капустой... короче, там посмотрим. Чтобы избежать потери влаги нужно делать либо

бочки, либо обливную керамику, а как она делается я вовсе не знаю. Но, тем не менее, с десятков удобных ёмкостей для засолки мяса и рыбы у меня уже были. Хотя солёного сальца пока отведать не удалось, эта вкусняшка появиться на боках у диких свиней ближе к концу осени, а вот солёной рыбкой, в разном виде, питаемся регулярно. Пора пришла ударить, так сказать, пахучим дымом по солёному однообразию.

Стратегия, как и всегда, была одна – делать хоть и медленнее, но, качественнее. Чтоб потом не пришлось переделывать. Метрах в двадцати от нашего жилья в каменном откосе нашлась некая впадина, тянущаяся вверх метра на три переходящая в полку, которая тянулась, с небольшим возвышением ещё метра на два. Ширина её была метра два. Вот эту природную особенность мы и взяли за основу. Сама конструкция проста. Внизу печка, из неё вверх идёт труба до верха полки, там изгибается и входит в самую коптильню, каменный куб полтора метра на полтора и на полтора. Сверху односкатная крыша из хорошо подогнанных расколотых брёвен накрытых тростником. Узкая дверь. К коптильне ведёт широкая мощная и удобная лестница. Кстати, эта лестница обошлась по трудозатратам почти столько сколько и остальное, но оно того стоило. В общем, всё сделали как я хотел, провозились две недели. За это время Хват, вот что практика животворящая делает, полностью выкопал ледник. Яму два на три и два с половиной метров глубиной, а ребята оплели стены лозой и заполнили промежутки между плетнём и стен-

кой сухим камышом. Дружно доделали потолок, пока стоит прекрасная сухая погода. По отработанной технологии положили ряд колотых брёвен на балки, сверху толстый слой камыша, ещё ряд брёвен и после засыпали грунтом и обложили плитняком. Тамбур, пологая мощная лестница и... осталось зимой напилить льда и наполнить ледник. Всё!

Какое-либо масштабное строительство я больше не планировал. И так мы успели построить больше, чем я мог предполагать, даже в самых радужных мечтах. Да и время, уже мне думается где-то ближе к середине октября. Вокруг стоит глубокая «золотая» осень. И хотя старый охотник утверждает, что настоящая осень начнётся ещё где-то через луну, но уже всё чаще хмурится небо, сбрызгивая нас хоть и короткими но, весьма прохладными дождями. Всё менее комфортными становятся ночёвки в шалаше. Всё стремительней облетают листья с деревьев. Уже тянутся бесконечные вереницы улетающих в тёплые края птиц. Кстати, что творится в Заводи, куда они залетают отдохнуть, это вообще описанию не поддаётся!

Пора, пора уже перебираться в нашу землянку. Там уже давно всё готово. Печь – некий гибрид печи для отопления и камина, чтобы можно было готовить еду. Вдоль стен два двухъярусных лежака. На них толстые маты из плотно сплетённого хорошо высушенного камыша. По центру узкий стол из толстых тёсаных досок метра два длиной, две лавки, табуретка пока одна, экспериментальная. Также имеются две

добротных этажерки для всякого добра распаханного по берестяным коробам и глиняным горшочкам. Вдоль дальней стены, по бокам от печки ещё две этажерки для посуды, и для текущих расходных продуктов. Вся мебель очень добротно собрана в паз и закреплена деревянными шипами. Всё в этой землянке основательно, функционально и надёжно. Чтож, я не шел на ощупь, перебирая технические варианты того или иного решения – я знал! Остальное, результат старанья, правильно приложенных рук и, я бы даже сказал, любви. И мне результат нравился! Об остальных вообще молчу. Ей богу, они до сих пор с трудом верят, что вся эта лепота, и их рук дело!

Мы и вправду сделали очень многое. Окидывая взглядом сколько, мы успели наворочать, я и сам с трудом верю. Увы, сделать ещё нужно гораздо больше. Но нельзя объять не только необъятное но, даже, за столь малый срок, и необходимое. Приходилось постоянно жертвовать важным ради очень важного, а очень важным ради жизненно необходимым.

Одна из проблем, которая меня сильно тревожила – это освещение. Запасы керосина для «Летучей мыши» ничтожны. А ведь на слякотный период осени и всю зиму у меня грандиозные планы. Это и изучение основ арифметики и письма, и активная работа кружка «очумелых ручек», и шитьё одежды, обуви, а также и более серьёзные проекты, например, лук, самострел, или простейшие механизмы, кото-

рые сильно помогут в дальнейшем. Например, изготовления крапивного волокна или пресса чтобы давить подсолнечное масло. Кстати в деле освещения я на него сильно рассчитываю. Я конечно наделал глиняных светильников под жир но, вонь и копоть от них ужасная. Добуду масло, буду экспериментировать с составом. Кстати подсолнух, как и остальное, выдал убойный урожай. Хватит и на еду, и на освещение. И всё же, подсолнечное масло для освещения – это не то....

Эх! Мне бы малюсенькую скважинку с нефтью, да что там скважинку – лужицу на дне ямки. И такое в природе бывает. Уж я бы развернулся! А пока у меня нет даже банально-го самогонного аппарата. С ним тоже можно вещи делать. Спирт, ацетон, азотная и серная кислота и ещё много чего, а это значит краски, лаки, клей, мыло.... И этот аппарат у меня будет, обязательно будет. Как и многое другое.

Если высшие силы будут благосклонны.

Если сами не оплошаем! Если....

Как говорят в народе «Хочешь рассмешить бога – расскажи ему свои планы». Точней и не выразишься! А ещё говорят: «Знал бы, где упасть – соломки б подстелил». Но со мной приключилось такое что, даже знай я заранее, никакая соломка бы не помогла.

Всё началось плавно и не слишком тревожно. Я как раз успел перед окончательно испортившейся погодой провести три коптильных цикла. Один пробный, как там, всё ли пра-

вильно функционирует. Второй в основном с рыбной загрузкой, а третий с птицей и мясными деликатесами. Окорока, вырезки, несколько экспериментальных колбас и сало. Да, сало! Это Хатак с Хватом расстарались, хоть и трудом, но умудрились завалить упитанную свинку. Аллилуйя им, однозначно! Не бренд «Мечта хохла» в двадцать сантиметров толщиной, конечно, но сантиметров пять с тоненькими мясными прорезями в нём всё же было. Некоторые куски коптил просто солёными, некоторые с чесночком, а некоторые ещё и толчёным красным перчиком натёр. Копчёности – это я вам скажу... ух! Мои-то думали, что их уже никакой едой не удивить. Наивные! Как всё-таки приятно преподносить людям подарки и радостные открытия.

Вот где-то, примерно, в это время я и ощутил первые признаки надвигающихся событий. Надо сказать, что, последнее время со здоровьем, можно сказать, было отлично. Все болячки как-то подзатихли, сон отличный, аппетит ещё лучше. Такая лёгкость и гибкость в теле образовалась, уставать стал меньше, такое ощущение что, и слышать стал лучше и видеть чётче. Будто помолодел. Думал, это здешняя экология так на меня влияет, а теперь уверен – организм к изменениям так готовился.

Как-то встал с утра, мышцы тянет. Думаю – перегрузил вчера что ли, вроде и не делал ничего особого. Ну, сходили за дровами, напилили да накололи. Ну, погонял к вечеру ребят на тренировке с шестом, сам со своей Прелестью по-

крутился, да Хатак устроил похахатать с метательными предметами. Ничего серьёзного, упыхивался я и посильней. Думал расхожусь задень, ан нет, к вечеру уже как варёный был. На следующий день боли только усилились. Дальше больше, сопли потекли, глаза заслезились. Всё понял – заболел. Меня в ужас кидало от того что, остальные от меня бацилл нахватываются. Я ведь в курсе, как вымерло сотни племён в той же Америке от болезней, занесенных Большим Белым Братом. Через неделю совсем свалился. Не помогали никакие таблетки из и так невеликого запаса, ни всякие отвары и настои из трав. Одно только облегчение, никто больше не заразился! Значит это что-то местное.

День за днём мне становилось все хуже. Меня бросало то в жар, то в холод. Глаза не только слезились, но и сильно болели, десна кровоточили. Нестерпимо ломили кости. Внутри тоже всё не, слава богу, но вычленишь в этом оркестре боли что-то конкретно я даже нипытался. В один из этих бесконечных дней, когда Соле меняла у меня на лбу очередной прохладный компресс я вдруг услышал её полувсхлип-полувздых. С трудом сосредоточив на ней свой взгляд, я увидел огромные испуганные глаза и что-то на раскрытой ладошке. Я всё никак не мог сообразить, что же это такое, а когда сообразил... провёл рукой по голове и долго смотрел на прядь собственных волос, оставшихся в кулаке. Ещё через день у меня выпал первый зуб....

Дальше стало только хуже.

– Хатак. – пока уменя ещё были силы хотя бы говорить, я решил попрощаться со всеми. – Хатак, подойди.

– Я здесь, мой друг, здесь. – Мутный овал лица без определённых деталей склонился надо мной.

– Хатак, я знаю, что со мной. Увы, эту болезнь мне не одолеть.

– Ты же Великий шаман Горький Камень! Неужели ты не сможешь победить злых духов напавших на тебя. Борись Пётр! Не сдавайся!

– Не стоит приписывать духам того что, они не делали, мой друг, они тут не причём. Это очень редкая болезнь. Когда время течёт обычным чередом, то и человек движется вместе с ним. Рождается, растёт, взрослеет, стареет и умирает в свой срок. Но иногда... что-то происходит не так. И тогда человек внешне выглядит словно ребенок, до самой старости, а иногда стремительно стареет и умирает, будучи молодым. Никто не знает, почему это происходит.

Я думаю,.. это портал берёт плату с меня полной мерой, за то, что увидел небывалое, за то, что встретил тебя мой друг, за Соле, за Белку и Хвата, за то что, дерзнул... Может быть.

– Какой портал, Пётр! Укажи где он прячется, и мы с Хватом пойдём и убьём его!

– Господи Хатак! Какойже ты всё-таки первобытный. – Я криво улыбнулся – Лучше слушай. Я быстро старею и скоро это старение убьёт меня, поэтому....

Договорить мне не дали. Что-то припало мне на грудь ти-

хо всхлипывая. Соле!

– Дядя Пётр! Дядя Пётр! Не умирай! – глотая слёзы бормотала она – Ты самый Великий шаман изо всех шаманов. Не дай этой старости убить тебя! Побори её! Побори, не умирай!

– Тихо, девочка моя, тихо, моё Солнце. – Я гладил слабою рукой пушистые волосы – Тихо. Можно умереть, не достигнув старости но, нельзя состариться и не умереть. Не плачь... и дай мне сказать важное. Пока у меня есть силы.

– Хатак!

– Я слушаю тебя, мой друг.

– Прости старый, но видно не судьба мне сдержать свои обещания и научить тебя всему, что ты хотел. Слишком мало судьба отмеряла нам сроку но, я всё же счастлив что, наши пути пересеклись.

– Это настоящее чудо Пётр. – тихо промолвил Хатак.

– Ты даже не представляешь насколько, мой друг. Даже не представляешь.... Но, всё это теперь не важно. Это – лирика....

– А теперь о важном. Теперь ты знаешь силу горького камня. Знаешь силу глины. Я показал, как можно жить на одном месте и не умереть с голоду, как сажать и убирать урожай, как строить землянки и мебель... я много чего показал. С теми знаниями и умениями которые у вас есть, с тем оружием и инструментами вас примет любое племя. Когда я... когда вы перезимуете, вы решите, уходить или остаться здесь

жить и дальше. Хват!

– Я здесь учитель!

– И ты прости, что не успел научить тебя хоть чему-нибудь стоящему.

– Не говорите так, учитель! Вы столь...

– Молчи! – чуть повысил я голос – Молчи... и не забывай хотя бы то, что успел выучить.

– Соле. Девочка моя. Ты теперь главная женщина нашего племени. – я слабо улыбнулся. – Хорошо корми наших мужчин. И следи, чтобы они мыли руки перед едой, и не давай им ходить в обносках.

– Теперь ты, Белка. Хатак и Хват научат тебя всему что нужно. Я знаю, из тебя получится великий охотник и боец. И мой последний подарок тебе – это взрослое имя. Отныне и вовеки веков, я шаам Хори Каман нарекаю тебя – Ярило. Это одно из названий солнца, как и у твоей сестры, только мужское имя. Коротко – Яр. Яр – значит яркий, яркий, огненный.

Откуда-то из темноты слышались сдержанные всхлипы, но никто меня не перебивал.

– Хатак, ты – старший. После того как... возьмёшь мою Прелесть. – Я устало замолк и закрыл глаза. Потом я почувствовал, как меня кто-то взял за руку и слегка сжал ладонь.

– Не сдавайся Пётр. – Тихо промолвил Хатак.

– Я не сдаюсь.

Ещё несколько дней я прибывал в пограничном состоянии между явью и бредом. Я чихал, кашлял, иногда вместе со-

слюнями изо рта вылетали зубы. Кажется, парочку я проглотил. Меня била лихорадка, я – то горел, то мёрз. Организм с трудом принимал только бульон или тертые овощи, а через некоторое время норовил вернуть даже и эту малость обратно. Я уже совсем ослеп и перестал слышать. Дышал тяжело и редко. И всё-таки не умирал.

Потом я впал в кому.

Глава. 7 Так вот ты какой – рояль попадана

Запах! Целые клубы сложносоставных запахов. Вонь собственного немытого тела, аромат сгорающих сосновых поленьев, дразнящий запах горохового супа и копчёного сала, мокрая шерсть, чадящий в светильниках жир и много, много другое. Вот что, разбудило меня. И всё настолько чётко, настолько пронзительно что, первая мысль которая меня посетила, меня же и удивила. «Так вот в каком мире живут собаки», а вторя «Чтоб я сдох, если я ещё не умер!»

Яслегка повернулся. Положив на руки голову, в свете тускло горящих жировиков за столом, тихо посапывая, спала Соле. Я вдруг осознал, что я не только всё замечательно вижу но, и прекрасно слышу. А ещё мне жутко хотелось пить, я попытался облизать пересохшие губы и неожиданно наткнулся языком на острые шпеньки зубов торчащих в деснах. Что за чёрт! Я же помню, как они повылетали к Бененой маме. Зрение, слух, зубы – что, вообще происходит?

Видно моё кряхтение и сипение разбудило девочку. Подняв голову, она несколько секунд, прищурившись, всматривалась в полумрак, соображая, что её разбудило. А когда сообразила.

– Дядя Пётр! – схватив пиалу с водой, она мгновенно оказалась возле меня – Дядя Пётр ты очнулся! Из аккуратно поднесённой пиалы внутрь меня хлынула прохладная чистая вода. Блаженство! То, что надо! Сладше мёда и хмельнее зелена вина!

– Я сейчас! – крикнула Соле и унеслась в темноту землянки. – Яр! Яр! Дядя Пётр очнулся!

Да-а, с этим освещением как у негра в ж, надо что-то делать – мелькнула у меня мысль, и тут же – Что, это? Я поди помирать раздумал, раз о делах беспокоюсь!

Хлопнула дверь, шаги, загрохотали, посыпавшись на пол поленья, и возле меня нарисовались брат с сестрой.

– Дядя Пётр, ты жив? – будто не веря глазам, воскликнул Яр.

– Шшиф – просипел я – фоты! Ещё!

– Я сейчас! – мухой умчалась Соле.

– Хатах – снова просипел я – хде?

– Хатак и Хват ушли на охоту по первому снегу. Скоро должны уже вернуться. Не волнуйся – зачистил Яр – у нас всё хорошо.

Тут Соле поднесла к моим губам пиалу с водой и я, непроизвольно, поднял руку и пораженно замер, глядя на то, что увидел перед собой! Клешня, птичья лапка, мечта мумии, а не рука. Если и остальное так выглядит, то таких – даже в гроб не кладут. Такие – из него встают, когда нечистые наруку американские бизьнисьмены прячут бочку с радиоактив-

ными отходами на старом кладбище. Да-а!

– Сколько я лешу?

Дальше я только слушал, время от времени прикладываюсь попить. Рассказывали по очереди, иногда прерываясь, что бы сдержанно порыдать от полноты чувств. От того как, им было страшно, когда я умирал, и как они счастливы что, я не умер.

В полной отключке я пробыл чуть больше двух недель, а всего со дня первого недомогания прошло два месяца. Уже прошли осенние проливные дожди, заморозки прибили грязь и слякоть, и на днях выпал снег.

Страшнее всего – рассказывала Соле -было, когда я потерял сознание. Не открывая глаза и ничего не слыша, я ещё несколько дней бессвязно что-то выкрикивал, кого-то звал, кому-то грозил. Моё лицо искажали гримасы, пальцы, словно когти, впивались в шкуры.

– Великий шаман сражается с ужасным духом старости. – Сказал Хатак – Пётр самый могучий шаман, которого я встретил за свою долгую жизнь. Если кто-то и сможет победить в это борьбе, то только он. Будем надеяться.

А потом я, вдруг, затих.

– Мы подумали что, уже всё – плача продолжала Соле – ты лежал бледный и холодный, но потом мы поняли, ты всё ещё дышишь. Очень тихо, и очень редко!

Но, я совсем перестал есть, и пить, лишь иногда, очень редко, делал произвольные глотательные движения. И то-

гда можно было успеть влить в меня воды или тёплого мясного бульона. Поэтому они сидели надо мной, по очереди, день и ночь, чтобы не упустить этот момент. Они обтирали меня беспомощного, тёплой водой, помня мои наставления. Соле, словно мать, ходила за мной.

И однажды, обтирая меня в очередной раз, она почувствовала под рукой колючую поросль на лысой голове. У меня все волосы то выпали по всему телу. И тут вдруг такое! Вот тогда они осознали, Великий шаман победил страшного духа.

За разговорами, Соле организовала бульончик, я чуть-чуть поел и тут же уснул.

Когда я проснулся снова, возле меня сидел Хатак. Самочувствие было слегка лучше, и это радовало!

– Хао, мой друг Хатак!

– Хао, Пётр! Великий Шаман Изгнавший Старость!

– Хатак, я тебя умяляю! Прекрати придумывать мне пафосные титулы! Мне и так хреново!

– Если у тебя из головы выпали седые волосы, а растут тёмные, если вместо старых зубов у тебя во рту растут новые, это вообще-то как?

Как? Хороший вопрос! Я и сам бы хотел у кого-нибудь спросить.

– Хатак, клянусь, я и сам не понимаю что, происходит! Надо во всём разобраться.

– Что тут разбираться. За тобой пришел могучий дух, с которым никто не может справиться, а ты прогнал его. Ты

самый Великий и Могучий шаман, Повелитель Камней Изгнавший Злой дух Старости!

– Господи! Хатак! У меня нет сил спорить но, давай я так и останусь твоим другом Петром или на худой конец, просто Великим шаманом.... Э? Хатак?!

Видно было, как старому охотнику не нравится моя просьба. Тут ведь чем больше титулов на ком-то висит, тем ты круче. И не важно, охотник ты или шаман. Главное чтобы они были действительно чем-то или кем-то подтверждены. А иначе – ой-ёй-ёй! Прихватят на незаслуженном, кисло будет. Тут нет ещё толерантности и терпимости, к брехунам и любителям проехаться за чужой счёт сурово относятся. Дикари-с! Потому-то так печалился Пёстрый Полоз, когда я «нарисовался» в племени. Я хоть и самозванец но, по сравнению с ним, реально крутой шаман.

Так что, Хатак недовольно жевал губами, шевелил мохнатыми гусеницами бровей, но... как откажешь другу, если он просит?

– Хорошо! – Наконец родил он – Ладно! Что тебе сейчас нужно?

– Жрать, старый. Очень жрать надо! И, это... баню, иначе я сам от себя задохнусь!!!

Тук-тук, тук-тук, неспешные удары топором по сосновому бревну, будущему днищу лодки-плоскодонки, никак не мешали думать. А поразмыслить было о чём!

То что, со мной случилось, не укладывалось в голове. Я действительно молодец!!! За эти три недели с момента как я пришел в себя, это стало совершенно ясно. Организм ударными темпами наедал массу. Зубы выросли полностью, стали потихоньку рассасываться старые шрамы, разглаживаться морщины. Волосы пёрли как на дрожжах. Зрение, слух и обоняние стали значительно лучше, чем даже во времена моей молодости. Это слегка пугало меня и приводило в дикий восторг одновременно. Пугало потому что, неизвестно, как быстро и до какого предела покачусь я в обратную сторону. Кабы не помолодеть до состояния эмбриона! Но больше я был в диком восторге! Я жив!!! Я, сука жив, и молодею!!! Иногда так накатывало что, хотелось орать и давать вприсядку!

Я знаю как выглядит Самый Настоящий Рояль Попада-на!!!

Но... как? Почему? Откуда всё это счастье?

На ум приходит только одна, логичная версия, которая объясняет все факты и выстраивает в непротиворечивую схему последовательность событий.

Это – портал! Непонятная дверка в ткани времени, имеющая, тем не менее, некий весьма серьёзный защитный механизм. Только когда я лежал прикованный к постели, восстанавливаясь после «болезни», у меня нашлось время сопоставить странности, которые творились с самого начала.

Вирусы, микробы, бактерии, вся эта «шерсть» должна про-

никать во время открытия портала, как сюда, так и обратно. И этот процесс обязательно должен иметь последствия, хотя бы в виде странных заболеваний у местного населения по обе стороны «дверки». Но этого нет. Более того, я уж точно должен притащить целый букет воспалительных гостинцев а-ля 21й век. Но... нет, никто даже ни чихнул от общения со мной. Значит некий механизм «стерилизует» проход?

И ещё он угробил всё, что было связано с электричеством. Дальше, мой организм начал понемногу улучшаться. Я помню, стал чуть лучше видеть, слышать, заметно прибавилось сил, перестали беспокоить болячки. Возможно, меня пытались привести к некой норме но, в какой-то момент что-то пошло не так, и процесс сорвался в штопор? А может слишком много во мне всякой гадости? Современной химии, тяжелых металлов, физических изменений, и что-то решило переделать всё сразу, скопом, чем долго и нудно колупаться то с одним, то с другим? И тогда мне устроили генеральную реконструкцию!

Был ли результат предрешен счастливым исходом? Ох, не знаю, не знаю! Тут явно действовала не разумная сила, а скорее сила природная. Может, был я чуть худее или чуть слабее, и у меня не хватило бы «топлива» для перестройки. Может именно та малость, воды и бульона, которую мои охотники и ребятишки умудрились впихнуть в меня, как раз и не дала выгореть окончательно? Я почему-то уверен, без них я бы не пережил перерождения.

Всё это – плод моих абстрактных умозаключений. Как бы-
ло на самом деле я врядли, когда узнаю. Да и пох! Я жив! Я
молодею! И это – прекрасно!!!

На зиму у меня было целое громадьё планов. И вот уже се-
редина января, а я только-только приступил хоть к чему-то.
Первую неделю я только и делал что, ел да спал. Потом на-
чал потихоньку вставать и вовлекаться, так сказать, в про-
цесс. Нельзя сказать что, без меня здесь всё замерло. Пло-
дотворно работал кружок очумелые ручки, например, народ
очень сильно продвинулся в резьбе по кости, так же актив-
но велись тренировки, были спущены сверху, из сосновой
рощи, заранее заготовленные материалы для кое каких про-
ектов но, когда я всё-таки оклемался, тут-то жизнь и забур-
лила. Под моим чутким руководством был сделан пресс, и
у нас появилось подсолнечное масло. Некоторые блюда сра-
зу вышли на новый уровень. А ещё у нас улучшилось освеще-
ние, что немедленно повлекло за собой ежедневные заня-
тия по арифметике и письму, а с русским языком мы и так
практиковались постоянно. Хатак не обманул. Зима и вправ-
ду здесь мягкая. Не как у нас, то снег, то дождь, то дикий
холод, а именно мягкая. Время от времени подсыпает снеж-
ком, температура около минус десяти двенадцати градусов,
а то и того меньше. Каких-то резких перепадов пока не за-
мечал. Красота!

Так-как лёд уже намёрз приличный, народ пилит его и за-
гружает в ледник. Для облегчения труда пришлось на скорую

руку сочинить «тяп-ляп санки». Убогие, конечно, но свою функцию выполняют. «Шедевр» потом сделаем.

Ещё в планах забить, по льду, сваи под помост в Затон. Прямо от берега и до границы камышей с чистой водой. Метров тридцать придётся пройти. Надо! К весне у нас всё-таки будет лодка. Я вот как раз, в меру своих сил и тюкаю топориком по брёвнышку. Драккар мне, конечно, не построить но, добротную плоскодонку вполне по силам. Хотя участвовал я в строительстве и ладьи и драккара, чего только в реконструкции не нахватался. Но, то сложные конструкции, пока не с моим опытом и возможностями за такое братья. А вот по Затону рассекать, плоскодонка самое оно.

А ещё скоро надо будет собирать крапиву. И делать механические прилады, чтобы облегчить процесс изготовления из неё волокна, а из него верёвок, ниток и полотна. И уже совсем пора идти в лес, к примеченным местам, за материалом на луки и древки для копий и дротиков. Хатак – красавец! По одному только описанию нашел мне всё-таки тис. Или очень на него похожее дерево. В любом случае я планирую, сделаю много заготовок и из ореха, и из тиса, из рябины и вяза. Да-аа! Много делов, много. Ну, ничего, ничего, помаленьку-потихоньку, тук топориком да тук, оно и ладно будет.

Весна! Я стою на краю обрыва и любуюсь на эпическую картину паводка. Повсюду бескрайние тёмные воды. И тем

не менее, к условной границе, которую я отметил колом, до которой обычно доходит половодка, в этот раз она не дошла метра три. И очень хорошо! Пусть так будет каждый год! Да!

Я тут взялся календарь вести. Вместо бумаги – береста, ровные и чистые куски, выдержанные под прессом. Из таких же, кстати, сшил и написал азбуку. С «грифелем» мучился долго, смешивал глину с угольной пылью, сажей от светильников, жиром в различных пропорциях, выдавливал через тонкую трубочку стержни, сушил, пока наконец не получил приемлемый результат.

Хатак совершенно убеждённо указал на самую длительную зимнюю ночь в году. А это в моём времени значит – двадцать первое декабря. Скандинавский новый год – йоль. Вот от этой даты я и начал плясать. Так что, сейчас, по моим записям, двадцать третье марта. Где-то в это время, в прошлом году, я уже шел, катя велик вниз вдоль речки навстречу своей судьбе.

Март прошел у нас под девизом «Добудем из клёна кленовый сироп». И мы таки его добыли. Это я вам скажу, была целая эпопея. Эти переливания, эти кипячения, выпаривания. Вагон дров угрохали. Но каков результат! Амброзия, божественный нектар! Я сам ложками хлебал, так по сахару соскучился, а остальные, как только попробовали первый результат, энтузиазм по добыче сиропа стал просто зашкаливать. Стоят в закромах пятилитровые горшочки, аж десять штук, душу радуют. Теперь балуем себя травяным чаем

с кленовым сиропом, как баре.

А вот с медком всё никак не срастается. И вроде пчёл над нашим заливным лугом немеряно, а пчелиное гнездо всё не находится. А уж мы их ищем весьма внимательно.

Скоро должны появятся гонцы из племени Правильных Людей, так говорит старый охотник. Вместе с ними, вернёмся в стойбище, торговать соль и шкуры. У нас уже всё к этому готово.

Немного глиняной утвари, в основном глубокие чашки и пиалы да пара горшков, резные фибулы и пряжки, серьги, подвесные кольца и простенькие бусы, а так же простенькие подвески в виде цветов, фигурок зверей и переплетенных геометрических фигур. Ещё пару ремней с пряжками и несколько симпатичных небольших кожаных сумочек с застежками в виде пуговиц. На такой ассортимент я мог обратиться всё племя до нитки, если они у них были бы. Но мне нужно только соль, хорошие шкуры и кожи.

Вырезано из бивня мамонта «Копьё Вождя», полуметровый широкий наконечник с завитушками и прорезными узорами насаженное на резное древко, покрытое простеньким лаком. В целом смотрится красиво но... как я и обещал мало функциональное. Грешным делом подумал что, Хатак и себе захочет такое, но старому охотнику такой выпендрёж оказался не нужен. Взяв за образец мой клевец, он сделал себе воистину убойную штуку. Тяжелая, грамм в пятьсот, ударная часть, стилизованная с большой экспрессией под голову

цапли, была надета на вязовую рукоять, обмотанную плетёным шнуром из крапивного волокна и покрытую несколькими слоями лака.

При проверке, Хатак, казалось, обманчиво легким ударом пробил череп лошади, добытой на недавней охоте. Ударить таким клевцом человека нужно только раз, пятнадцати сантиметровая рабочая часть гарантированно отправит на тот свет любого. Он и мне такой «подогнал». Пришлось в ответ, так сказать, от нашего стола – вашему столу, сделать ему, всё из того же бивня, пальчатую цепуру с медальоном. Сама цепь из овальных бляшек с прорезным геометрическим орнаментом, а медальон в виде оскаленной морды саблезубой кошки в фас. Хатак был в отпаде, снял все свои старые ожерелья из когтей и зубов и повесил на столб в землянке. А ходил только в этой цепи.

Третьей с нами идёт Соле. Конечно, и её брату, и Хвату хотелось покрасоваться в племени, но я сказал – Рано! Они и увяли.

Соле! Эта огневолосяя зеленоглазка за год, на отличных харчах в тепле и ласке, при правильной физической нагрузке их девочки-подростка стремительно трансформировалась в очень юную но, уже девушку. Похорошела, вытянулась вверх, шнуровочку кое, в каких местах на одежке пришлось подраспустить. Чистенькая, сияющая, и если разбивать сердца мужчин ей пока ещё рано, то своим «прикидом» она точно «убьёт» половину женского состава племени, если не всю.

В общем-то, как модель а-ля «Каменный век» я её и беру, помимо одежды на ней будет висеть целая выставка «Последний писк неолита». Серьги, прорезные крупные бусы, красивые подвески, резные кольца на пальцах, плетёный ремешок с подвесками на поясе, гребень, заколки в волосах, фибулы. Как только всё это разглядят женщины, у мужчин племени Правильных Людей настанут «весёлые времена».

Кстати, то что, на обильной и разнообразной еде в рост пошли брат с сестрой неудивительно, но и Хатак весьма преобразился. Мягкая пища, супы, каши, варенные и свежие овощи. И вот уже старый Хатак выглядит не таким уж и старым. Да, никуда не делись морщины, и зубов не прибавилось, и волос по-прежнему седой, но... Хатак стал гораздо бодрей, резче. Его лицо часто посещает довольная улыбка. И уже видно что, ему не шестьдесят и не пятьдесят, а слегка за сорок. И если, извините за анатомизм, ему не будет поддувать в задницу морозным сквознячком, если у него будут сухие ноги, и он не будет дышать угарным газом возле костра, ютясь в тесной яранге, то он вполне проживёт ещё многие годы. На таких-то деликатесах!

Через три дня, как и предрекал Хатак, явились гонцы сообщить, что племя уже стоит на переправе и Острый Рог ждёт в гости Великого шамана. Пришел Молодой, что неудивительно, а также ещё четверо охотников, одним из которых был Батор. Значит всё-таки выжил, и даже встал на ноги. Красавчик!

Хатак был искренне рад видеть Батора, он часто поминал его в своих разговорах, хвалил как охотника и тепло отзывался как о человеке. Даже сдержанно хвалил, как тот мечет дротики, это Хатак-то, у которого кто не косорукий, тот косоглазый. И очень сожалел что, его нет рядом с нами. Я даже однажды поинтересовался, может быть, Батор сын Хатака? Старый долго смотрел в огонь и ответил, что он был бы счастлив, но он не знает. И да, отцам необходимо знать своих детей! Теперь, после долгого общения со мной он это отчетливо понимает.

Что бы в будущем избежать лишнего геморроя с празднующимися аборигенами там, где я живу и работаю, велел ставить лагерь на верху, на одной из полян расположенной недалеко от обрыва. И посещать лагерь не больше чем по два человека зараз, это чтобы поговорить с потенциально нашими людьми без лишних ушей, да и показать им можно чуть побольше чем остальным.

В результате все пришлые по очереди побывали у нас в гостях, поохали, поахали. Уж не знаю, кто из них стучит шаману, а кто вождю, но на ночь у нас остались Молодой и Батор. И если Батор приглядывался с неким непониманием, того ли он перед собой видит, то Молодой первое время вообще смотрел на меня открыв рот и вытаращив глаза. Он то, в отличие от Батора, общался со мной гораздо дольше и плотнее, и незаметить странностей в моём облике немог. Было насмелился спросить, а я ему так подмигнул, у него все во-

просы в горле и застряли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.